

И. Е. Барыкина

АЛЕКСАНДР III

Назад в будущее

И. Е. Барыкина

АЛЕКСАНДР III

Назад в будущее

Учебное пособие
для общеобразовательных
организаций

Москва
«Просвещение»
2017

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31
Б26

16+

Барыкина И. Е.

Б26 Александр III. Назад в будущее : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / И. Е. Барыкина. — М. : Просвещение, 2017. — 111 с. — ISBN 978-5-09-049916-3.

Данное пособие призвано оказать научную и методическую помощь учителям общеобразовательных организаций в подходах к рассмотрению истории России конца XIX в. В книге представлено современное научное видение проблемы периода контрреформ и его связи с последующей эпохой.

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31

ISBN 978-5-09-049916-3

© Издательство «Просвещение», 2017
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2017
Все права защищены

Введение.....	4
«Грозная и тревожная фигура гиганта»	17
Воспитание Александра III. Период наследничества.....	22
Воцарение. Корректировка курса.....	38
Реформаторы третьего поколения	50
Продолжение реформ 1860—1870-х гг.	60
Контрреформы	79
Императорская фамилия.....	86
Частная жизнь императора	95
Заключение	101
Список сокращений.....	108
Литература	109

Введение

«...Власть, смотрящая не вперёд, а назад, ищущая в прошлом союзников и аргументы в пользу своего существования, на практике столкнулась с ускоренным экономическим и политическим развитием, с новыми явлениями в области социальной сферы, образования, давшего новых людей, способных вести диалог с властью, с пробуждением на окраинах России национальных движений, с растущей урбанизацией и новым для неё рабочим вопросом, обильной и разнообразной прессой и пр. Всё это должно было обусловить появление двух противоположных тенденций... Подход российской власти ко всем сферам политики и законодательства определяла общая консервативная тенденция, в основе которой лежали традиционные, восходящие по крайней мере к XVIII в. парадигмы: самодержавие, полицейское государство, сословность, патернализм, всеобщий полицейский контроль, централизация, разрешительность. Однако текущие события постоянно требовали внесения изменений, создания новых правил, новых норм»¹.

Тринадцатилетнее царствование Александра III на первый взгляд представляется простым и ясным. В школьных учебниках истории повествование о нём занимает один параграф, в который укладывается и внутренняя, и внешняя политика. Общее представление о внутривнутриполитическом курсе выражается в понятиях «контрреформы», «попятное движение», «новый курс», «народное самодержавие», о внешней политике — в эпитете «царь-мироворец». Между тем эти тринадцать лет кажущегося спокойствия сменились эпохой революций 1905 и 1917 гг., и последняя привела к кардинальной смене всех политических, социальных и экономических отношений, изменила духовную жизнь общества. Предпосылки этого взрыва начали складываться во второй половине XIX столетия, когда в царствование Александра II был пропущен поворот к мирной, эволюционной модернизации². Но именно в течение тринадцати внешне спокойных лет правления Александра III клубок противоречий превратился в гордиев узел, который возможно было лишь разрубить.

Современники ощущали противоречивость царствования, которую скульптор П. П. Трубецкой передал, работая над конной статуей Александра III. Этот памятник, установленный в 1909 г. в Петербурге на Знаменской площади (ныне площадь Восстания) напротив Николаевского вокзала (Московский вокзал), в настоящее время скрытый от глаз во дворике Мраморного дворца, символизирует охранительное начало самодержавия. Всадник «на коне тяжёлоступном, в землю втиснувшем упор копыт»³ натянул поводья так сильно, что конь может встать на дыбы и сбросить седока. В. С. Кривенко, заведующий Канцелярией министра Императорского Двора, высоко оценивал творение П. П. Трубецкого: «На мой взгляд, произведение это гениальное, характеризующее ярко русское самодержавие... Трубецкой выявил грузного царя,

¹ Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 141.

² Подробнее см.: Барыкина И. Е. Александр II. Пропущенный поворот. — М., 2017.

³ Из стихотворения В. Брюсова «Три кумира».

самодержца-консерватора, осадившего бесформенную русскую массу»¹. Начальник Канцелярии министра Императорского Двора А. А. Мосолов вспоминал в 1930-х гг., уже в эмиграции: «Железной рукою массивный и колоссальный Александр III затягивает поводья своей лошади, не менее тяжёлой и внушительной, чем сам царь... если слишком затягивать удила, лошадь сначала бессмысленно потопчется на месте, а потом потеряет голову, встанет на дыбы и опрокинется»². С этим отзывом перекликается вывод Г. В. Плеханова об итогах царствования, сделанный в 1894 г.: «Целых тринадцать лет Александр III *сеял ветер*. Николаю II предстоит помешать тому, чтобы *буря разразилась*. Удастся ли ему это?»³ Эти слова оказались пророческими, самодержавие не смогло устоять под натиском революционной бури.

Г. В. Плеханов оказался в числе современников, отозвавшихся на кончину Александра III некрологами, в которых предпринимались первые попытки дать оценку царствованию, определить место и роль монарха в истории государства. Подписанный Г. В. Плехановым некролог был помещён в немецкой газете *Vorwärts* через месяц после кончины монарха⁴. Знание российской действительности и анализ внутриполитического курса, направленного на консервацию монархического режима и пришедшего в противоречие с процессом модернизации, позволили теоретику марксизма сделать вывод о непрочности самодержавного строя.

Государственная деятельность императора Александра III практически сразу после кончины получила оценки представителей различных течений российского общественного движения. Статья Г. В. Плеханова отражает позицию революционно-демократического лагеря. Подробный разбор мероприятий внутренней и внешней политики царствования Александра III со стороны либерального лагеря был дан К. К. Арсеньевым, известным юристом и публицистом, начавшим свою общественную деятельность в годы Великих реформ. Он опубликовал некролог в журнале «Вестник Европы» спустя два месяца после кончины монарха — в декабре 1894 г. С первых же строк эта статья обращает на себя внимание привлечением огромного пласта фактического материала. К. К. Арсеньев высказал важную мысль о неоднозначности внутренней политики Александра III, являвшейся не только реакцией на либеральные реформы 1860-х гг. (и получившей название «контрреформы»), но и продолжением ряда намеченных при Александре II преобразований: «Первый период царствования императора Александра III был во многих отношениях непосредственным продолжением предшествовавшей эпохи. Из двух течений, ею созданных, в особенности поспешивилось тому, которое сосредоточивалось в области финансовой и экономической. Понижение выкупных платежей (1882),

---

¹ *Кривенко В. С.* В министерстве двора. Воспоминания. — СПб., 2006. — С. 165.

² *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра двора. — СПб., 1992. — С. 70.

³ *Плеханов Г. В.* Царствование Александра III // Плеханов Г. В. Сочинения. — М.; Л., 1927. — Т. XXIV. — С. 168.

⁴ *Vorwärts*. — № 264 и 265 от 11 и 13 ноября 1894 г.

отмена подушной подати (1882), налог на наследства (1882) и на процентные бумаги (1885), повышение промыслового обложения (1884), учреждение Крестьянского поземельного банка и фабричной инспекции (1882), ограничение фабричной работы малолетних (1882) и ночной работы подростков и женщин (1885), устройство тех категорий сельских обывателей (чиншевиков, вольных людей и др.), поземельный быт которых оставался ещё необеспеченным (1882 и позже), совокупность мер, направленных к облегчению для крестьян арендования казённых земель (1881, 1884), — всё это было прямым исполнением программы, начертанной в 1880 г. И не случайно, конечно, главным исполнителем её явился министр (Н. Х. Бунге), именно в 1880 г. призванный из мира науки в сферу высшего государственного управления. Последние волны могучего течения достигают берега много лет спустя (закон от 3 июня 1886 г. о фабричной работе, закон от 13 июля 1889 г. о переселениях), но чем дальше от источника, тем слабее волна, тем больше в ней количество посторонних примесей... Не сразу исчезло и другое течение, завещанное последним годом царствования Александра II: непосредственно связаны с ним двукратный призыв сведущих людей (1881), учреждение так называемой кахановской комиссии (1881), узаконение школ грамоты (1882), учреждение комиссий для составления уложений уголовного и гражданского (1881 и 1882), новые льготы раскольникам (закон от 3 мая 1883 г.)»¹. Смена царствований и воцарение молодого монарха традиционно вызвали в обществе надежды на перемены. Так, и К. К. Арсеньев выразил общие чаяния на продолжение реформаторской тенденции в царствование Николая II, связывая с ним развитие местного и центрального представительства.

Позиция консервативного лагеря была выражена в речи К. П. Победоносцева, произнесённой на заседании Императорского русского исторического общества 6 апреля 1895 г. Обер-прокурор Св. синода сделал акцент на мероприятии охранительного курса, выделив главные, с точки зрения консерватора, черты монарха: охрана русского, историей завещанного, интереса, веру и любовь к Церкви Православной и уверенность в непоколебимом значении самодержавной власти².

Не остался в стороне от оценки деяний Александра III и В. О. Ключевский, председатель Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, преподававший историю среднему сыну императора — Георгию. В речи, произнесённой на заседании Общества 28 октября 1894 г., он обозначил два аспекта царствования Александра III: мирное развитие внешней политики и покровительство монарха отечественной исторической науке. И если первый аспект реконструирует политическую деятельность монарха, то второй больше относится к частной жизни. Фигура Александра III, являвшегося покровителем Общества, предстаёт в этом некрологе более сложной, чем привычный образ монарха в литературе этого жанра. Обладая царственным обликом, российский самодержец не скрывал своего предпочтения жизни

¹ Арсеньев К. К. За четверть века (1871—94): Сб. статей. — Петроград., 1915. — С. 600—601.

² См.: Победоносцев К. П. Сочинения. — СПб., 1996. — С. 168.

частного человека и предпринимал попытки совместить её с государственной деятельностью. «Государь, Который сосредоточивал в Своих руках многосложные нити управления необъятной Империи, направлял или сдерживал разносторонние течения мировой международной жизни, Которому, казалось, необходимо было удвоенное число суточных часов для решения многообразных государственных вопросов, ежеминутно на каждом Его шагу вырвавшихся из земли, — этот Государь умел находить досуг для скромной учёной работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей, и был глубоким знатоком в некоторых отделах русской археологии, например в иконографии. Все мы знаем Его постоянное и близкое участие в заседаниях и издательских трудах Русского Исторического Общества, Председателем которого Он был с самого его открытия, глубокий научный интерес, приданный Сборнику этого Общества содействием и покровительством Государя, живое внимание, с которым Государь относился к предпринятому Обществом изданию громадного Биографического Русского Словаря: высокий пример поощрял и ободрял учёные общества, будил и поддерживал энергию отдельных исследователей»¹.

Таким образом, сразу после окончания царствования были подведены его итоги и выделены характерные черты. Однако все названные выше публикации ещё не давали всестороннюю оценку царствования, не принимая во внимание биографию и характер самодержца.

Как правило, по прошествии нескольких десятилетий после кончины монарха появлялось подробное описание его жизни и царствования. Биографом Александра III стал С. С. Татищев². По замечанию самого историка, его задача сводилась к тому, чтобы «составить точный и по возможности полный прагматический свод событий» царствования³. Жизнеописание воссоздавало ход событий, но было лишено аналитического рассмотрения.

Одна из лучших биографических статей, посвящённых императору, была опубликована в Военной энциклопедии издательства И. Д. Сытина⁴. В ней представлена картина обучения наследника, его военной службы (в том числе и в Рущукском отряде в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.) и участия в государственной деятельности в период наследничества (например, при организации помощи пострадавшим от неурожая в 1867 г.). Энциклопедическая статья указывает на «долгие колебания» Александра III при выборе пути развития России после воцарения, характеризует основные мероприятия его политического курса. Не остались без внимания и личные качества императора: «прямолинейность убеждений», «твёрдость и неуступчивость», «простота и обходительность» в частной жизни.

---

¹ Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесённая в заседании Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете 28 октября 1894 г. Председателем Общества В. О. Ключевским. — Б.м., б.г.

² См.: *Татищев С. С.* Император Александр III. Его жизнь и царствование. (Рукопись). — РГИА. — Ф. 878. — Оп. I. — Д. 4.

³ См.: *Татищев С. С.* Александр II. Его жизнь и царствование. — М., 2010. — С. 6.

⁴ См.: Военная энциклопедия. — М., 1911. — Т. 1. — С. 276—282.

Начало XX в., события которого явились закономерным следствием нерешённых проблем второй половины XIX в., заставило историков по-новому взглянуть на эту эпоху. Одним из первых попытку аналитической оценки преобразований 1860-х гг. и контрреформ царствования Александра III предпринял А. А. Корнилов (1862—1925), либеральный историк, член партии кадетов, посвятивший свою научную деятельность исследованиям Крестьянской реформы и общественного движения XIX в. Три лекции А. А. Корнилов посвятил подробному обзору царствования Александра III. В рассуждениях историка явно прослеживается влияние его политических взглядов и во многом повтор оценки К. К. Арсеньева. А. А. Корнилов не обошёл вниманием биографию императора, осветив период наследничества, поскольку подготовка и воспитание наследника определяли характер будущего царствования. Курс лекций по истории России XIX в., ставший для А. А. Корнилова итогом научной деятельности, выдержавший несколько переизданий при жизни историка и на рубеже XX—XXI вв., до настоящего времени не утратил своего значения¹.

Новый импульс изучению внутренней политики Российской империи второй половины XIX в. дала революция 1917 г., открывшая архивы различных ведомств. Историки получили возможность исследовать государственные и личные документы, в том числе членов царской семьи. Воспользовался этой возможностью и Н. Н. Фирсов (1864—1934), выпускник, а позднее профессор Казанского университета, в 1929—1931 гг. возглавлявший Музей пролетарской революции, располагавшийся в Зимнем дворце (преемником этого музея в наше время является Музей политической истории в Санкт-Петербурге). По дневникам Александра III Н. Н. Фирсов воссоздал картину его воспитания и образования, семейную жизнь и государственную деятельность. Личность Александра III в реконструкции Н. Н. Фирсова значительно проигрывала образу Александра II. В глаза историку бросились орфографические ошибки в дневниках наследника престола, а затем императора. Во многом это объяснялось небрежностью в воспитании великого князя, которого поздно начали готовить к будущей деятельности. Н. Н. Фирсов сделал вывод о невежестве монарха, который «на всю жизнь остался полуграмотным человеком»². Историк утрировал консерватизм Александра III, сведя его к формуле «тащить и не пущать», однако верно уловил «архаичное» отношение императора к неограниченной царской власти, стремление поддерживать незыблемость её основ.

Дневники Александра III дали историку множество деталей частной жизни, которые Н. Н. Фирсов также стремился использовать для создания отрицательного образа. Приписывая монарху узость мышления, Фирсов отмечал, что «семейные интересы были одними из самых существенных, которыми жил Александр Александрович, будучи наследником российского престола»³. Семейные радости, связанные с рождением детей, Фирсов противопоставлял

¹ См.: Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. — М., 2004. — С. 731—781.

² Фирсов Н. Н. Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам // Былое. — 1925. — № 1. — С. 85—108.

³ Там же. — С. 87.

тяжёлой внутривластной ситуации в стране, по его мнению, в такой сложный период глава государства не имел права сосредоточиваться на семейной жизни. Исследователь верно подметил тягу Александра III к частной жизни, но сделал из этого факта несправедливый по отношению к монарху вывод. Смысл дневниковых записей императора, которыми наполнены статьи Фирсова, искажается благодаря комментариям историка. Так складывался образ недалёкого человека, от воли которого зависела судьба государства.

После того как в поле зрения историков оказались свидетельства участников событий, стали публиковаться дневники государственных деятелей, назрела необходимость в более отчётливом представлении о правительственной практике второй половины XIX в., потребовалось объяснение мотивов и результатов действий власти. На повестку дня было поставлено изучение деятельности правительственных верхов на переломных этапах развития Российского государства. Первые попытки исследования причин корректировки либерального курса в начале царствования Александра III предпринял Ю. В. Готьё (1873—1943), воссоздав картину взаимоотношений наследника Александра Александровича с К. П. Победоносцевым¹ и колебаний правительства после 1 марта 1881 г.²

Большое влияние на отечественную историографию второй половины XX в. оказали работы П. А. Зайончковского (1904—1983), ученика Ю. В. Готьё. Статьи Ю. В. Готьё послужили для него «своеобразным путеводителем при подготовке монографии «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов» (М., 1964)»³, которую П. А. Зайончковский посвятил памяти учителя. П. А. Зайончковский стал, в сущности, одним из первых в советской историографии исследователем внутривластного курса царизма, введя эту тему в статусе самостоятельной проблемы в советскую историографию⁴. Воссоздавая основные направления карательной политики самодержавия, он в то же время заложил серьёзную основу для изучения преобразовательной-реформаторской деятельности, исследовав неудавшиеся проекты Н. П. Игнатьева по созыву Земского собора⁵.

У П. А. Зайончковского «были свои тематические и методические пристрастия и установки»⁶. В соответствии с ними фигура Александра III в следующей монографии — «Российское самодержавие в конце XIX столетия» — представлена идеологически традиционно для советской историографии. Автор

---

¹ См.: *Готьё Ю. В.* Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865—1881 // Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866—1895: Статьи, очерки, воспоминания. — М., 2001. — С. 499—530.

² См.: *Готьё Ю. В.* Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. — Т. 2. — С. 240—299.

³ *Чернуха В. Г., Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* П. А. Зайончковский и изучение правительственного конституционализма // П. А. Зайончковский (1904—1983): Статьи, публикации и воспоминания о нём. — М., 1998. — С. 238—249.

⁴ См.: Там же. — С. 239.

⁵ См.: Там же. — С. 239—240.

⁶ Там же. — С. 238.

подчёркивал тупость, упрямство, примитивизм ума Александра III. При этом П. А. Зайончковский не отказывал монарху в здравом смысле, которым тот руководствовался иногда в делах внешней политики. Историк остановился на деталях частной жизни монарха, уделяя место его читательским интересам, правда, представляя их такими же примитивными, как и ум императора. П. А. Зайончковский отметил связь частной жизни и государственной деятельности, объясняя антигерманские настроения Александра III влиянием его жены, императрицы Марии Фёдоровны, датской принцессы, не простившей Германии отторжения от Дании в пользу Пруссии и Австрии Шлезвига и Голштинии¹.

Ученица П. А. Зайончковского — Л. Г. Захарова — продолжила решение поставленной им исследовательской задачи и подробно рассмотрела подготовку и проведение земской контрреформы². Эта монография выдержала неоднократное переиздание.

Почти одновременно с монографией П. А. Зайончковского выдающийся ленинградский историк С. Н. Валк (1887—1975) подготовил главу «Внутренняя политика царизма в 80-х — начале 90-х годов XIX в.» для одного из томов многотомника по истории СССР. Эта работа так и осталась на стадии типографского макета, не изданного по идеологическим причинам, неизвестного широкой читательской аудитории, но хорошо знакомое учёным, занимающимся внутренней политикой второй половины XIX в.³ Научная деятельность С. Н. Валка, начавшаяся в предреволюционные годы, стала особым этапом в развитии отечественной археографии и историографии, явившись связующим звеном между поколениями историков первых десятилетий XX в. и его второй половины. Особое внимание С. Н. Валк уделял приёмам работы с историческим источником, данный им анализ внутренней политики царствования Александра III основан на изучении большого количества документов. Ученики С. Н. Валка — В. Г. Чернуха и Р. Ш. Ганелин — вспоминали о специальном семинаре, организованном учёным на историческом факультете Ленинградского университета в конце 1940-х — 1950-е гг., в котором участвовали не только студенты разных курсов, но и окончившие университет, аспиранты и даже «остепенившиеся» ученики. Объединяемые интересом к общей теме, они составляли учёное собрание, рассматривавшее широкий круг вопросов, по преимуществу относившихся ко второй половине XIX в. Ученики С. Н. Валка

---

¹ См.: Александр III и его ближайшее окружение // Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). — М., 1970. — С. 35—46.

² См.: Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. — М., 1968; Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. // Александр II и отмена крепостного права в России. — М., 2011. — С. 353—542.

³ См.: Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 910—990.

с огромным уважением писали о присущей учителю способности к тонкому историко-психологическому анализу мемуарной литературы, подчёркиваемой им важности и ценности непредубеждённого взгляда на источник¹.

Коллеги С. Н. Валка по Ленинградскому отделению Института истории АН СССР (в настоящее время — Санкт-Петербургский институт истории РАН) и его ученики продолжили исследование внутренней политики второй половины XIX в. Эта тема стала магистральной в научной деятельности В. Г. Чернухи (1930—2014), начавшей свой путь в науке с изучения нереализованных проектов царствования Александра II², постепенно расширяя исследовательское поле и включая в него мероприятия внутренней политики царствования Александра III.

В. Г. Чернуха обладала удивительным даром — увидеть эпоху в нескольких фразах документа. Её рассуждения отличала способность реконструировать ход событий на основании законодательного документа, записки или дневниковой записи, на первый взгляд ничем не примечательных, но раскрывающих перед вдумчивым и внимательным исследователем существо исторического процесса. В. Г. Чернуха была глубоким знатоком источников по внутренней политике второй половины XIX в. В своих работах она привлекала широкий круг документов, не только напрямую относившихся к внутривластному процессу, но и косвенно его характеризовавших (воспоминания, переписка). Многие из этих источников она представила и прокомментировала в сборнике документов из серии «Государственные деятели России глазами современников», посвящённом Александру III. Книга открывается вступительной статьёй³, в которой сформулирован выбранный историком подход к личности монарха. В. Г. Чернуха поставила перед собой задачу показать императора в разных обстоятельствах и глазами разных людей. В издании собраны свидетельства современников, находившихся в неодинаковой степени близости к монарху и дававших зачастую противоположные оценки его действиям. Это позволяет представить палитру мнений, полную разнообразных оттенков, подчас противоречивых, рисующих яркими мазками портрет самодержца. Вступительная статья, предваряя знакомство читателя с документами, вводит его во внутренний мир самодержца, несущего бремя власти, осознающего тяжесть этой ответственности, но при этом испытывающего чувства частного человека. Автору удалось передать это противоречие, вдохнуть жизнь в конструируемые образы.

Позднее В. Г. Чернуха неоднократно обращалась к личности и политике Александра III в своих статьях, монографии о паспорте и в чернови-

---

¹ См.: *Ганелин Р. Ш., Чернуха В. Г.* С. Н. Валк // *Вспомогательные исторические дисциплины.* — СПб., 1998. — Т. 26. — С. 314—315.

² Подробнее об исследованиях В. Г. Чернухи см.: *Барыкина И. Е.* Александр II. Пропущенный поворот. — М., 2017.

³ См.: *Чернуха В. Г.* Александр III // *Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма.* — СПб., 2001. — С. 5—40.

как¹. К упущенным возможностям «мирной модернизации» она отнесла события, связанные с отказом от проекта М. Т. Лорис-Меликова в апреле 1881 г. С трагической гибелью Александра II ушла целая эпоха, сначала необычайно оживившая российское общество, а затем начавшая разочаровывать. При этом реформаторский потенциал страны остался не до конца реализованным, «воцарение Александра III оборвало наметившуюся тенденцию движения к правовому государству. Он унаследовал власть, когда законодательная её ветвь была подготовлена к реформированию, но ещё не затронута преобразованием, а вся полнота хорошо налаженной административной ветви полностью сохранялась»².

Магистральной идеей работ В. Г. Чернухи был кризис самодержавия в XIX — начале XX в. Эта идея объединяет научные труды учёного и её коллег по Отделу Новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН — Б. В. Ананьича (1931—2015) и Р. Ш. Ганелина (1926—2014). Петербургские учёные подготовили несколько совместных публикаций. Большую известность получили комментарии к воспоминаниям С. Ю. Витте³, издание стенографической записи его мемуаров⁴ и его политическая биография на фоне характеристики событий конца XIX — начала XX в.⁵, раскрывающие роль этого государственного деятеля во внутренней политике Российской империи. На конференции «Дом Романовых в истории России», состоявшейся в Санкт-Петербургском университете в июне 1995 г., историки выступили с докладом о взаимоотношениях Александра II и наследника накануне смены царствований, в которой представили свой взгляд на причины событий 1 марта 1881 г. Доклад, опубликованный в сборнике материалов конференции, вызвал большой интерес и неоднократно переиздавался⁶.

Б. В. Ананьич также исследовал экономические процессы, набравшие ход на рубеже веков, в первую очередь процесс создания российских банков⁷. В коллективной монографии «Власть и реформы» (сотрудников Санкт-

---

¹ См.: *Чернуха В. Г.* Император Александр III: его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 599—613; *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007; Подробнее о работах В. Г. Чернухи см.: *Барыкина И. Е., Гусман Л. Ю.* История как жизнь (памяти В. Г. Чернухи) // Российская история. — 2014. — № 4. — С. 173—184; *Барыкина И. Е., Гусман Л. Ю.* Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX века в трудах В. Г. Чернухи // Петербургский исторический журнал. — 2014. — № 2. — С. 239—253.

² *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 139.

³ См.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. — М., 1960. — Т. 1. — С. 511—548.

⁴ См.: Из архива С. Ю. Витте. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2 т. (3 кн.). — СПб., 2003.

⁵ См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. — СПб., 1999.

⁶ См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Дом Романовых в истории России: [Материалы к докл. конф., 19—22 июня 1995 г.]. — СПб., 1995. — С. 204—213.

⁷ См.: *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860—1914: Очерки истории частного предпринимательства. — Л., 1991; М., 2006.

Петербургского института истории РАН) Б. В. Ананьич рассмотрел не только политические мероприятия «народного самодержавия» Александра III, но и уделил большое внимание экономической сфере¹.

Известный советский историк Ю. Б. Соловьёв (1929—1995) представил яркую палитру свидетельств современников о кризисе самодержавия, проявившемся в противоречии тенденций экономической и политической жизни². Несмотря на то что книга написана в 1970-е гг., выводы исследователя не потеряли своей актуальности.

Важную роль в формировании нового методологического подхода к конструированию образов монархов сыграли исследования американского учёного Р. С. Уортмана. По мнению историка, у каждого российского императора был свой «индивидуальный способ» презентации, для обозначения которого Уортман ввёл понятия «императорский миф» и «сценарий власти». Согласно его трактовке, в царствование Александра II «сценарий власти» постепенно трансформировался, презентуя всё большее единение не с дворянством, а с народом. Новый союз красной нитью проходил через «сценарии» последних российских самодержцев: у Александра III как «воскрешение Московии», у Николая II как «демонстрация набожности»³. Р. С. Уортман использовал в историческом исследовании культурологический метод семиотического анализа, обращая внимание на детали, из которых складывался «сценарий власти»: архитектура, литература, музыка и т. п. Действительно, при Александре III расцветает псевдорусский стиль в архитектуре, появляются постройки, стилизованные под зодчество первой половины XVI в. На религиозность семьи Николая II указывало большое количество икон, украшавших его резиденцию в Александровском дворце Царского Села. Методологический приём Р. С. Уортмана во многом спорен, но большим достоинством его монографии является привлечение широкого круга исторических источников.

В работе Г. В. Лобачёвой «Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX века)» (Саратов, 1999) объектом исследования стало царствование Александра III, когда власть перенесла точку опоры с дворянства на народные массы. Выбор исторического периода обусловил и особенности подбора источников: помимо документов, периодики, дневников и мемуаров, привлечён фольклор (исторические и обрядовые песни, сказки). К несомненным достоинствам исследования можно отнести подробную историографическую главу, в которой автор подвергла анализу этапы изучения феномена «восприятия верховной власти народом»⁴. Г. В. Лобачёва

---

¹ См.: Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 338—416.

² См.: Соловьёв Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. — Л., 1973.

³ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. — М., 2004. — Т. 2. От Александра II до отречения Николая II.

⁴ Лобачёва Г. В. Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX века). — Саратов, 1999. — С. 5—36.

не обошла вниманием и статьи Р. С. Уортмана, предшествовавшие изданию его фундаментального труда.

В книге Г. В. Лобачёвой выделено несколько аспектов монархического идеала в массовом сознании, мифологизировавшем образ царя: «носитель традиционного идеала «правды», «средоточие власти, освящённой Господом», «отец народа». На этом мифе народное сознание основывало право обращения каждого подданного к верховной власти, апелляции к самодержцу как к последней инстанции в поисках справедливости¹.

Современные историки выделяют и другую особенность самодержавной модели управления — феномен «высочайшей воли»². Проблема автономности действий монарха поднималась ещё первыми публикаторами документов государственных деятелей. В предисловии к дневнику В. Н. Ламздорфа историк Ф. А. Ротштейн сформулировал вопросы, которые встают перед исследователем государственной деятельности императора Александра III: «Чем он руководствовался в своих суждениях и решениях? Каким влияниям и воздействиям подвергался он в своём персональном окружении? К каким советникам прислушивался?»³.

Ответы на эти вопросы могут дать сборники документов. Это направление конструирования образа монарха, появившееся сравнительно недавно, раскрывает различные стороны жизни и деятельности императора, предоставляя читателю возможность самостоятельно прийти к выводам о роли личности в истории. Публикация свидетельств современников началась ещё в конце XIX в. Прошло несколько лет после кончины монарха, и в исторических журналах появлялись воспоминания людей, встречавшихся с ним. Мотивы обращения к прошлому объяснила А. П. Бологовская, автор воспоминаний о детстве императора Александра III, опубликованных в первом номере «Исторического вестника» за 1914 г.: «Воспоминания эти так мне дороги, что жаль было предать их гласности. Теперь же, на старости лет... невольно переносишься в далёкое прошлое...»⁴. Публикации, относящиеся к различным сторонам частной жизни и государственной деятельности монархов, помещались на страницах «Русской старины», «Русского архива», «Исторического вестника». С 1920-х гг. стали выходить отдельными изданиями воспоминания и дневники государственных деятелей, в первую очередь тех, кто весьма критично относился к действиям императоров⁵. В настоящее время издание мемуарной литературы расширяется, публикуются источники, до того времени находившиеся в архи-

¹ См.: *Лобачёва Г. В.* Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX века). — Саратов, 1999. — С. 112—113.

² *Долбилов М. Д.* Рождение императорских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. — 2006. — № 9 (127). — С. 5—48.

³ *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891—1892. — М.; Л., 1934. — С. IX.

⁴ *Бологовская А. П.* Воспоминания о детстве императора Александра III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб., 2001. — С. 41—46.

⁵ См.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. — М., 1960. — Т. I; Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880—1885). — М.; Л., 1927; Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: В 2 т. — М., 1966. — Т. I. 1883—1886; Т. II. 1887—1892 гг.; *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891—1892. — М.; Л., 1934; *Ламздорф В. Н.* Дневник 1894—1896. — М., 1991.

вах¹. Нельзя не упомянуть о мемуарах графа С. Д. Шереметева, не так давно увидевших свет и представляющих взгляд человека, близкого императору². К мемуарной литературе в настоящее время добавляются публикации произведений эпистолярного жанра: активно издаётся переписка Александра III с родственниками в период наследничества и царствования³. Самые яркие фрагменты этих документов и научных трудов историков представлены в антологии «Александр III: pro et contra»⁴.

Продемонстрировать деятельность самодержца с различных ракурсов позволяют официальные документы и содержащиеся в них маргиналии — пометы монарха. Они характеризуют стиль речи, присущий императору, и его отношение к событиям. Обзор содержания всеподданнейших докладов по Главному управлению по делам печати за 1865—1909 гг. и самих резолюций монархов был представлен в статье сотрудника Института русской литературы В. В. Буша, написанной в 1919 г.⁵ Исследователь подробно остановился на маргиналиях Александра III, имевшего привычку высказываться весьма прямолинейно. Эта черта императора проступает в дневниковых записях В. Н. Ламздорфа, помощника министра иностранных дел Н. К. Гирса, воспроизводившего в своём дневнике монаршие резолюции⁶. Появившиеся в последнее время публикации источников проясняют происхождение этой особенности самодержца. Дневник Н. П. Литвинова, воспитателя великого князя Александра Александровича, представляет шестнадцатилетнего подростка, воспитанием которого пренебрегали, несдержанного и резкого по отношению к окружающим⁷. Наставнику удалось сгладить, но не устранить издержки воспитания, а абсолютная власть позволила этой черте проявиться вновь уже у императора Александра III.

---

¹ См.: Дневники императора Николая II. — М., 1992; *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Воспоминания. — СПб., 2006.

² См.: Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001.

³ См.: «Буду свято исполнять Свой долг» // Источник. — 1993. — № 1. — С. 39—50; Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Фёдоровны // Вопросы истории. — 2000. — № 4, 5. — С. 117—135; «Нет спокойствия ни физического, ни морального»: Письма Александра III императрице Марии Фёдоровне. 1891—1892 гг. // Исторический архив. — 1994. — № 3. — С. 149—167; Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. — Вып. IX. — М., 1999. — С. 213—250.

⁴ См.: Александр III: pro et contra, антология / Сост. И. Е. Барыкина, В. Г. Чернуха; Вступ. ст. В. Г. Чернухи; Комментар. И. Е. Барыкиной. — СПб., 2013.

⁵ См.: *Буш В. В.* Всеподданнейшие доклады по Главному управлению по делам печати. 1865—1909 гг. Обзор содержания // Периодическая печать и цензура в Российской империи в 1865—1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. — СПб., 2011. — С. 348—355.

⁶ См.: *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891—1892. — М.; Л., 1934.

⁷ См.: Из дневников Н. П. Литвинова 1861—1862 гг. // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. — М., 2002. — С. 443—536.

Ещё одним направлением конструирования образа монарха в прошлом столетии стала музейная работа. Она развернулась после революции 1917 г. в бывших императорских дворцах. Завершённую картину удалось создать в Гатчинском дворце, — резиденции императора Александра III. После кончины монарха хозяйкой дворца осталась его вдова Мария Фёдоровна, и поэтому интерьеры жилых помещений не претерпели серьёзных изменений. Революция застала их почти в том же виде, в каком были в 90-х гг. XIX столетия. В 1917 г. под руководством первого директора В. П. Зубова началась работа по созданию музейной экспозиции. Свою задачу директор музея видел в том, чтобы «восстановить эпохи Николая I, Александра II и Александра III, независимо от их эстетического достоинства, как исторический документ»¹. В июне 1918 г. на посту директора В. П. Зубова сменил В. К. Макаров, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, хранитель Гатчинского музея. Ему приходилось постоянно противостоять намерениям советского правительства продать за границу наиболее ценную часть коллекций. Гатчинский дворец потерял за это время свыше 100 тысяч экспонатов.

Несмотря на это, в музее шла насыщенная научная работа. В мае 1918 г. дворец впервые открыл двери для посетителей. В 1930-е гг. сотрудники музея разработали экскурсионные маршруты «Павловская Гатчина», «Комнаты Николая I и Александра II», «Парадные приёмные Александра III», «Комнаты семьи Александра III» и «Выставки из фондов Гатчинского дворца», а фотограф М. А. Величко в 1938—1940 гг. создал фотогалерею экспозиций.

Во время гитлеровской оккупации дворец был сожжён, после Великой Отечественной войны долго шла реставрация, и интерьеры Гатчинского дворца-музея были торжественно открыты для посетителей лишь в 1985 г. Восстановительные работы продолжаются и в настоящее время, возможно, в недалёком будущем будут открыты для посетителей жилые помещения, принадлежавшие Александру III и его семье. Сотрудники дворца-музея подготовили альбом, в который вошли материалы из научного архива музея-заповедника «Гатчина»: довоенные экскурсионные маршруты и фотографии, сделанные М. А. Величко. Современный читатель (как когда-то экскурсанты довоенных лет) может «пройти» по покоям императора и его семьи, а в рабочем кабинете «встретить» самого хозяина (ощущение присутствия создавалось благодаря манекену, представлявшему императора, играющего на геликоне (одно из любимых увлечений монарха)². Известно, что император любил небольшие комнаты, фотографии оживляют этот факт, открывая перед зрителем интерьеры помещений Арсенального каре дворца, наполненные вещами в стиле модерн. Альбом реконструирует образ Александра III в соответствии с замыслом первого директора музея В. П. Зубова — «как исторический документ».

---

¹ *Зубов В. П.* Страдные годы России. — М., 2004. — С. 44.

² См.: *Астаховская С. А., Шукурова А. Э.* Гатчинский дворец. Страницы истории музея: Фотоальбом. — СПб., 2007.

В настоящее время научный интерес к царствованию Александра III, личности императора и его политике переживает подъём, чему способствуют различные обстоятельства. В марте 2015 г. исполнилось 170 лет со дня рождения самодержца. Российский исторический журнал «Родина» откликнулся на это событие специальным выпуском, представив статьи, освещающие разные направления царствования — от политики до культуры¹. Эти публикации свидетельствуют о том, что сегодня общество видит связь между ушедшей эпохой и современными событиями, проводит исторические параллели, ищет в прошлом рецепты будущего развития страны. И царствование Александра III уже не предстаёт окрашенным в тёмные тона, не только отождествляется с контрреформами, но и получает другие дефиниции — «новый курс», «прагматическое самодержавие», «эпоха твёрдой государственности».

Предлагаемая вниманию читателей книга продолжает тему кризиса самодержавной власти во второй половине XIX в. (поднятую в книге «Александр II. Пропущенный поворот»), рассматривая её через призму достижений современной исторической науки. Царствования Александра II и Александра III принято противопоставлять как две разные эпохи — период либеральных реформ и время реакции. Но, несмотря на различие магистрального курса, царствования отца и сына связаны и продолжением намеченных в 1860—1870-е гг., но незавершённых реформ, и нарастанием кризисных явлений во всех общественных сферах, и твёрдой уверенностью монархов в незыблемости их прерогатив. Вторая половина XIX в. представляет целостное явление в российской истории, период проверки реформаторского потенциала самодержавной власти, в течение которого ею была упущена возможность направить государство по пути эволюционной, а не революционной модернизации.

«Грозная и тревожная фигура гиганта»

Такое впечатление — «странное и грозное» — произвёл Александр III на художника А. Н. Бенуа при первой встрече. А. Н. Бенуа вспоминал, что, когда в 1889 г. впервые увидел императора, его поразил царский взгляд. «Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление удара. Царский взгляд! Взгляд человека, стоящего *выше всех*, но который несёт чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и за жизнь самых близких!»².

Образ предпоследнего российского самодержца является одним из самых мифологизированных. Общественное сознание и общественное мнение внесли свою лепту в формирование представления об Александре III как о «самом русском» императоре. Действительно, тринадцатилетнее правление этого мо-

¹ См.: Александр III. Царь-мировордец. Родина. — 2015. — № 2 (специальный выпуск).

² Цит. по: Чернуха В. Г. Император Александр III: его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 5.

нарха стало расцветом «русского стиля», причём не только в духовной, но и в политической жизни. Несомненно, этому способствовали личные качества императора: интерес к русской истории, архитектуре, стремление к сохранению основ традиционного общества.

Представление о «русском стиле» Александра III сложилось в первую очередь под влиянием свидетельств его ближайшего окружения, хорошо изучившего привычки и манеру поведения императора. Граф С. Д. Шереметев, друг детства Александра III, находившийся рядом с монархом в течение 15 лет в качестве адъютанта (1868—1883), в своих воспоминаниях создал образ «русского царя»¹. Мемуарист отметил такие черты «чисто русской натуры»² самодержца, как «пристрастие» «к древностям русским, к памятникам зодчества, орнаментаций, иконописи, фресков и мозаик»³; православие («исповедание русского человека старого закала»⁴); «тяготение к Москве»⁵; любовь к русской бане («любил об ней поговорить, ценил все тонкости»⁶) и цыганским романсам. Даже внешне образ Александра III напоминал образ былинного «Царя-богатыря»⁷, отличающегося не только физической силой, но и заботой о благе своих подданных — дворян и крестьян. Такому правителю свойственны черты его народа — ему по душе помещичий уклад жизни («жизнь в деревне всегда была более по нём»⁸), крестьянская бережливость и здравый смысл («поражал» «своею практичностью и домовитостью»⁹).

Однако, помимо бросавшихся в глаза манеры поведения и привычек, русский стиль Александра III отражал сложившиеся политические практики, которые царь унаследовал от своих предшественников. Черты русского, или, точнее сказать, российского, стиля управления в конце XIX в. отражали тенденции развития самодержавной монархии.

Признавая в императоре Александре III воплощение русского царя, С. Д. Шереметев имел в виду прежде всего «простоту» и «доступность» самодержца. Смысл этого представления раскрыл в своих воспоминаниях С. Ю. Витте, возглавлявший при Александре III последовательно министерства путей сообщения и финансов: «Это был тип... самодержавного русского царя; а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых... Император Александр III относился глубоко сер-

---

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001. — С. 490.

² Там же. — С. 457.

³ Там же. — С. 455.

⁴ Там же. — С. 482.

⁵ Там же. — С. 457.

⁶ Там же. — С. 454.

⁷ Там же. — С. 593.

⁸ Там же. — С. 595.

⁹ Там же. — С. 454.

дечно ко всем нуждам русского крестьянства, в частности, и русских слабых людей вообще»¹.

На вере в этот монархический идеал народное сознание основывало право обращения каждого подданного к верховной власти, апелляции к самодержцу как к последней инстанции в поисках справедливости². О том, что этим правом в конце XIX — начале XX в. широко пользовались жители Российской империи, свидетельствуют дела, сохранившиеся в архивном фонде Канцелярии, по принятию «прошений, на Высочайшее имя приносимых»³.

Однако возникновение права помилования и милости в царствование Александра III неразрывно связано с процессом формирования самодержавной власти. Челобитенный приказ Ивана IV являлся прообразом Комиссии (а затем Канцелярии) прошений. К проблеме развития этого права обращались историки Канцелярии прошений как в дореволюционной, так и в современной историографии⁴. А. В. Ремнев, рассматривая исторические коллизии реорганизации Комиссии прошений в 1883—1895 гг. и преобразования её в Канцелярию прошений, на Высочайшее имя приносимых, подверг анализу правительственную полемику по вопросу определения дальнейшей судьбы этого учреждения. Одним из аргументов в пользу существования архаичной Канцелярии, функции которой соответствовали больше XVI в., а не концу XIX в., была необходимость поддержания непосредственной связи между монархом и народом, незамутнённой вмешательством бюрократии. По мнению историка, проблема преобразования Комиссии прошений выявила в политической элите конца XIX в. два противоборствующих течения: бюрократическое, стремившееся использовать канцелярское учреждение для утверждения своего права принимать решения от имени императора, и монархическое, отстаивавшее прерогативу самодержца на непосредственное управление всеми политическими процессами.

В традиционном обществе, многие черты которого Россия сохраняла в конце XIX в., конфессиональная принадлежность составляет основу национальной идентичности. В глазах современников исповедание монархом православия являлось особой национальной чертой, «взошло ему в плоть и в кровь, как взошло оно каждому русскому человеку»⁵. С. Д. Шереметев рассказывает о том, как Александр III лично занялся украшением церкви в Гатчинском дворце... Шереметев упоминает о том, что император был знатоком церковных

¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3 т. — М., 1960. — Т. 1. — С. 414.

² См.: *Лобачёва Г. В.* Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX века). — Саратов, 1999. — С. 112—113.

³ РГИА. — Ф. 1412.

⁴ См.: *Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, подносимых на Высочайшее имя. 1810—1910 гг. Исторический очерк. — СПб., 1909; *Лобачёва Г. В.* Прощения «на Высочайшее имя приносимые» как исторический источник изучения монархических настроений россиян // Дом Романовых в истории России. — СПб., 1995. — С. 245—251; *Ремнев А. В.* Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. — 1997. — С. 17—35.

⁵ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001. — С. 589.

обрядов, «всегда дорожил церковным благолепием и был глубоко верующим (православным) человеком без всякой тени ханжества»¹.

Православное вероисповедание являлось непрременной характеристикой любого российского самодержца, свидетельством его связи с подданными — «отречение от православия равносильно отречению от России»². По мнению С. Д. Шереметева, религиозность Александра III объясняла национальную политику императора: «Инославные могли быть, по мнению его, и верными подданными, и полезными деятелями, но русскими по духу они быть не могли, и с этой точки зрения едва ли он не первый Царь XIX столетия»³. Представление о «русском по духу» императоре сформировало в общественном мнении миф о национализме Александра III. Однако национальная политика этого самодержца не была однобока и прямолинейна.

По свидетельству С. Ю. Витте, «император Александр III понимал, что он есть император всех своих подданных»⁴. Показательно его отношение к болевой точке Российской империи — Польше. Два отзыва — С. Ю. Витте и С. Д. Шереметева — дополняют картину восприятия Александром III национального вопроса. «Когда император Александр III бывал в Царстве Польском, то относился к полякам весьма милостиво. Из этого, конечно, нельзя сделать вывода, что он не держался вполне исторического русского направления и что он мог мироволить полякам, но это означает, что император Александр III понимал, что раз Царство Польское было присоединено к России и поляки сделались его подданными, то он должен относиться к ним как к своим подданным, т. е. преследуя общеимперские интересы — дать возможность им спокойно жить»⁵. «Русский Царь в Польше у себя дома»⁶ — это не что иное, как воплощение самодержавной идеи о царе — хозяине своей земли. Не случайно преемник Александра III, император Николай II, в ответ на вопрос переписной анкеты о роде занятий написал «хозяин земли Русской». Именно это «хозяйское» отношение обусловило бережливость императора Александра III, черту, о которой упоминают все близко знавшие монарха мемуаристы. «Он каждую копейку... русского государства берёт, как самый лучший хозяин не мог бы её уберечь»⁷.

Миф о богатырской силе Александра III причудливым образом соединился со свойственным авторитарному режиму стремлением скрывать информацию о состоянии здоровья правителя. Как отмечал С. Ю. Витте, «сам государь болезнь свою не признавал. Вообще в царской семье есть какой-то странный — не то обычай, не то чувство — не признаваться в своей болезни и по возмож-

---

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001. — С. 482.

² Там же. — С. 589.

³ Там же.

⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. I. — С. 306.

⁵ Там же. — С. 360.

⁶ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001. — С. 461.

⁷ Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. I. — С. 408.

ности не лечиться, и вот это-то чувство, эта привычка у императора Александра III были особенно развиты»¹.

Ещё одним дискуссионным вопросом современной историографии является определение самостоятельности монарха в принимаемых им решениях. Самодержавный монарх сосредоточивал все нити управления в своих руках, и Александр III не был исключением. С. Ю. Витте, оценивая деятельность министра иностранных дел Н. К. Гирса, считал, что Александр III относился к нему как к секретарю по иностранным делам, и царь «как-то раз сам так выразился: «Сам себе я министр иностранных дел»². Это представление было характерно и для предшественников Александра III. Точно таким же «министром иностранных дел» был его отец, император Александр II, дипломатические решения которого воплощал канцлер А. М. Горчаков. Как справедливо заметила В. Г. Чернуха, «традиционно российский монарх смотрел на внешнюю политику как на сферу личных отношений с главами европейских держав»³.

Министр финансов Н. Х. Бунге полагал, что император Александр III был независим от мнения ближайшего окружения. Самое большое влияние на императора, с точки зрения Н. Х. Бунге, оказывал министр внутренних дел. «Если не на деле, то по существу — это самый могущественный министр, *фабрикант того, чего хочет Россия* (курсив Н. Х. Бунге. — И. Б.), потому что при известной энергии он может заставить: губернаторов — писать в своих всеподданнейших отчётах то, что он желает... выставлять состояние общества в том свете, как ему нужно, для того чтобы внушать опасения или успокаивать их, устранять своих противников и поддерживать друзей»⁴. Контроль над цензурой также был сосредоточен в руках министра внутренних дел, «оказывающего при этом покровительство солидарным с ним министерствам. Отсюда полная возможность свободного осуждения действий одних министерств и неприкосновенность других... Периодическая печать... становится иногда средством подпольной борьбы, происходящей между министрами ко вреду успешного проведения тех или других задуманных мер»⁵.

Очевидно, основания для подобных выводов о могуществе министра внутренних дел давала Н. Х. Бунге деятельность графа Д. А. Толстого. Он занимал пост обер-прокурора Святейшего синода (1865—1880) и министра народного просвещения (1866—1880), войдя в историю как активный проводник консервативной классической системы образования; получил отставку в апреле 1880 г. в связи со сменой правительственного курса и был возвращён на политический олимп через два года (весной 1882 г.) уже в качестве министра

---

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. I. — С. 448.

² Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 2010. — С. 251.

³ Чернуха В. Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 609.

⁴ Бунге Н. Х. Загробные заметки // РГИА. Коллекция печатных записок. Печатная записка № 4. — Л. 7.

⁵ Там же.

внутренних дел. Эту должность он занимал в течение семи лет — до своей кончины в 1889 г. Александр III остановил свой выбор на Д. А. Толстом, оценив его последовательность в действиях и верность однажды принятой позиции. От будущего министра даже не потребовали представить программу преобразований. Сама его фигура олицетворяла охранительное направление.

Д. А. Толстой стал первым — по значению — министром Александра III. В своих всеподданнейших докладах императору министр внутренних дел давал оценку направлению отдельных изданий, доводя до сведения монарха содержание статей, за которые выносились предостережения и из-за которых принимались решения о приостановке газет и журналов. Складывается впечатление, что Александр III смотрел на печать глазами министра внутренних дел. Однако это была лишь видимость. Министр внутренних дел был ещё одним исполнителем монаршей воли. Влияние этого сановника являлось следствием того, что «взгляды императора и его первого министра Д. Толстого были вполне солидарны»¹. Думается, что содержание всеподданнейших докладов влиятельного министра в глазах Александра III служило лишь подтверждением правильности избранного им направления.

Александр III распространял свой контроль на все сферы внутренней политики. По отношению к министру финансов, по мнению С. Ю. Витте, «Александр III был идеальным государственным казначеем и в этом отношении облегчал задачу министра»². Министры были лишь исполнителями монаршей воли.

Политика императора Александра III, испытывая на себе влияние личности монарха, в целом стала воплощением самодержавной идеи. «Русский стиль» монарха проявился не только в его интересе к традиционной культуре и русской истории, но и в сохранении основ самодержавной власти, мировоззрении и поведении автократа — характерных черт российского самодержца, унаследованных Александром III от его предшественников и переданных преемнику. Именно «русский стиль» управления, пришедший в несоответствие с реалиями европейской модернизации, которым Российская империя не могла противостоять, стал одной из причин внутривластного кризиса начала XX в.

Воспитание Александра III. Период наследничества

Ещё один миф связан с воспитанием и образованием Александра III. Его подготовка к царствованию, в отличие от старшего брата вел. кн. Николая Александровича, не стала результатом хорошо продуманной программы, но представление о невежестве предпоследнего российского императора ошибочно.

---

¹ Янченко И. К. Правительственная деятельность Александра III в Гатчине: Исслед. и материалы. Приложение № 8 // ОР РНБ. Ф. 1135. Д. 521. — Л. 20 об.

² Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 2010. — С. 311.

Александр III родился 26 февраля (по старому стилю) 1845 г. Он был вторым из шести сыновей императора Александра II и императрицы Марии Александровны (в семье была ещё дочь Мария). В младенчестве великий князь поражал всех внешним сходством с императором Павлом I. Александру Александровичу от прадеда передалось стремление к уединению, любовь к искусству (он собирал коллекцию живописных полотен и играл в домашнем оркестре), привязанность к Гатчине. Уже в детстве вел. кн. отличался крепким телосложением, за что бабушка, вдовствующая императрица Александра Фёдоровна, называла его «mein Vauchen» («мой мужичок» (нем.) — *И. Б.*), а в семье за ним закрепилось прозвище «бульдожка».

Несхожесть вел. кн. Александра Александровича с остальными членами императорской фамилии подмечали все близко знавшие его лица. Как в юности, так и в зрелом возрасте император Александр III не терпел ни фамильярности, ни чиновничества. Ему претили церемонии царского двора, он предпочитал простоту и искренность отношений. Высокое положение всегда было для Александра III тяжким бременем. Всё это отмечал в своих воспоминаниях предводитель дворянства Белозерского уезда и земский деятель Николай Николаевич Фирсов, опубликовавший мемуары в журнале «Исторический вестник» под псевдонимом Л. Рускин. По долгу службы ему довелось встречаться с вел. кн. Александром Александровичем на разных этапах его биографии: в ранней юности, когда наследником престола был старший сын Александра II вел. кн. Николай Александрович, и в молодости, в период наследничества. Записки Н. Н. Фирсова отмечают черты характера будущего императора, оставшиеся неизменными, например упрямство, нежелание признавать свою неправоту: «Великий князь Александр Александрович был тогда ещё отроком. Но всё, что я слышал и читал о нём как императоре, все его портреты заставляли вспоминать английскую поговорку: *The child is the father of the man* («малое дитя — отец взрослого человека». — *И. Б.*). ...Тогда ещё он не достиг своего полного роста, но был уже широкоплеч, широкогруд, мускулист, очень округл и лицом и телом. Прост в обращении до того, например, что за завтраком у брата пододвигал гостям фрукты, воды. Однажды я видел, как он налил воды своему *vis-à-vis*. И всё это делал молча. Вообще разговаривать не любил; и нередко не то конфузился, не то стеснялся.

Я подметил между прочим, что он очень не любил, и юношей и взрослым, чтобы лица, ему представленные, у него целовали руку или плечо. Он ограждался от этого, смотря по положению данного лица, либо демонстративно отступая назад, либо преувеличенно крепко пожимая руку представлявшегося ему и в то же время упруго вытягивая свою мускулистую, сильную руку, дабы удержать посетителя подальше от своего плеча. Таким знавал я великого князя около 60-х годов, когда он появлялся изредка между офицерами нашей батареи, к которой принадлежал в качестве, так сказать, почётного товарища. Конечно, его молчаливость, стеснённый вид, привычка не то рассеянно, не то нетерпеливо барабанить слегка пальцами по ближайшему предмету, каске, стулу, и проч. стесняли окружающих. Зато беспритязательность не только искупала всё, но возбуждала невольную к нему симпатию...

Возможно, как полагали некоторые, великий князь Александр Александрович сознавал недостаточность своей подготовки и не хотел этого выказывать. А раз поставив себя так в ранней юности, он и не хотел, или даже не мог, впоследствии измениться. Настойчивость же была ему прирождена. Я знал от достоверных лиц, что его преподавателям было не легко исполнять свои обязанности. Как они рассказывают, он обыкновенно изрядно понимал объясняемый ему предмет; в общем усваивал пройденное. Но часто неверно, небрежно выражался, отвечая урок, искажая его смысл, а уж если он раз употребил какую-нибудь неправильность, то не отступал от неё и повторял ошибку, не взирая на все усилия и толкования учителя»¹. Одно из замечаний Н. Н. Фирсова проливает свет на характерную черту будущего императора, сыгравшую важную роль в его стиле управления: «цесаревич Александр Александрович при всей своей прирождённой настойчивости был доступен к практическому восприятию убеждений, противоречивших его собственным»².

В центре внимания царской семьи и её окружения находился старший сын Александра II, цесаревич Николай Александрович. Родители, относившиеся к своему первенцу с особенной любовью (в первую очередь императрица Мария Александровна), и наставники, восхищавшиеся способностями вел. кн. Николая Александровича, видели в нём будущее страны. Младших братьев сознательно держали в стороне. Одной из причин было стремление императрицы избежать соперничества, какое существовало в общественном мнении между Александром II и его младшим братом вел. кн. Константином Николаевичем, казавшимся многим современникам способнее императора. Младшие братья наследника престола, великие князья Александр Александрович и Владимир Александрович, находились на втором плане императорской фамилии.

Более пристальное внимание к воспитанию младших великих князей в императорской семье стали проявлять, когда будущему Александру III минуло 15 лет, характер его уже сложился и исправление недостатков и пробелов образования и воспитания представляло очень сложную задачу. В 1860 г. произошла смена воспитателей великих князей Александра и Владимира: вместо генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева был назначен граф Б. А. Перовский. Эта кадровая перестановка означала смену педагогической системы, в которой значительное место стало отводиться не только военному делу, но и научному образованию и нравственному развитию. Общее руководство научным образованием стал осуществлять доктор политической экономии А. И. Чивилев, в число преподавателей были приглашены историк С. М. Соловьёв, филологи Ф. И. Буслаев и Я. К. Грот, экономист И. К. Бабст, правовед К. П. Победоносцев и др.

А. И. Чивилев поделился впечатлением, которое на него произвели младшие сыновья августейшей четы, с академиком и цензором А. В. Никитенко.

---

¹ *Фирсов Н. Н. (Л. Рускин). Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре III в юности // Исторический вестник. — 1909. — Т. 115. — С. 67—68.*

² Там же. — С. 69.

Последний передал слова вновь назначенного преподавателя в дневниковой записи от 30 декабря 1860 г.: «Чивилев... назначен воспитателем великих князей на место Гримма. Он нашёл маленьких князей ужасно запущенными в умственном отношении. О развитии их и приучении к умственному труду до сих пор вовсе не думали. Между тем в императрице Чивилев нашёл прекрасную женщину с добрым, любящим сердцем и возвышенными понятиями. Как это могло случиться, что воспитание князей было ведено так небрежно?»¹.

В состав лиц, опекавших царских детей, входил генерал-лейтенант Николай Павлович Литвинов. Воспитатели из числа военных заменяли великим князьям обычных гувернёров, находились при них неотлучно, следя за здоровьем, играми, занятиями, сопровождая во всех поездках. Они наказывали провинившихся и поощряли отличившихся, объясняли, рассказывали, отвечали на вопросы, советовали, наставляли. Н. П. Литвинов был помощником воспитателя второго и третьего сыновей Александра II — Александра и Владимира. Он был приставлен к ним в 1861 г., когда Александру Александровичу исполнилось уже 16 лет. Николай Павлович искренне переживал за нравственное развитие великих князей, стремясь исправить их недостатки, действовал не окриком или морализаторством, а мягким, но настойчивым наставлением и собственным примером. Поставив перед собой цель нравственного совершенствования великих князей, Н. П. Литвинов подчинил ей все свои занятия, в том числе и ведение дневника. Он не столько фиксировал события, сколько анализировал успехи и промахи питомцев, отмечая, что удалось сделать, а над чем предстоит работать².

На страницах дневника Н. П. Литвинова перед читателем возникает образ шестнадцатилетнего подростка — будущего императора Александра III — немного взбалмошного, эмоционального, но добродушного и отходчивого, не слишком задумывающегося о жизни, но безапелляционно изрекающего свои суждения, что свойственно этому возрасту. В характере вел. кн. Александра Александровича проступают черты будущего императора: преподавателям удалось восполнить пробелы в его образовании, однако склонность к грубоватым шуткам и эпатажным выходкам, которые без восторга воспринимались окружающими, осталась у Александра III на всю жизнь, так же как сохранилась проявившаяся в юности любовь к истории, игре на корнете и физическим упражнениям.

«13 марта (понедельник)

Сегодня на гимнастике я заметил признак пробуждения в Александре Александровиче, в первый раз ему пришла фантазия добиться порядочно сделать довольно трудную штуку, и действительно он её сделал, хотя с грехом пополам. Жаль, если это была только фантазия!

Натура добрая, но шероховатая, впрочем, есть надежда её обтесать. Он очень мил со мною, очень послушен, но ужасно любит фамильярничать, и я

---

¹ Никитенко А. В. Записки и дневник. В 3 т. — М., 2005. — Т. 2. — С. 233.

² См.: Из дневника Н. П. Литвинова. 1861—1862 гг. // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. — М., 2002. — С. 443—536.

решительно недоумеваю, как мне избавиться от этой короткости... За обедом он и Владимир Александрович вели себя ещё не совсем прилично, хотя и лучше; Александр Александрович ни разу не фыркнул, но оба с шумом хлебали с ложки... С пяти до семи оба прилежно приготавливали уроки. Александр Александрович всё жалуется на немецкую географию. После чаю, придя от Императрицы, по собственному побуждению сели заниматься и оба порядочно выучили английские стихи, которые мне рассказали.

14 марта (вторник)

Вечером Александр Александрович употребил более получаса на музыку, опять-таки по одному собственному побуждению... Вечером были у Дмитрия Борисовича (Д. Б. Рихтер), в первый раз мне случилось видеть Великих Князей в обществе... Александр Александрович видимо старается вести себя порядочнее, хотя это ему и не совсем удалось, какие-то странные отрывистые жесты и помахивания рукою ужасно били в глаза...

15 марта (среда)

Несмотря на то что легли поздно, утром поднялись без затруднения, и Александр Александрович отвечал свои уроки хорошо... Урок музыки, как и следовало ожидать, очень хорош. Вечером читал с Владимиром Александровичем из «Сида». Никак не могу добиться какого-нибудь чтения от Александра Александровича, он его боится как огня...¹

13 августа (воскресенье)

Встали в семь часов. После чаю Александр Александрович пошёл со мною в сад, где мы занимались спусканием корабликов в воду, что нас очень забавляло... Александр Александрович чувствовал себя сегодня очень развязным и так расшалился, что при встрече с Александром Ивановичем Чивилевым придал ему такой эпитет, который мне показался слишком нелепым и дерзким...²

20 августа (воскресенье)

(Во время поездки в Москву. — И. Б.) После чая Александр Александрович пригласил м-г Рему, Дмитрия Фёдоровича и меня осматривать новый дворец и Грановитую палату. В половине третьего часа Александр Александрович отправился с нами осматривать терем; он с особенным удовольствием смотрит на то, что носит отпечаток старины; видно, что оно делает на него впечатление; он особенно жалел о том, что так многое возобновлено и, следовательно, утратило всю прелесть старины. После обеда Великие Князья поехали на Воробьёвы горы. <...> Мы долго любовались прелестной панорамой Москвы и её окрестностей. В это время успели нас окружить несколько крестьянок из соседней деревни; они предложили вишен Великим Князьям. Владимир Александрович держит себя с ними очень мило и много разговаривал, но Александр Александрович чувствует себя очень неловко при этом и потому кажется мало любезным...

---

¹ Из дневника Н. П. Литвинова. 1861—1862 гг. // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. — М., 2002. — С. 448—449.

² Там же. — С. 451.

21 августа (понедельник)

...После завтрака мы отправились в Архангельский собор; там нас ожидал священник, назначенный митрополитом для объяснения всех достопримечательностей. Великие Князья давно уже не были в Москве, так что если всё, что они увидели, не было им совершенно неизвестно, то по крайней мере всё должно было им показаться в другом свете. Александр Александрович с видом истинного знатока восхищался стариною и наивною живописью на внутренних стенах храма, т. е., значит, тем, что именно составляет характеристическую особенность древнего византийского стиля. Особенно интересно было для Великих Князей видеть одежду и другие принадлежности Царевича Дмитрия¹.

29 сентября (пятница)

Александр Александрович сравнительно порядочно знал урок, по-прежнему говорит иногда ужасный вздор... В десять часов Александр Александрович пошёл на гимнастику, с ним был граф Борис Алексеевич [Перовский], и он был очень доволен успехами Александра Александровича. От двенадцати до двух были уроки русского языка и географии. Я с наслаждением слушал сегодня ответ Александра Александровича из географии; он выучил на память очень много трудных имён собственных, и, кажется, без особого усилия, тогда как в истории он не может запомнить каких-нибудь двух-трёх имён в один раз без того, чтобы не сделать ошибки. В русском языке он тоже был порядочен... Александр Александрович занялся повторением старого урока истории, именно — разделение Греции; в половине девятого часа он попросил [Владислава Фёдоровича Эвальда] спросить этот урок и при мне ответил очень удовлетворительно, после чего попросился идти с Николаем Густавовичем [Шиллингом] на озеро...»².

Сквозь строки дневника воспитателя перед нами предстаёт образ «обыкновенного мальчика, не очень любившего учиться и норотившего побольше поиграть»³.

Резкость суждений, несдержанность натуры остались у Александра III на всю жизнь. Они проявились в том числе в маргиналиях на всеподданнейших докладах: от лаконичного «Читал» и сдержанного «Одобряю» до возмущённого «Действительно наглость необычайная» (по поводу неуважительного отношения к священнослужителю) и резкого «И поделом этому скоту» (т. е. издателю газеты «Голос», получившему третье предостережение)⁴.

---

¹ Из дневника Н. П. Литвинова. 1861—1862 гг. // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. — М., 2002. — С. 454—455.

² Там же. — С. 478.

³ Чернуха В. Г. Император Александр III: его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 12.

⁴ См.: Буш В. В. Всеподданнейшие доклады по Главному управлению по делам печати 1865—1909 гг. Обзор содержания // Периодическая печать и цензура в Российской империи в 1865—1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. — СПб., 2011. — С. 351—353.

Подобные «сильные суждения»¹ создали у исследователей представление о непросвещённом монархе. Однако круг чтения императора Александра III и его литературные интересы позволяют по-иному взглянуть на эту «трагическую фигуру русской истории»². Палитра читательских интересов императора Александра III представлена в воспоминаниях представителей его ближайшего окружения и частной переписке.

Граф С. Д. Шереметев отзывался об Александре III как о начитанном человеке: «Он очень любил вообще русскую литературу. Бывало, о чём ни заговоришь, он всё знает, всё читал». Среди любимых авторов императора С. Д. Шереметев называет А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя³. Александр III был внимательным читателем: в письмах к наследнику престола В. П. Мещерский прибегал к именам героев «Мёртвых душ», изображая быт российской провинции, полагая, что эти эпитеты понятны его корреспонденту⁴. По словам С. Д. Шереметева, император следил за современными писателями, высоко ценил творчество А. К. Толстого, А. Н. Майкова, «прочитывал Достоевского, Льва Толстого, Маркевича, Тургенева»⁵. У него находили отклик произведения, совпадавшие с его внутренним настроением. С. Д. Шереметев вспоминал, как императора тронуло стихотворение великого князя Константина Константиновича «Факир» о человеке, преданном своей идее и непоколебимо верившем в неё, несмотря на то что его время уже прошло⁶. Возможно, Александр III находил у себя черты этого лирического героя.

Но в случае когда политические взгляды литератора расходились с монаршими, автор и его произведения оставались вне круга чтения Александра III. Так, в беседе с С. Д. Шереметевым цесаревич Александр Александрович сказал, что «вообще не любит Тютчева и как поэта, и как человека»⁷. Наследнику престола не нравилось преклонение Ф. И. Тютчева перед канцлером А. М. Горчаковым, преувеличивавшим своё влияние на политику Александра II. По словам С. Д. Шереметева, цесаревич не прощал поэту «постоянных каждений князю Горчакову, о котором он был также невысокого мнения»⁸. Естественно, что и литература революционно-демократического направления оставалась за рамками читательских интересов монарха. Он был совершенно

---

¹ Буш В. В. Всеподданнейшие доклады по Главному управлению по делам печати 1865—1909 гг. Обзор содержания // Периодическая печать и цензура в Российской империи в 1865—1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. — СПб., 2011. — С. 535.

² Чернуха В. Г. Император Александр III: его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 6.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868. — М., 2011. — С. 57, 59.

⁵ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001. — С. 452—453.

⁶ См.: Там же. — С. 540.

⁷ Там же. — С. 452.

⁸ Там же.

незнаком с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и не читал «Отцов и детей» И. С. Тургенева. Встретив в показаниях одного из арестованных народников упоминание о Лопухове и Базарове, император с изумлением написал на полях: «Кто это?», полагая, что речь идёт о его современниках¹.

В литературных вкусах Александра III большое место занимала русская историческая литература и журналистика. Он читал «Русский архив» П. И. Бартенева и «Русскую старину» М. И. Семевского, «далеко не одобряя редакторов», печатавших «неудобные документы» с «неприличными примечаниями»². Очевидно, издатели и самодержец расходились в оценке исторических событий. Однако, несмотря на то что многие в окружении императора находили также «неудобной» «Историю Екатерины» В. А. Бильбасова из-за «щекотливой стороны её царствования», связанной с происхождением Павла I и фаворитизмом, Александр III счёл возможным её издание, и благодаря поддержке монарха этот труд увидел свет³.

Александр III увлекался историей, выделяя в истории русской культуры первую половину XVI в. Это его увлечение отразилось в расцвете псевдорусского стиля в архитектуре, выдающимися памятниками которого стали здания Исторического музея в Москве, церкви Воскресения Христова в Петербурге (больше известной как Спас на Крови). Александр III любил живопись, в его окружение в период наследничества входил известный в то время художник А. П. Боголюбов; после воцарения Александра на престоле придворным художником стал венгерский живописец Михай Зичи, приглашённый в Россию ещё Николаем I (работы Зичи украшали Гатчинский и Аничков дворцы). Заслугой Александра III (тогда ещё наследника престола) стало содействие учреждению Русского исторического общества в 1866 г. и покровительство его занятиям. В молодости великий князь стал одним из организаторов духового оркестра, что было новшеством в придворной музыкальной жизни. Ему не пришлось по сердцу игра на фортепьяно, которой обучали царских детей, но зато он любил военную музыку и играл в духовом оркестре на корнет-а-пистоне, а затем на бас-геликоне.

Существенную роль в формировании мировоззрения будущего императора сыграли его отношения со старшим братом, к которому он был искренне привязан. Александр Александрович сильно переживал разлуку с братом, которого после достижения первого совершеннолетия (в 16 лет) перевели в отдельные покои. Братья использовали любую возможность для встреч и бесед. Когда в 1863 г. вел. кн. Николай Александрович отправился в путешествие по России, между братьями завязалась переписка, дружеский стиль которой разительно отличался от официального языка писем цесаревича августейшему отцу. Великие князья обсуждали пейзажи, памятники, местных красавиц,

---

¹ См.: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). — М., 1970. — С. 41.

² Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001. — С. 571.

³ См.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. — СПб., 1890—[1896]. — Т. 1, 2, 12.

иногда старший брат касался политических вопросов, но они не находили отклика в душе младшего брата¹.

Александр Александрович готовился вести жизнь частного, а не государственного человека. Он переживал юношескую влюблённость в молодую фрейлину Марию Элимовну Мещерскую, не помышляя о политике. Всё изменила внезапная кончина старшего брата 12 апреля 1865 г. В тот же день был издан манифест, провозглашавший наследником престола вел. кн. Александра Александровича. С этого момента цесаревич должен был приступить к исполнению обязанностей, соответствующих его статусу. 1865 год был трудным для нового наследника. Он тяжело переживал кончину брата и свою неподготовленность к новой роли. По мнению В. Г. Чернухи, трагизм фигуры императора Александра III заключался в осознании им несоответствия своих качеств «добропорядочного обывателя» тяжести «бремени единовластного правителя», которое было на него возложено². Чувство ответственности, свойственное Александру Александровичу, заставило его мобилизовать все силы, чтобы принять тяжкое бремя власти. Он необычайно серьёзно отнёсся к своему новому положению, переосмыслил свою роль в судьбе страны. На смену «лёгкости бытия» пришло осознание «бремени власти», ответственности будущего монарха за каждый шаг и понимание неразрывной связи своей жизни с судьбой страны. В 1865 г. цесаревич так часто задумывался о том, сможет ли он справиться с ношей, лёгшей на его плечи, что в семье его стали называть «сфинксом».

Ему пришлось перешагнуть через своё чувство к Марии Элимовне (столь сильное, что великий князь был готов ради него отречься от престола) и жениться на невесте покойного брата — датской принцессе Дагмаре, принявшей в крещении имя Мария Фёдоровна. Началась форсированная подготовка нового наследника, призванная ликвидировать пробелы в его образовании. Университетский курс ему читали К. П. Победоносцев, С. М. Соловьёв, Ф. И. Буслаев, И. К. Бабст, Ф. Г. Тернер. Преподаватели сразу обратили внимание на то, что в отличие от старшего брата Александр Александрович не обладал блестящими способностями. Тем не менее в нём было много привлекательных черт — «он был прям, честен, искренен, нечестолюбив, добр, благожелателен к близким»³. Живость ума наследнику, а позднее императору заменял здравый смысл, на котором были основаны многие политические решения.

Как отметила В. Г. Чернуха, «подготовка наследника к царствованию происходила скорее в сфере государственной практики, в процессе его участия в текущей политике и продолжалась полтора десятка лет»⁴. Александр II стал принимать всеподданнейшие доклады в присутствии наследника, что было исключением из правил, в 1868 г. цесаревич был введён в состав высших го-

---

¹ См.: Мелентьев Ф. Саша и Никса летом 1863 года // Родина. — 2015. — № 2. — С. 8—10.

² См.: Чернуха В. Г. Император Александр III: его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 6.

³ Там же. — С. 13.

⁴ Там же. — С. 14.

сударственных учреждений — Комитета и Совета министров, Государственно-го совета.

Цесаревич не остался в стороне ни от одного мероприятия, предпринятого правительством для разрешения политических и экономических проблем, причём часто проявлял собственную инициативу. Так случилось и во время голода, охватившего Север России в 1868 г., когда под председательством вел. кн. Александра Александровича работала комиссия по оказанию помощи населению северных губерний, пострадавших от неурожая 1867 г. Этот сюжет нашёл отражение в мемуарах Н. А. Качалова, председателя Новгородской губернской земской управы¹. В 1868 г. Н. А. Качалов вошёл в комиссию и принял деятельное участие в её работе.

Задачей комиссии был сбор пожертвований и закупка хлеба для помощи голодающим. Формально возглавлял комиссию генерал-адъютант Н. В. Зиновьев, вел. кн. Александр Александрович стал почётным председателем. Патронаж наследника престола, по замыслу власти, должен был предотвратить нецелевое расходование собранных добровольных пожертвований. Комиссия создавалась в обход деятельности министра внутренних дел П. А. Валуева, стремившегося избежать паники и пресекавшего распространение информации о голоде. Вполне естественно, что министр был оскорблён недоверием императорской фамилии (идея сбора средств возникла в окружении наследника и императрицы Марии Александровны)².

Для цесаревича это было первое важное государственное дело, в котором он не просто участвовал, а выступал в роли руководителя. Н. А. Качалов вспоминал: «Первые заседания комиссии были заняты чтением официальных сведений, где утверждалось, что голода нет, но потом читались сведения земства и достойных доверия частных лиц, по которым оказывалось, что существующий голод требует немедленной помощи»³. Комиссия собиралась 2 раза в неделю в библиотеке Аничкова дворца — резиденции цесаревича. По подписке было собрано 2 млн р. Сотрудники комиссии, среди которых были не только чиновники МВД, государственных имуществ, уделов и путей сообщения, но и представители купечества и Петербургского биржевого комитета, решили, что закупки не должны спровоцировать рост цен на зерно. Самым удачным временем для закупок было признано начало марта 1868 г., когда закупочные цены были достаточно низкими, но в фонд комиссии поступило на тот момент лишь 100 000 р. За недостающими средствами наследник престола обратился к императору, ходатайствуя о выдаче из казны заимообразно 1 млн р. Началась обычная бюрократическая волокита, ходатайство переправили министру финансов, между тем купцы объясняли, что цены ждать не будут и действовать нужно незамедлительно. Тогда цесаревич пошёл на рискованный шаг, приказав Придворной конторе, ведавшей денежным содержанием наследника,

¹ См.: *Качалов Н. А.* Записки тайного советника. — М., 2012. — С. 394—406.

² См.: *Валуев П. А.* Дневник министра внутренних дел. В 2 т. — М., 1961. — Т. II. — С. 238—245.

³ *Качалов Н. А.* Записки тайного советника. — М., 2012. — С. 395.

из предназначенной ему суммы выдать около 120 000 р. купцу И. А. Милютину, не объясняя, на какой предмет и когда будут возвращены эти деньги. Через некоторое время запрошенный в Министерстве финансов миллион поступил в Придворную контору.

Денежные средства, полученные комиссией, были переданы доверенным лицам, не афишировавшим целей закупок. «Милютин сам, через брата и приказчиков, одновременно открыл покупку хлеба в 12 местах по Волге на пристанях и в 2 недели купил, кажется, около 160 000 кулей ржаной муки с небольшим по 6 [рублей] куль с доставкой в Рыбинск. Цена эта была очень сходная, во-первых, потому, что Милютин платил сполна чистые деньги, а во-вторых, потому, что купцы не знали размера партии, покупаемой Милютиным, и по чьему распоряжению покупка производится»¹.

Деятельность комиссии продолжалась с февраля по август 1868 г., собранные средства были полностью потрачены на нужды голодающих. Уже к концу лета 1868 г. последствия неурожая были ликвидированы.

Ещё в период наследничества Александр III принял на себя покровительство созданию Добровольного флота как альтернативы деятельности Морского министерства в области судостроения. В 1870-х гг. резкую критику специалистов в области судостроения вызывало выделение средств на производство «поповок» — броненосцев, разработанных по проекту вице-адмирала А. А. Попова, несмотря на то что оно было поддержано главой Морского министерства вел. кн. Константином Николаевичем. Эти суда не выдерживали качку, теряя скорость и возможность вести стрельбу. Сам великий князь для доказательства мореходных качеств «поповок» совершал плавания по Чёрному морю на одной из них — «Ливадии», но при этом его спутники обращали внимание на указанные недостатки. «Поповки» не выдержали конкуренции с турецкими судами во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., но их производство тем не менее продолжалось. Наследник престола видел в этом проявление некомпетентности своего дяди Константина Николаевича, который «делает, что ему другие вбивают в голову»², и коррумпированности чиновников Морского министерства, подкупленных Черноморским обществом пароходов, поставлявших «поповки» российскому флоту.

Выход из сложившейся ситуации предложило правление Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству, выступившее с идеей создания частной торгово-мореходной организации на базе добровольных пожертвований. Предложение получило поддержку наследника престола, и в 1878 г. Добровольное общество начало свою деятельность. В его задачи входила закупка за границей судов, которые можно было бы использовать как в мирное, так и в военное время. Председателем Общества стал К. П. Победоносцев, вел. кн. Александр Александрович выступал в роли покровителя.

---

¹ Качалов Н. А. Записки тайного советника. — М., 2012. — С. 402.

² К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. В 2 т. — Минск, 2003. — Т. II. — Письмо № 1056. — С. 586—587.

вителя, но относился к делам Добровольного флота¹ не формально, а вникая во все детали, отдавая ему много сил и времени. Цесаревич контролировал перемещение судов, встречался с моряками, в письмах к К. П. Победоносцеву в 1870-х гг. он неизменно возвращался к проблемам Добровольного флота. Деятельность частного общества под патронажем наследника престола оказалась плодотворной, и уже в 1878 г. было собрано 3 млн р., на которые приобретены первые три быстроходных судна крейсерского типа.

После воцарения Александр III передал управление Добровольным флотом Морскому министерству, продолжая субсидировать его. Суда Добровольного флота продолжали плавать даже после крушения Российской империи в составе Советского торгового флота.

Участие в военных действиях Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. занимало особое место в послужном списке наследника престола. Ему было поручено командование Руцукским отрядом, образованным в составе 12-го и 13-го армейских корпусов. Перед соединением была поставлена задача, взяв крепости Руцук и Никополь, занять важнейший горный проход через Балканы у Шипки. Наступление Руцукского отряда было начато 10 июля, однако неудачные попытки русских войск взять Плевну приостановили его. Отряд вынужден был занять оборонительную позицию и сдерживать турецкие войска на протяжении 128 км. Такая ситуация сохранялась до 14 ноября, когда противник предпринял атаку на части 12-го корпуса, в результате у сёл Трестеник и Мечка произошёл решительный бой, атака турок была отбита. 30 ноября турки снова перешли в наступление у Мечки и снова были отброшены. За этот бой наследник был награждён орденом Св. Георгия 2-й степени. Оборонительную линию Руцукский отряд покинул лишь после падения Плевны². В память о сражениях на Мечке Александр III ежегодно собирал боевых товарищей в Аничковом дворце как в период наследничества, так и после воцарения.

Отношение вел. кн. Александра Александровича к военным будням, русско-турецкой войне, командованию российской армией раскрывается в его переписке с родными и близкими. Военные письма являются особым видом эпистолярного жанра. Солдат, оторванный от дома и своих близких, оказавшийся в экстремальной обстановке, находящийся на грани жизни и смерти, в письмах старается вернуть ощущение мирной жизни, перенестись, хотя бы мысленно, в домашний уют и покой. Родные, в свою очередь, с нетерпением ожидают вестей с фронта, расспрашивают корреспондента о его военном быте. Не всё могло быть рассказано в переписке, военная цензура строго следила за

---

¹ См.: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Воспоминания. Мемуары. В 2 т. — Минск, 2003. — Т. II. — Письма № 1025, 1031, 1036, 1052, 1056, 1062, 1072, 1078, 1079, 1082, 1083.

² Подробно см.: Александр III Александрович // Военная энциклопедия. — Изд-во И. Д. Сытина. — М., 1911. — С. 278; Манасеин С. В Руцукском отряде (Воспоминания И. И. Венедиктова) // Русская старина. — 1903. — Т. 115. — № 8. — С. 281—297; Из Руцукского отряда // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877—1878 гг. — СПб., 1879. — Т. 2. — С. 282—304.

тем, чтобы лишняя информация не просочилась с фронта в тыл. Переписка из действующей армии на Балканах также подвергалась перлюстрации, поэтому отправители были достаточно сдержанны в своих эмоциях и оценках действий командования.

Письма наследника престола к вел. кн. Николаю Николаевичу, с одной стороны, представляют переписку цесаревича с дядей, а с другой — являются посланиями командира военного подразделения к главнокомандующему¹. Великий князь Николай Николаевич (1831—1891), младший из братьев императора Александра II и дядя цесаревича Александра Александровича, в ноябре 1876 г. был назначен главнокомандующим действующей армией на Балканах. Родственное начало в этой переписке уступает место воинскому долгу. Наследник престола разделяет общее беспокойство об отце, императоре Александре II, пожелавшем принять личное участие в военных действиях и отправившемся на Балканы вместе с тремя старшими сыновьями. Такое положение дел ставило под угрозу представителей правящей династии. Однако этим проявление родственных чувств в переписке ограничивается.

В переписке в большей степени отражены военные будни Руцукского отряда и размышления цесаревича Александра Александровича о ситуации на фронте и своём месте на этой войне. Наследник престола оказался не только добросовестным подчинённым, но и способным командиром, принимающим верные решения и заботящимся о вверенных ему солдатах и офицерах.

20 сентября 1877 г. он пишет командующему:

«Теперь я обращаюсь к тебе, Милый Дядя Низи, с большой просьбой, и ты один можешь мне помочь в этом и устроить, как пожелаешь.

Дело вот в чём; я решительно не знаю, что с собой делать.

Отправляться в мой штаб Гвардейского Корпуса и ничего не делать в продолжение нескольких недель, пока всё не кончится под Плевной, было бы мне крайне тяжело. Идти с 2-мя дивизиями под Плевно! Но что же буду я там делать? только часть корпуса идёт туда; значит, командовать мне не приходится, а ездить так, просто без дела, мне было бы весьма тягостно. Если же Папа всё-таки захочет, чтобы я принял начальство над 2-мя дивизиями моими под Плевной, то прости мне, Милый Дядя, и посуди сам, прилично ли мне быть под начальством Румынского Принца, который назначен там начальником всего отряда или армии? Не думай, ради Бога, Милый Дядя, что б я был так горд, что это меня оскорбляет; нет этого у меня, и в мысли нет; но как посмотреть на это в России; что будут говорить, да, наконец, захочет ли сам Папа этого! Может быть, он об этом не подумал или забыл это обстоятельство. Мне самому крайне тяжело и неприятно писать об этом; но я решился прямо обратиться к тебе как Главнокомандующему и не поручать никому этого дела, а чтобы оно осталось между нами обоими и решилось бы, как прикажет Государь.

Прикажут мне принять всё-таки начальство над 1-й и 3-й Гвардейскими Дивизиями под Плевной: я беспрекословно приму, и буду свято исполнять

¹ См.: «Буду свято исполнять Свой долг» // Источник. — 1993. — № 1. — С. 39—50.

свой долг, как подобает всякому военному, и рассуждать не буду, в этом ты можешь быть уверен!

То же самое, если мне прикажут оставаться с моим Штабом Корпуса и остальными частями войск гвардии на месте в Горном Студне или где-либо в другом месте. Но, признаюсь откровенно, что охотнее принял бы последнее приказание.

Что было бы для меня самым приятным и, скажу более, лучшей наградой, это если бы разрешили мне остаться на том месте и сохранили бы мне то начальство, которое я получил с самого начала моего назначения в Действующую Армию. Я так привязался к моему Рущукскому отряду и мне так дороги интересы его, что, где бы я ни был, меня постоянно бы тянуло сюда. Мне было бы более чем грустно и тяжело расстаться с дорогими для моего сердца 12-м и 13-м корпусами. Я бы не посмел просить об этом никогда, зная очень хорошо, что военному ни напрашиваться, ни отказываться не следует и допустить этого нельзя; но вот что даёт мне повод просить об этом в настоящую минуту. Было решено в последний раз, как только что покончим с Плевной, направить весь Гвардейский Корпус сюда к нам; тогда, конечно, совершенно естественно я должен принять мой Гвардейский Корпус, и, конечно, я буду счастлив принять снова начальство над этим идеальным корпусом; но теперь, пока он не будет ещё в полном сборе, мне нечего будет там делать.

Не думаешь ли ты, что это возможно: остаться мне пока при моём месте, а потом совершенно естественно я приму начальство над моим Гвардейским Корпусом, и таким образом не будет этого резкого перехода, и мне лично будет гораздо легче сдать моё теперешнее начальство.

Ты не можешь себе представить, до чего я привязался к моему дорогому отряду, с которым впервые привелось мне служить серьёзно в военное и походное время и разделять с ними и радости, и горе, и нести серьёзную ответственность! Пожалуйста, не подумай, что я разлюбил за это время дорогую гвардию; этого и быть не может никогда; слишком связаны с нею все мои интересы и дорогие воспоминания»¹.

Ухудшение ситуации на фронте и в тылу постепенно меняло его отношение к великому князю Николаю Николаевичу, но письма цесаревича не отражают этих перемен. В первую очередь он военный, выполняющий приказ. Строки писем Александра Александровича являются яркой иллюстрацией его понимания своей роли как служения Отечеству (в период наследничества — императору).

Критическое отношение к командованию действующей армией звучит в переписке с К. П. Победоносцевым. Вел. кн. Александр Александрович сетует на просчёты командования как в стратегии и тактике ведения войны, так и в снабжении воинских частей. Наследник пытался повлиять на императора, чтобы тот отправил вел. кн. Николая Николаевича в отставку, но безуспешно. В то же время он интересовался общественной и политической жизнью столицы, мимо его внимания не прошёл процесс над Верой Засулич, всколыхнувший российское общество и зарубежную прессу.

---

¹ «Буду свято исполнять Свой долг» // Источник. — 1993. — № 1. — С. 44.

«8 сентября 1877 г.

Что делается и говорится в Петербурге? Часто теперь вспоминаем милую родину. Не думали мы, что так затянется война, а начало так нам удалось и так хорошо всё шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны!

Вы можете себе представить наше отчаяние, когда государь объявил, что остаётся: никакие просьбы, никакие доводы не могли изменить решение государя. Теперь я решительно не могу себе представить, что будет делать государь, если война затянется до зимы, а может быть, и до будущей весны, неужели он не вернётся в Россию?

Я решительно ничего не знаю о намерениях государя и вообще, что творится в главной квартире его, потому что ничего мне не сообщают, кроме как о военных распоряжениях, до нас касающихся.

Пожалуйста, пишите мне иногда, потому что я решительно ничего не знаю, что делается у нас на родине. Мне никто не пишет из России, кроме жены и иногда императрицы, но, конечно, они не могут знать и слышать, как Вы. Что с нами будет, одному Богу известно, и на него вся надежда наша. Одно могу сказать, что мы не унываем и духом не падаем. До свидания, любезный Константин Петрович, жму Вам крепко руку.

Искренно любящий Вас *Александр*.

31 октября — 10 ноября 1877 г.

То, что вы пишете по поводу политического процесса, который теперь, к несчастью, уже начат в Петербурге, просто возмутительно; и нужно же быть таким ослом, как Пален, чтобы поднять всю эту кашу теперь.

Я всё ещё надеюсь, что государь так или иначе, но прикажет остановить это дело»¹.

Переписка великого князя Александра Александровича и Марии Фёдоровны несёт типичные черты фронтовой корреспонденции². Наследник престола тяжело переживал разлуку с семьёй, живо интересовался успехами детей, успокаивал жену надеждой на своё скорое возвращение, живописал курьёзные или трогательные случаи из фронтовой жизни. Этим его письма схожи, например, с «Походными письмами» Н. П. Игнатьева.

«30 мая 1877 г.

Я уверен, что как ни грустно расставаться на неопределённое время, ты радуешься за меня — этому случаю идти в настоящее дело и доказать на деле государю и России мою готовность послужить им не на словах, а на деле.

Моя душка Минни, не грусти и не печалься и не забывай, что я не один в таком положении, а десятки тысяч нас, русских, покинувших свои семейства за честное, прямое и святое дело, по воле государя нашего и по благословению Божьему. Господь да благословит нас всех, а ты молись за меня, и Господь верно не оставит нас, и молитвы твои и мои, если они будут искренни

¹ Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866—1895. Статьи, очерки, воспоминания. — М., 2001. — Т. II. — С. 571—574.

² См.: Вопросы истории. — 2000. — № 4, 5. — С. 117—135.

и от чистого сердца, помогут нам, я в этом уверен, перенести спокойно нашу разлуку. Да поможет нам Бог»¹.

Но в отличие от рядовых корреспондентов цесаревич мог избежать перлюстрации, отправив письмо с фельдъегерской почтой, поэтому позволял себе высказываться достаточно резко. Несмотря на то что вел. кн. Александр Александрович вступил в брак с Марией Фёдоровной не по любви, а повинувшись чувству долга, супруга стала для него самым близким человеком. В письмах к ней наследник престола был наиболее откровенен. В этой переписке предстаёт «апофеоз войны»: гибель и страдания людей, зачастую не просто знакомых, а близких наследнику, просчёты командования, бытовые трудности.

Военные неудачи и плохое снабжение армии постепенно меняли отношение цесаревича к главнокомандующему — своему дяде великому князю Николаю Николаевичу. В последних его письмах сквозят откровенная неприязнь и презрение.

«5 сентября 1877 г.

Что невыносимо грустно и тяжело, это то, что мы опять потеряли такую массу людей, столько дорогой русской крови пролилось снова на этой ужасной турецкой земле! Грустно, что дело под Плевной затягивается на долгое время и вместе с этим затягивается и вся война»².

«18 сентября 1877 г.

Это несчастье и большое несчастье, что Папа сам был под Плевной, потому что он, не видавши никогда в жизни ни одного сражения, попал прямо на эту ужасную бойню и это произвело на него такое страшное впечатление, что он только об этом и рассказывает и плачет, как ребёнок. Не знаю, отдаёт ли он себе отчёт, что эта громадная жертва была принесена напрасно и совершенно бесполезно и что, собственно, не было никакой нужды штурмовать турецкую позицию и что можно было, наверное, предвидеть этот исход. Мы все уверены, что эта кровавая драма 30 августа была результатом того, что хотели непременно покончить с Плевной с эффектом и поднести государю подарок в день его именин, ну и поднесли! Нечего сказать!?!? Непростительно и преступно со стороны главнокомандующего подобные необдуманные действия, и нет сомнения, что он должен будет ответить перед всей Россией и отдать отчёт Господу Богу за эту отвратительную драму»³.

Александр Александрович близко к сердцу принимал всё происходящее на театре военных действий и в армейском тылу: беспокоился о раненых, заболел о довольствии солдат, переживал за положение православной церкви на освобождаемых территориях. Мария Фёдоровна являлась понимающим корреспондентом, сочувствующим своему супругу и поддерживающим его. Участие в военных действиях навсегда определило негативное отношение будущего императора к войне и его стремление избегать военных конфликтов.

---

¹ Вопросы истории. — 2000. — № 4, 5. — С. 117.

² Там же. — С. 120.

³ Там же. — С. 121.

Воцарение. Корректировка курса

На отношения наследника с Александром II в 1870-х гг. повлиял роман императора с княжной Екатериной Долгорукой. Вел. кн. Александр Александрович осуждал отца, особенно обострилась ситуация в императорской фамилии после кончины императрицы Марии Александровны, которую цесаревич очень любил. Наследник не мог простить отцу тайное венчание на Долгорукой, произошедшее 6 июля 1880 г., до истечения срока траура. Большинство лиц из придворного окружения оказались на стороне цесаревича, в оппозиции к новой супруге Александра II. По мнению Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина, окружение цесаревича видело серьёзную угрозу в возможной коронации княжны Е. М. Долгорукой, которую намеревался провести император в августе 1881 г. Историки выдвинули версию о том, что охрана царя знала о готовящемся покушении 1 марта 1881 г., но преднамеренно не предприняла никаких действий, чтобы избежать цареубийства¹.

1881 год стал «роковым» в российской истории. О его значении много размышляла В. Г. Чернуха не только в публикациях, но и в черновиках лекций и статей. «Каждый год в жизни большого государства знает свершения и утраты, беды и достижения; счастливое и тяжкое перемешаны в каждом из годов как разноцветные камешки. Но что же заставило отнести 1881 г. к разряду «роковых»? Главную трагическую ноту привнесла в этот год гибель императора, смерть Александра II. С ним вместе ушла и целая эпоха, сначала поднимавшая российское общество, необычайно оживившая его, а затем начавшая разочаровывать. 1881 год — «роковой» в истории России, потому что довольно цельная программа, начавшая было осуществляться, в очередной раз сначала затормозилась, а затем и вовсе остановилась. Это разный год, как и всякий. Но отнесение его к роковым всё же идёт по государственному признаку: смерть Александра II — смятение, колебания, поиски курса — смена курса, не исчерпавшего своих возможностей. Это, с одной стороны, расточительство (очевидно, В. Г. Чернуха имела в виду расточительство реформаторского потенциала страны. — *И. Б.*), а с другой — поиски сотрудников, способных реализовывать иную политическую программу»².

Молодой самодержец, вступая на престол, испытывал воздействие различных политических и общественных сил. Странники решительных действий из консервативного лагеря настаивали на ужесточении режима, но вместе с тем в обществе звучали обращения к монарху с просьбой о милосердии. Л. Н. Толстой передал Александру III письмо, в котором убеждал молодого императора помиловать цареубийц. Писатель взывал к религиозному чувству верующего человека, напоминая о христианских заповедях милосердия. С подобным обращением выступал и религиозный философ Владимир Сергеевич

¹ См.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Дом Романовых в истории России: [Материалы к докл. конф., 19—22 июня 1995 г.]. — СПб., 1995. — С. 204—213.

² Личный архив В. Г. Чернухи.

Соловьёв, сын историка С. М. Соловьёва, преподававшего курс русской истории Александру III в период наследничества. Убеждённый монархист, В. С. Соловьёв дважды в ходе своих лекций призывал молодого монарха помиловать убийц Александра II. Он обращался к нравственным основам христианства, догматы которого осуждают любые покушения на человеческую жизнь. Эти лекции, прочитанные 26 и 28 марта, стали важным событием в общественно-политической жизни России. Они вызвали широкий отклик среди молодёжи и были восприняты правительством как угроза общественному порядку. Александр III снисходительно отнёсся к выступлению философа, ограничившись внушением и ограничением лекторской деятельности, однако его призыву не последовал¹.

Смена царствований в Российской империи всегда порождала в обществе надежды на обновление. Вступление на престол нового монарха ассоциировалось с демократизацией общественно-политической жизни. Отстранённость Александра III от светской жизни в период наследничества, активное участие в деле помощи голодающим в 1868 г. и организации Добровольческого флота создали ему в обществе репутацию приверженца либерального образа мыслей.

Со стороны либерального и революционного течений раздавались призывы к созыву народного представительства, надежду на которое дали события последних дней царствования Александра II. В январе 1881 г. министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов предложил Александру II созвать административно-хозяйственную и финансовую комиссии для разработки проектов преобразований политической и экономической жизни страны. Эти учреждения предполагалось сформировать по такому же принципу, что и Редакционные комиссии, действовавшие накануне отмены крепостного права, включив в их состав как представителей чиновничества, так и общественных деятелей, в том числе земских. Окончательное обсуждение законопроектов до представления их в Государственный совет предполагалось провести в общей комиссии, в которую также призывались «сведущие люди» от местных учреждений. Проект, названный в исторической литературе «конституцией» Лорис-Меликова, позволял либеральному течению надеяться на создание высших представительных учреждений. Утром 1 марта Александр II одобрил проект правительственного сообщения о созыве общей комиссии. Его окончательное обсуждение в Совете министров было назначено на 4 марта. После убийства Александра II судьбу проекта предстояло решить его преемнику. Воцарение Александра III вселяло в сторонников реформ надежды на их проведение.

Тверское дворянство в царствование императора Александра II было одной из самых активных политических сил в стране. Его представители неоднократно обращались к императору с адресами, в которых говорилось о необходимости создания представительных учреждений. В первые дни правления нового монарха один из представителей тверского дворянства в речи, обращённой к молодому императору, напомнил ему о необходимости реформ:

---

¹ См.: Щеголев П. Е. Событие 1-го марта и Владимир Сергеевич Соловьёв // Былое. — 1906. — № 3. — С. 48—55.

«Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крепнуть при неуклонном исполнении закона, как со стороны народа, так и представителей власти, ибо закон, представляющий в России выражение монаршей воли, должен стать выше случайных видов отдельных представителей этой власти.

Мы горячо веруем, что права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняться. Мы ждём, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать своё мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мысли не только представителей администрации, но и народа русского.

Мы ждём, Государь, что в Ваше царствование Россия двинется вперёд по пути мира и правды со всем развитием живых общественных сил.

Мы ждём, что с представителями всех сословий, равно преданных престолу и Отечеству, власть Вашего Величества найдёт новый источник силы и залог успеха в исполнении великодушных предназначений Вашего императорского величества»¹.

Аналогичные требования выдвигали и деятели революционного движения. 10 марта 1881 г. из подпольной печати вышло письмо Исполнительного комитета «Народной воли», адресованное Александру III. Основная цель послания сводилась к тому, чтобы убедить нового императора пойти на уступки, на которые не решился Александр II. Помимо угрозы нового царевубийства, в нём содержались следующие требования:

1. Общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;
2. Созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их соответственно с народными желаниями»².

Александр III взошёл на престол в тот момент, когда Российское государство оказалось на развилке исторического пути. Молодой император был поставлен перед выбором между продолжением реформ и консервацией режима. Он не сразу сделал свой выбор, колебания продлились почти два месяца, с 1 марта по 29 апреля 1881 г. Борьбу, развернувшуюся среди политической элиты в течение этих двух месяцев, историки неоднократно воссоздавали на основании дневниковых записей непосредственных участников, их воспоминаний и переписки³.

---

¹ ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 231.

² Цит. по: Исполнительный комитет Александру III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб., 2001. — С. 129.

³ См.: *Готье Ю. В.* Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. — 1938. — № 2. — С. 240—299; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 340—378; *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. — Л., 1978. — С. 192—198; *Лукоянов И. В.* Н. П. Игнатьев и его воспоминания // Н. П. Игнатьев. Земский собор. — СПб.; Кишинёв, 2000. — С. 28—35; *Ремнев А. В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). — М., 2010. — С. 384—391.

Принимая 2 марта 1881 г. членов Государственного совета, император заявил о намерении продолжать политику своего отца и следовать его заветам. Всё это в глазах общества свидетельствовало о готовности воплотить в жизнь преобразования, намеченные накануне гибели Александра II и тем самым вывести страну из внутривластного кризиса.

8 марта в Зимнем дворце состоялось заседание Совета министров, на повестку дня которого был поставлен вопрос о судьбе проекта М. Т. Лорис-Меликова. На заседании присутствовали министры, председатели департаментов Государственного совета, госсекретарь Е. А. Перетц (подробно описавший всё происходившее в дневнике), управляющий делами Совета министров статс-секретарь Н. П. Мансуров, граф С. Г. Строганов, младший брат императора вел. кн. Владимир Александрович и его дядя — председатель Госсовета вел. кн. Константин Николаевич и вел. кн. Михаил Николаевич. Император в краткой речи представил предысторию проекта Лорис-Меликова, отметив, что «покойный государь сделал, однако, некоторые заметки относительно частных», которые необходимо обсудить. Монарх подчеркнул, что «вопрос не следует считать предрешённым, так как и покойный батюшка хотел, прежде окончательного утверждения проекта, созвать для рассмотрения его Совет Министров»¹, и предложил всем присутствующим откровенно высказать своё мнение. Созыв комиссий представителей при Госсовете поддержало большинство присутствующих. На стороне М. Т. Лорис-Меликова оказались управляющий делами Комитета министров П. А. Валуев, военный министр Д. А. Милютин, министр финансов А. А. Абаза, государственный контролёр Д. М. Сольский, министр народного просвещения А. А. Сабуров, министр юстиции Д. Н. Набоков, Е. А. Перетц (который не высказывался, поскольку не являлся министром, но обозначил свою позицию в дневнике), вел. кн. Константин Николаевич и вел. кн. Владимир Александрович. Принц Г. К. Ольденбургский, председатель департамента законов кн. С. Н. Урусов, гр. С. Г. Строганов высказались в поддержку проекта, но предложили перенести его обсуждение в Комитет министров. Сторонники проекта ссылались на то, что призыв «сведущих людей» (депутатов) для обсуждения важных государственных вопросов уже стал правительственной практикой и эта мера не представляет опасности для самодержавия, поскольку комиссии экспертов имеют лишь совещательный голос. Против этого категорически выступил обер-прокурор Св. синода К. П. Победоносцев, охарактеризовав совещательные комиссии как первый шаг к парламенту, «фальши по иноземному образцу, для нас непригодной», «верховой говорильне» и, наконец, к конституции, ограничивающей власть монарха. К нему присоединились министр путей сообщения К. Н. Посыет, министр государственных имуществ кн. А. А. Ливен, министр почт и телеграфов Л. С. Маков.

Заседание длилось 2 часа 45 минут, и к окончанию дебатов молодой монарх заметно устал. Ему необходимо было принять решение, от которого зависела судьба страны, и груз ответственности давил на его плечи. В конце совещания

---

¹ Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). — М.; Л., 1927. — С. 32.

он сказал: «Цель моя заключается в том, чтобы столь важный вопрос не был разрешён слегка, но, напротив того, был соображён как можно основательнее и всестороннее»¹. Александр III не был уверен в правильности выбора, хотя несколькими репликами выразил отрицательное отношение к парламенту. И всё же монарх колебался, он ещё не сформировал своё мнение по этому вопросу, так что пошёл на компромисс. Он принял предложение кн. С. С. Урусова о создании особой комиссии из министров для дальнейшего обсуждения проекта. Е. А. Перетц полагал, что на решение императора в значительной степени повлияло горячее выступление вел. кн. Владимира Александровича, указавшего на кризисное положение власти: «Ваше величество, всеми сознаётся, что нынешнее положение наше — невозможное. Из него необходимо выйти. Нужно сделать или шаг вперёд, или шаг назад. Я убеждён, что назад идти нельзя, поэтому нужно сделать шаг вперёд. На это нужно решиться»². Младший брат царя был назначен председателем Комиссии министров.

Министр внутренних дел был недоволен исходом заседания, но это не говорило о том, что он потерял своё влияние, его сторонники считали, что «акции Лориса высоки». Вместе с тем сановники отмечали, что и «Победоносцев не без влияния»³. Колеблясь при выборе курса, император прислушивался к мнению той и другой стороны.

В ходе противостояния реформаторского и охранительного течений М. Т. Лорис-Меликов пришёл к выводу о взаимосвязи центрального представительного учреждения (в которое, по его мысли, должно было развиваться совещание экспертов при Госсовете) и Кабинета министров. 26 марта в разговоре с А. А. Половцовым он представил их взаимодействие схемой, где реформированная по его замыслу законодательная и исполнительная власть представляли два полюса, усилия которых направлены на разработку программных преобразований — школьной и налоговой реформ, закона о печати и понижение выкупных платежей⁴. Таким образом, борьба за реализацию конституционных проектов вылилась в борьбу за введение однородного министерства. Эта реформа, неоднократно предлагавшаяся в проектах реформаторов второго поколения, так и осталась нереализованной в 1855—1881 гг.⁵ Решающим аргументом в пользу этой меры снова, как и в предыдущее царствование, стала необходимость единства управления в целях разработки правительственной программы⁶. Мысль об учреждении «однородного, согласного между собой правительства» звучит во всеподданнейшем докладе М. Т. Лорис-Меликова от 12 апре-

---

¹ Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). — М.; Л., 1927. — С. 45.

² Там же.

³ Там же. — С. 51.

⁴ См.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 343.

⁵ Подробнее о попытках создания Кабинета министров в царствование Александра II см.: *Барыкина И. Е.* Александр II. Пропущенный поворот. — М., 2017.

⁶ См.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 355.

ля¹. По свидетельству Е. А. Перетца, «ввиду постоянного противодействия со стороны Победоносцева, чуть не ежедневно являвшегося к государю, пока его величество был в Петербурге, а затем часто отправлявшего в Гатчину длинные записки по разным предметам, Лорис и Абаза пришли к убеждению о необходимости представить на благоусмотрение государя, что существующая рознь между министрами, из которых каждый имеет непосредственный всеподданнейший доклад, может привести к неблагоприятным последствиям. Необходимы непосредственная связь и единство. С этой целью предложено было, чтобы по всем важнейшим вопросам своего ведомства министры, прежде представления их на высочайшее воззрение, совещались между собою и давали ход только тем предположениям, которые одобрены большинством их товарищей, или же, по крайней мере, докладывали его величеству о встреченной ими оппозиции. Таким образом, мало помалу образовался бы кабинет, составленный из министров приблизительно одного и того же направления.

Государь отнёсся к этой мысли сочувственно и признал необходимым обсудить её в особом совещании в связи с общим вопросом о нашем положении и о нынешних обстоятельствах»².

Александр III назначил совещание министров в Гатчине под своим председательством на 21 апреля. В нём приняли участие К. П. Победоносцев, М. Т. Лорис-Меликов, А. А. Абаза, Д. Н. Набоков, Д. А. Милютин, Н. П. Игнатъев (ставший министром государственных имуществ вместо А. А. Ливена), А. П. Николаи (сменивший А. А. Сабурова на посту министра народного просвещения) и вел. кн. Владимир Александрович. Итогом стало согласие императора на предварительные совещания министров без его участия (но под председательством вел. кн. Владимира Александровича) для выработки единой программы действий. Е. А. Перетц записал в дневнике со слов А. А. Абазы: «Государь... объявил, что совершенно понимает необходимость в высшем управлении единства, которое не может вполне достигаться при существующем порядке. Поэтому Его Величество просит министров предложения их по предметам, имеющим существенное значение, вносить предварительно на обсуждение особого совещания из министров внутренних дел, финансов, военного, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ и обер-прокурора Св. синода; в случае надобности могут быть приглашены в заседание и другие министры, а также и государственный контролёр. В совещании этом председательствовать будет великий князь Владимир Александрович. Никакого учреждения или положения для совещания издано не будет. Собираться они должны частным образом, по мере необходимости; чем менее будет формальностей, тем лучше. Затем, вероятно, опыт укажет на пользу каких-либо дополнений или изменений в этом устройстве, и тогда можно будет вновь собраться у государя для обсуждения возникших

---

¹ См.: Томсинов В. А. Конституционный вопрос в России в 60-х — начале 80-х годов XIX века. — М., 2013. — С. 303—308.

² Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). — М.; Л., 1927. — С. 62.

вопросов»¹. Окончательное решение должно было приниматься уже на совещании под председательством монарха. Министры, не согласные с позицией большинства, должны были подавать в отставку².

Сторонники М. Т. Лорис-Меликова торжествовали. Они полагали, что наконец добились осуществления идеи, возникшей ещё восемьдесят лет назад — в первое десятилетие XIX в. — создание гомогенного министерства, т. е. Кабинета министров, в котором происходило бы обсуждение важных государственных вопросов вне присутствия монарха, как это делалось в европейских странах, например в Великобритании. «Победоносцев уничтожен, истёрт в порошок», — передаёт Е. А. Перетц слова А. А. Абазы и добавляет: — В городе только и разговоров, что о полном поражении Победоносцева. Все в неопisanном восторге. Великий князь Константин Николаевич сказал мне, что ему особенно больно покидать деятельность тогда, когда правительство стало единомышленным и будет состоять из людей, вполне сочувствующих собственным его убеждениям»³.

Единственное совещание «кабинета» состоялось 28 апреля. Накануне его сторонники праздновали победу, надеясь, что практика подобных совещаний станет постоянной. «Сегодня вечером у нас заседание того совещания, которому поручено предварительное соображение министерских предположений, *кабинета*, как называют его в публике», — сказал А. А. Абаза госсекретарю Е. А. Перетцу. В повестке дня было четыре вопроса: 1) об устройстве особых следственных комиссий; 2) об устройстве предупредительной полиции; 3) меры к устранению расстройств быта крестьян и малоземелья; 4) соображения по пересмотру некоторых статей Положения о земских и городских учреждениях⁴.

Однако в конце заседания участники были поставлены перед фактом издания Манифеста о незыблемости самодержавия, объявление которого было назначено на следующий день. На совещании министров совершенно случайно обнаружилось, что Д. Н. Набоков привёз корректуру документа, составленного К. П. Победоносцевым. Известие об этом прозвучало «громовым ударом», тем более что министр внутренних дел, утром 28 апреля встречавшийся с императором, не был поставлен в известность о готовящемся событии.

Манифест 29 апреля⁵ содержал следующую ключевую фразу: «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Боже-

¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 365.

² См.: Лукоянов И. В. Н. П. Игнатъев и его воспоминания // Н. П. Игнатъев. Земский собор. — СПб.; Кишинёв, 2000. — С. 29.

³ Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). — М.; Л., 1927. — С. 66.

⁴ См.: Лукоянов И. В. Н. П. Игнатъев и его воспоминания // Н. П. Игнатъев. Земский собор. — СПб.; Кишинёв, 2000. — С. 74—75.

⁵ Официальное название Манифеста: «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России».

ственный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на неё попользований»⁶. (Общественное мнение дало этому манифесту ироническое название «ананасный» (из-за фразы «а на Нас возложить священный долг самодержавного правления»).

Его появление с позиции Александра III было закономерным. Во время самого гатчинского совещания он, вероятно, не до конца разобрался в последствиях своего согласия на независимые совещания министров.

Постепенно в сознании Александра III всё отчётливее проступало понимание последствий. Уже вечером 21 апреля в записке К. П. Победоносцеву монарх выразил озабоченность тем, что совещания министров могут привести к «представительному правительству». В этой записке «вопрос о «кабинете» был слит с более широким вопросом о представительном начале вообще»⁷. Монарх понимал, что за созданием Кабинета министров неминуемо последует созыв собрания представителей, а на подобное ограничение своей власти он пойти не мог. Подготовка Александра III к изданию Манифеста началась за спиной участников совещаний в конце 20-х чисел апреля. Окончательная редакция была готова 28 апреля.

До издания Манифеста успех курса К. П. Победоносцева был неочевиден. Сам он был не уверен в своём влиянии, видя колебания молодого императора. С. Н. Валк полагал, что явным признаком поворота правительственной политики стало привлечение Победоносцева в качестве ближайшего советника, о чём свидетельствовала направленная ему записка Александра III от 20 марта: «Исполните мою просьбу и облегчите мои первые шаги»⁸.

30 апреля министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов подал в отставку. Вслед за ней последовали отставки министра финансов А. А. Абазы и военного министра Д. А. Милютина. Причиной этого шага стало не столько содержание манифеста (никто из министров не выступал против самодержавия), сколько пренебрежительное отношение молодого императора к министрам, издание важного документа — Манифеста — в тайне, без совещания с ними, при этом лицо, от которого зависела безопасность страны и монарха, — министр внутренних дел — не было поставлено в известность. В. М. Юзефович, сотрудник М. Т. Лорис-Меликова, полагал, что его патрон написал прошение об отставке «не вследствие самого Манифеста, но вследствие явно выраженного ему недоверия»⁹. К тому же, несмотря на формальное назначе-

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — СПб., 1885. — Т. 1. — С. 53—54.

² Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и Манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. — Т. 2. — С. 287.

³ Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 920.

⁴ «Но почему 29 апреля?». Письмо Владимира Юзефовича об отставке Лорис-Меликова. Публикация А. Мамонова // Родина. — 2015. — № 2. — С. 29.

ние вел. кн. Владимира Александровича председателем совещаний министров, М. Т. Лорис-Меликов считал себя «председателем Совета» и был оскорблён тем, что его игнорировали¹. Подобное отношение монарха говорило о том, что Кабинет министров в его глазах лишь фикция. Н. П. Игнатьев, сменивший М.Т. Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел, полагал, что «для Лориса, который вообразил себе, что составил кабинет, посредством которого он будет в действительности управлять государством, могло показаться обидным, что он оказался председателем совета, которому государь не придавал самостоятельного значения». Д. А. Милютин ещё за две недели до издания манифеста записал в дневнике: «Обсудив совершенно келейно настоящую постановку дел, мы с Лорис-Меликовым пришли к тому заключению, что оба должны ещё некоторое время оставаться в выжидательном положении, пока не выяснится, который из двух противоположных путей будет выбран императором»². 30 апреля Д. А. Милютин с негодованием отметил: «Мы все были поражены и оскорблены процедурой с манифестом»³.

Издание манифеста свидетельствовало о том, что выбор курса сделан, Александр III снял с повестки дня вопрос о политической реформе. Точку в этом процессе поставило назначение в мае 1882 г. гр. Д. А. Толстого, ярого консерватора, «столпа реакции», на ключевой пост — министра внутренних дел. П. А. Зайончковский связывал с этим назначением окончание внутривнутриполитического кризиса, разразившегося весной 1878 г.⁴ Д. А. Толстой сменил Н. П. Игнатьева, выступавшего с проектом созыва представительного учреждения — Земского собора. Кадровая перестановка показала, что тема представительного учреждения правящими кругами обсуждаться больше не будет. Курс, взятый Александром III, не предусматривал ограничения самодержавия ни правительством, ни парламентом.

В основу внутренней политики Александра III был положен принцип сохранения абсолютной власти монарха. В его царствование перестал функционировать и Совет министров — учреждение, которое при Александре II реформаторы второго поколения пытались преобразовать в Кабинет министров⁵. Александр III собирал Совет министров всего два раза, в начале царствования — 8 марта 1881 г. и в 1882 г. (для обсуждения законопроекта о правах раскольников). Вместе с тем в управленческую практику вновь вошёл единоличный приём всеподданнейших докладов министров. «Выступавший в совершенно откровенном смысле в пользу единовластного управления, Александр III не считал нужным советоваться ни относительно текущей политики, ни

---

¹ См.: «Но почему 29 апреля?». Письмо Владимира Юзефовича об отставке Лорис-Меликова. Публикация А. Мамонова // Родина. — 2015. — № 2. — С. 29.

² Милютин Д. А. Дневник. 1879—1881. — М., 2010. — С. 289—290.

³ Там же. — С. 320.

⁴ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 5—6.

⁵ Подробнее о проектах преобразования Совета министров см.: Барыкина И. Е. Александр II. Пропущенный поворот. — М., 2017.

относительно предстоящих преобразований не то что с народным представительством, но даже с собственными министрами.

К. П. Победоносцев в 1880-е гг., столкнувшись с тем, что министр внутренних дел Д. А. Толстой тоже пользуется высочайшими повелениями, как и он сам, вспомнил о Совете министров. В 1885 г. обер-прокурор Святейшего синода, самый влиятельный среди сановников Александра III, и человек, наиболее последовательно разделявший его абсолютистские убеждения, отправился к императору, прихватив с собой закон 1861 г., содержащий «Положение» о Совете министров, с тем, чтобы убедить этого монарха хотя бы в минимальной степени использовать преимущества коллегиальной выработки правительственных мер. Ему пришлось напоминать Александру III о *de jure* существующем высшем государственном учреждении, специально для этого предназначенном. Однако император, который был убеждён, что министры «таковы, что с ними советоваться не стоит», на этот раз не внял рекомендациям учителя, и Совет министров не был собран вплоть до 1905 г.»¹

Отмечая угасание Совета министров в последние десятилетия XIX в., В. Г. Чернуха обратила внимание, что в канцелярии Комитета министров в этот период для Александра III составлялись справки о деятельности Совета в предшествующее царствование. Очевидно, под воздействием разговоров о необходимости возобновления заседаний Совета министров у императора время от времени возникали какие-то намерения, которые остались неосуществлёнными².

В. Г. Чернуха одной из первых проанализировала внутренние, не столь очевидные мотивы консервативной политики Александра III. Императору внутриполитический курс виделся как осуществление национальной идеи. Национализм Александра III — это отказ от принципа реформаторства, принятого Александром II, взявшим курс на форсированный переход к западноевропейским образцам и ценностям. Этот переход был обусловлен ситуацией военной отсталости и нежеланием российской власти мириться с ролью слабой державы. После поражения в Крымской войне Российская империя сохранила своё место на международной арене, но оно было «урезано», его необходимо было восстанавливать, доказывать «адекватность» российской экономической и социальной жизни европейским державам. Вывод В. Г. Чернухи — «все контрреформы коренятся в реформах». Отказ от реформаторского курса в 1881 г. был подготовлен ранее, в 1880 г., когда власть встала на позицию осторожного отношения к проведению реформ вследствие нарастания экономических и политических проблем. Существенную роль в этом сыграла русско-турецкая война 1877—1878 гг., ставшая серьёзным испытанием для российской политической и экономической системы. Дипломатическая неудача на Берлинском конгрессе сближала итоги этой войны с Крымской.

---

¹ Из черновиков В. Г. Чернухи.

² См.: Чернуха В. Г. Совет министров в 1861—1882 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. 9. — Л., 1978. — С. 116.

Александра II и Александра III, отца и сына, объединяет самодержавная форма правления, принадлежность к роду Романовых и общая история, из которой они сделали разные выводы. Александр II пришёл к мысли, что причина всех бед коренится в отсталости страны, а Александр III, наоборот, что страна «заскочила вперёд». Национализм Александра III — это реакция власти на издержки форсированных реформ, которые проявились в отсталости в аграрной сфере, росте революционного движения, активности либеральной оппозиции, выступавшей с требованиями преобразования государственного строя в сторону конституционной монархии. Особенностью самодержавной власти был способ ликвидации этих издержек — не путём продвижения реформ, создания удобной и понятной крестьянам кредитной системы, договорённости власти с земством, улучшения положения населения, а старым единственным освоенным властью методом репрессий, утверждением своего господства над обществом. В основу консервативного курса Александра III был положен принцип «государство важнее личности».

Значительную роль в выборе курса В. Г. Чернуха отводила личным качествам Александра III, которому были свойственны «консервативные и даже националистические взгляды»¹. Историк подчеркнула сходство позиций «царя-миротворца» и его деда, Николая I². Оба они были цельными и прагматичными натурами (в отличие, например, от сотканых из противоречий фигур Александра I, Александра II или Николая II). К Александру III с полным правом можно отнести слова историка А. Е. Преснякова, сказанные о Николае I: «Самодержавие для него — незыблемый догмат»³. Как и Николай I, он «понимал задачи самодержца буквально и пытался разрешать все дела единолично, вникая во множество специальных деталей»⁴. Потому и Государственный совет воспринимался им не как законосовещательный орган, а как учреждение, «предназначенное лишь для того, чтобы помочь ему сформировать собственную точку зрения»⁵. «Авторитаризм Александра III выразился и в том, что он предпочитал проводить дела через Комитет министров вместо длительного обсуждения их в Государственном совете. Для Государственного совета, заседавшего ранее в залах Зимнего дворца, было куплено здание Мариинского дворца...

Что касается общего направления политики нового императора, то его никак нельзя характеризовать одним каким-либо термином. В его царствовании, как и в назначениях, отразились сложности переживаемого страной времени. Россия после буржуазных преобразований Александра II довольно быстро оказалась в положении страны, выдерживающей экономическую конкуренцию со

---

¹ Чернуха В. Г. Совет министров в 1861—1882 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. 9. — Л., 1978. — С. 139.

² См.: Там же. — С. 141.

³ Пресняков А. Е. Николай I // А. Е. Пресняков Российские самодержцы. — М., 1990. — С. 262.

⁴ Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 140.

⁵ Там же.

странами Западной Европы. Но взгляды самого императора Александра III, воспринимавшего собственную власть как наследие абсолютистского режима в его наиболее откровенной форме, проявлялись в том, что он вёл себя не только как современный глава европейского государства, но и как непрерываемый глава Российской империи (недаром его кумиром стал император Николай I). Значит, его политика должна была носить и носила как черты вполне современного государства, так и архаичные черты средневековой державы... Во внутривластном курсе Александра III можно найти как консервативные, так и либеральные черты, что объясняется ситуацией, сложившейся в России в 1880-е — первую половину 1890-х годов... Но политика Александра III была намного сложнее, чем только консервативная или либеральная. Действительно, черты консерватизма в его политике найти очень легко: это и университетский устав 1884 г., отобравший те научные и учебные свободы, которые были предоставлены российским университетам по уставу 1863 г. Это и неудачные попытки пересмотреть военную и судебную реформы. Зато правление Александра III демонстрирует и продолжение реформ, которые были намечены, но не осуществлены в предшествующее царствование: отмена подушной подати, паспортная реформа, новое учреждение об императорской фамилии...»¹.

Пересмотру и контрреформированию в 1881—1894 гг. подверглись завершённые в 1860-е гг. преобразования, породившие новые экономические и политические проблемы, а те сферы, в которых реформы были намечены, но не завершены, преобразовывались в духе царствования Александра II.

Современные историки, пересматривая оценки царствования Александра III, делают акцент на положительных итогах этой эпохи. С. В. Мироненко назвал 1881—1894 гг. «эпохой прагматического самодержавия»², Ю. А. Петров — «временем государственной твёрдости»³. И всё же экономические достижения политики Александра III во многом носили внешний эффект. Лакмусовой бумажкой эффективности внутренней политики, её «выразительным итогом»⁴ стал голод 1891—1892 гг., последствия которого можно сравнить с последствиями Крымской и русско-турецкой (1877—1878) войн, обнаруживших кризисное состояние российской политической и экономической системы.

Лето 1890 г. выдалось засушливым, из-за этого сев озимых прошёл с большим опозданием. Зима 1891 г. сменилась ранней весной с заморозками, погубившими всходы, а лето принесло страшную жару. Началась засуха, сжигавшая не только посевы, но и леса, луга и степи. Неурожай охватил 29 из

---

¹ Чернуха В. Г. Император Александр III: его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 609—610.

² Родина. — 2015. — № 2. — С. 2.

³ Там же. — С. 5.

⁴ Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 358.

97 губерний и областей России. Голод и болезни унесли жизни более 500 тыс. человек¹.

В период неурожая и голода 1891—1892 гг. было решено повторить опыт создания комиссии помощи пострадавшим от голода губерниям (подобно успешно работавшей в 1868 г.) и назначить председателем комиссии вел. кн. Николая Александровича, будущего Николая II. Но испытанный способ на этот раз не сработал: масштабы катастрофы были гораздо больше, поэтому принятых мер оказалось недостаточно. Помощник министра иностранных дел В. Н. Ламздорф передал в своём дневнике общее настроение по поводу работы комиссии: «Нет никакого контроля над расходованием собранных сумм, и в разных местах совершены значительные растраты... назначение вел. кн. наследника председателем комитета, которому поручено помогать населению, пострадавшему от голода, не будет иметь другого практического результата, кроме того, что оно снимает ответственность с министра внутренних дел Дурново с его присными, перекладывая на голову его императорского высочества значительную часть нареканий, вызываемых недостаточностью помощи, частыми растратами и всякого рода ошибками, наделанными администрацией»². Архаичная государственная машина и приспособившаяся к ней экономика не выдержали испытания стихийным бедствием. «Голод сразу же подорвал кажущееся благополучие империи»³. «Как и поражение в Крымской войне, голод 1891—1892 гг. ещё раз напомнил миру об отсталости России, о необходимости радикальных преобразований не только в сфере экономики, но и в системе государственного управления. Он всколыхнул русское общество и оказал несомненное влияние на развитие как революционного, так и реформаторского движений»⁴.

Реформаторы третьего поколения

В. Г. Чернуха и Б. В. Ананьич выделили в российской истории XIX в. три периода реформ — первые два десятилетия, царствование Александра II и 1890—1900-е гг. В каждом из указанных периодов действовало новое поколение реформаторов, при этом масштаб и направление реформ зависели от взглядов и настроения монархов⁵. Третье поколение реформаторов в цар-

¹ См.: *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* — М., 2006. — С. 357.

² *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891—1892. — М.; Л., 1934. — С. 195—254.

³ *Валк С. Н.* Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // *История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894).* Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 994.

⁴ *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* — М., 2006. — С. 358.

⁵ Подробнее см.: *Ананьич Б. В., Чернуха В. Г.* Первый шаг к революции // *Родина.* — 1991. — № 9, 10. — С. 25—28; *Ананьич Б. В., Чернуха В. Г.* Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // *Родина.* — 1992. — № 2. — С. 30—35; *Ананьич Б. В., Чернуха В. Г.* Чернильные перемены (Власть и общество: этапы расхождения) // *Родина.* — 1991. — № 11—12. — С. 108—111.

ствование Александра III было поставлено перед необходимостью перекройки буржуазных реформ и ограничено разрешением проявить себя только в сфере экономических преобразований. Особенности третьего периода реформаторского процесса XIX в. был компромисс между западноевропейскими и национальными идеями. «Он нашёл своё отражение и в сотрудничестве Витте с Бунге, и в эклектическом характере их программ, и в эволюции их взглядов»¹.

«Этому времени предшествовала эпоха 80-х годов, когда, с одной стороны, шли некоторые инерционные реформаторские процессы, а с другой — выработывалась официальная националистическая идеология, проповедовавшая сильную и неизменную самодержавную власть. Во второй половине 80-х годов началось так называемое «контрреформаторство» — своеобразная форма застоя, только проявлявшаяся не в торможении, а в перекройке буржуазных реформ по двум линиям: усиления сословности, точнее, упрочения дворянского элемента и его власти на местах, и упрочения феодальных институтов, типа общины. Вместо развития реформ вширь и вглубь началась их консервация и усечение»².

Перед правящими верхами в царствование Александра III, так же как и в предшествующую эпоху, стояла задача разработки политической программы. Этим должен был заниматься кабинет министров, но в конце апреля 1881 г. стало ясно, что подобное учреждение при Александре III не появится в российской системе управления. Поэтому власть пошла по традиционному пути — программа складывалась из записок и проектов государственных деятелей, её формирование занимало длительное время, а текущая политика строилась как ряд откликов на события. Если выбор политического курса был сделан императором в самом начале царствования — в 1881—1882 гг., то программа определилась лишь к 1885 г. Её создание явилось плодом коллективных усилий. Партия контрреформ разработала «реальную политическую программу самобытного развития России и проводила её в жизнь, ведя борьбу со сторонниками реформ в государственном аппарате»³.

Выбор курса в значительной степени был подготовлен идеями, с которыми выступила группа бюрократов ещё в конце 1870-х гг. Отсутствие возможности обсуждать государственные проблемы в парламентских дискуссиях привело к развитию публицистики — формы выступлений, с помощью которой общественные деятели пытались оказать влияние на правительственную политику и общественное мнение. Она выполняла роль специфической трибуны, которую использовали и Партия реформ, и Консервативная партия. Именно в период внутривнутриполитического кризиса известный публицист генерал-майор Р. А. Фадеев и генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков предложили программу пересмотра либеральных реформ в книге «Письма о современном состоянии России. 11—20 апреля 1879 — 6 апреля 1880», сначала анонимно

---

¹ *Ананьич Б.В., Чернуха В.Г.* Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // Родина. — 1992. — № 2. — С. 32.

² Там же. — С. 31.

³ Там же. — С. 31.

опубликованной в Лейпциге, а затем переизданной несколько раз в России в 1881—1882 гг.

Идеальной формой правления объявлялось «живое народное самодержавие», организованное земство, способное воплотить идею единения царя с народом и признающее царя царём, а не главой исполнительной власти. В «Письмах...» содержался призыв к восстановлению допетровских государственных форм, в частности земских соборов. После кадровых перестановок в мае—августе 1881 г. и назначения Н. П. Игнатьева министром внутренних дел, Н. Х. Бунге министром финансов, П. С. Ванновского военным министром, а И. И. Воронцова-Дашкова — министром императорского двора «эта группа бюрократов пыталась опираться на программу «Писем...»¹. Однако Александр III не собирался поддерживать идею созыва народного представительства ни в виде европейского парламента, ни в виде самобытных земских соборов.

Став министром императорского двора, И. И. Воронцов-Дашков занялся активной реформаторской деятельностью внутри своего ведомства, стремясь сократить расходы и усовершенствовать структуру министерства и делопроизводство², но его преобразовательные планы выходили за ведомственные рамки.

П. А. Зайончковский предположил, что И. И. Воронцов-Дашкову принадлежала мысль о передаче Департамента полиции и Корпуса жандармов в ведение начальника императорской охраны. В конце 1881 г. на эту должность был назначен П. А. Черевин, ранее занимавший пост товарища министра внутренних дел и по роду службы имевший в своём подчинении Департамент полиции и Корпус жандармов. Перейдя на новую должность, П. А. Черевин, по мысли И. И. Воронцова-Дашкова, мог сохранить под своим контролем две силовые структуры, а формально они оставались бы в составе МВД. Мотивы этого проекта вскрыты П. А. Зайончковским. Начальник императорской охраны вместе с И. И. Воронцовым-Дашковым входил в руководство «Священной дружины», ставившей своей целью наведение порядка в стране и защиту императора. Проектируемые межведомственные перестановки усиливали «Священную дружину», передавая в её ведение полицию и жандармский корпус. Проект, составленный П. А. Черевиним и первоначально одобренный Александром III, натолкнулся на противодействие министра внутренних дел Н. П. Игнатьева и был отклонён³.

В это же время И. И. Воронцов-Дашков предложил проект преобразования институтов личной власти самодержца — СЕИВК, Комиссии прошений, Главной квартиры и Военно-походной канцелярии. СЕИВК уже лишилась в 1880 г. III отделения, дела которого были переданы в Департамент государственной

---

¹ *Ананьич Б. В., Чернуха В. Г.* Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // *Родина*. — 1992. — № 2. — С. 31.

² Подробнее см.: *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Воспоминания. — СПб., 2006. — С. 139—232; *Исмаил-Заде Д. И. И. И. Воронцов-Дашков* — администратор, реформатор. — СПб., 2008. — С. 27—28.

³ См.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 398—399.

полиции МВД. Реформы 1860-х гг. привели к дублированию деятельности высших государственных органов и отделений СЕИВК, о чём говорилось в проектах царствования Александра II. В 1870-х гг. предлагалось упразднить СЕИВК с передачей подведомственных ей дел соответствующим министерствам. И. И. Воронцов-Дашков предполагал сохранить это учреждение, но в несколько обновлённом виде: преобразовать три отделения Канцелярии в два отдела. Ведомство императрицы Марии переименовать в Канцелярию Её Величества, II отделение присоединить к Законодательному отделению Департамента Министерства юстиции, а Главную квартиру, Военно-походную канцелярию и I отделение СЕИВК объединить в I отдел С.Е.И.В. канцелярии. Во II отдел должна была войти реформированная Комиссия прошений¹. Проектируемые преобразования Комиссии прошений, изложенные в записке И. И. Воронцова-Дашкова, подробно рассмотрел в специальной статье А. В. Ремнев². Несмотря на то что Александр III оставил на записке маргиналию: «В принципе совершенно согласен на эти реформы»³, этот проект не был реализован. Однако записка И. И. Воронцова-Дашкова положила начало дискуссиям о судьбе Комиссии прошений и проектам её преобразования.

Решающая роль в выработке правительственной программы принадлежала К. П. Победоносцеву и М. Н. Каткову. Обер-прокурор Св. синода и по совместительству наставник цесаревича Победоносцев пользовался большим влиянием. Оно стало очевидным после опубликования манифеста 29 апреля 1881 г., в подготовке которого тот принял непосредственное участие. Взаимоотношения вел. кн. Александра Александровича и К. П. Победоносцева были подвергнуты анализу Ю. В. Готье⁴. Анализируя причины доверительных отношений между ними, Ю. В. Готье назвал несколько факторов: авторитет преподавателя, близость К. П. Победоносцева к славянофилам, которым симпатизировал и вел. кн., общее религиозное чувство, «оппозиционное чувство к Александру II», осуждение его романа с Е. М. Долгоруковой⁵. К. П. Победоносцева и вел. кн. Александра Александровича сближало и совместное дело — Добровольческий флот. С. Н. Валк добавил к этим причинам мировоззрение самого Александра III, «которому ближе и понятнее был «патриархальный» уклад крепостной России, в которой прошли годы его юности, чем рост новых буржуазных отношений и появление на авансцене общественной жизни

---

¹ См.: Копия с записки, представленной Государю императору графом Воронцовым-Дашковым в 1881 г. // РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 237. — Л. 380—383 об.

² См.: *Ремнев А. В.* Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. — 1997. — С. 17—18.

³ РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 237. — Л. 380.

⁴ См.: *Готье Ю. В.* Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865—1881 // Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866—1895. Статьи, очерки, воспоминания. — М., 2001. — С. 499—531.

⁵ См.: Там же. — С. 508—516.

новых социальных групп, которые требовали хотя бы минимума буржуазной законности»¹.

В 1881 г. Александр III, ещё не уверенный в своих силах, нуждался в советнике, которого нашёл в лице обер-прокурора, поддерживавшего связь с молодым императором постоянной перепиской. Самым трудным временем жизни нового императора были первые месяцы царствования, когда на него буквально обрушилась груда проблем. На него со всех сторон давили люди и обстоятельства: либералы подавали записки, пытались убедить, что реакция опасна и надо продолжить либеральные преобразования; консерваторы твердили, что спасти страну могут только крутые меры, расправа с революционерами и либералами, демонстрация силы, т. е. дееспособности, власти. Все говорили о необходимости придерживаться в политике какой-то единой системы. И в это время роль основного советника и помощника взял на себя К. П. Победоносцев. Со своей стороны, Александр III сделал его «поверенным своих сомнений и колебаний»². К. П. Победоносцев писал новому монарху почти ежедневно, давал советы и рекомендации. По мнению Ю. В. Готье, техника влияния Победоносцева «выработалась задолго до воцарения Александра и это событие не внесло в неё ничего нового. Частые свидания, разговоры наедине, чаще всего по инициативе самого Победоносцева, по его письму, реже по инициативе Александра, требовавшего мнение Победоносцева по определённом вопросу или приглашавшего на интимное совещание вдвоём в царском кабинете. И для Победоносцева Александр III не был упорным, пасмурным и недоверчивым государем, каким он остался в истории, а учеником и последователем, которому... Победоносцев впитывал свои мысли»³.

Послания Победоносцева молодому императору тут же отзывались правительственными мерами. Письмо К. П. Победоносцева, отправленное после совещания министров в Гатчине 21 апреля 1881 г., стало первым шагом к Манифесту о незыблемости самодержавия:

«Бог велел нам переживать нынешний страшный день. Точно кара Божия обрушилась на несчастную Россию. Хотелось бы скрыть лицо своё, уйти под землю, чтобы не видеть, не чувствовать, не испытывать. Боже, помилуй нас.

Но для Вас этот день ещё страшнее, и, думая о Вас в эти минуты, что кровав порог, через который Богу угодно провести Вас в новую судьбу Вашу, вся душа моя трепещет за Вас страхом неизвестного грядущего по Вас и по России, страхом великого неказанного бремени, которое на Вас положено. Любя Вас как человека, хотелось бы как человека спасти Вас от тяготы в привольную жизнь; но нет на то силы человеческой, ибо так благоволил Бог.

---

¹ Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 914.

² Там же. — С. 916.

³ Готье Ю. В. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865—1881 // Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866—1895. Статьи, очерки, воспоминания. — М., 2001. — С. 531.

Его была святая воля, чтобы Вы для этой цели родились на свет и чтобы брат Ваш возлюбленный, отходя к Нему, указал Вам на земле своё место.

Народ верит в эту волю Божию, — и по Его велению возносит надежду свою на Вас и на крепкую власть, Богом вручённую Вам. Да благословит Вас Бог. Да ободрит Вас молитва народная, а вера народная да даст Вам силу и разум править крепкою рукою и твёрдой волей.

Вам достаётся Россия смятенная, расшатанная, сбитая с толку, жаждущая, чтобы её повели твёрдою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твёрдо, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никак. Все будут ждать в волнении, в чём Ваша воля обозначится. Многие захотят завладеть ею и направлять её.

Ваше величество, позвольте мне сказать Вам в нынешний день. Первые дни Вашего царствования будут особенно знаменательны и требуют особой обдуманности и осмотрительности.

Я не могу успокоиться от страшного потрясения. Не могу отогнать от себя гнетущей меня заботы о Вас и о Вашей безопасности. Простите, что в эти скорбные часы прихожу к Вам со своим словом: ради Бога, в эти первые дни царствования, которые будут иметь для Вас решительное значение, не упускайте ни одного случая заявлять свою личную решительную волю, прямо от Вас исходящую, чтобы все слышали и знали: «Я так хочу» или «Я не хочу этого»...

Смею думать, Ваше императорское величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени Вашего обратиться к народу с заявлением твёрдым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех благонамеренных прямых людей. Первый манифест был слишком краток и неопределён. Я попробую, если угодно будет, придумать соответствующую редакцию и представить на Ваше усмотрение.

Вместе с тем продолжаю думать, что Вашему величеству необходимо появиться в Петербурге. Постоянное, безвыездное пребывание Ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов самых невероятных, но тем не менее принимаемых на веру. Нынче из народа уже спрашивали, правда ли, что государя нет уже на свете и что это скрывают. Распространение, усиление таких слухов могут быть очень опасны в России, и люди злонамеренные, их ныне так много, пользуются ими, чтобы смущать народ. Много таких в России — все они ждут в волнении и страхе, в чём выскажется, куда направится настоящее правительство»¹.

С. Н. Валк предложил свою разгадку возвышения Победоносцева: «В тот момент, когда задача состояла в том, чтобы ниспровергнуть лорис-меликовские проекты, никто лучше Победоносцева не мог этому содействовать, и именно он оказался героем этого исторического момента. Но когда победившая реакция выставила свою программу и принялась с давно небывалым напором её осуществлять, то ко времени кульминационного момента успехов реакции, к

---

¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. — Минск, 2003. — Т. I. — С. 36—39.

1889—1890 гг., Победоносцев оказался оттеснённым на бюрократически-политической арене действий, уступив своё влияние другим лицам»¹.

Основным догматом К. П. Победоносцева было безусловное самодержавие царской власти, самодержавие, никем и ничем не ограничиваемое. Он верил, что малейшее ослабление самодержавия, в каком бы то ни было отношении, поведёт неизбежно к революции. Видя в дворянстве опору трона, К. П. Победоносцев в то же время опасался его силы, оппозиционных настроений, стремления к дворянской конституции. Поэтому в качестве противовеса он готов был поддерживать торгово-промышленную буржуазию, в то время ещё далекую от каких-либо притязаний на политическую власть².

М. Н. Катков, издатель газеты «Московские ведомости» (её постоянным читателем был Александр III), начинал путь в журналистике в качестве сторонника либеральных идей, но постепенно стал ярким апологетом самодержавия. По мнению В. Г. Чернухи, «Катков был скорее идеологом самодержавия в той его форме, какую оно приняло при Александре III», — «прямолинейным», «неуступчивым», «диктаторским»³.

Во многом под влиянием взглядов М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева сформировалась экономическая политика царствования Александра III и внешнеполитическая доктрина. В основе экономической политики Каткова—Победоносцева лежала мысль об укреплении самодержавной власти с помощью развития национальной промышленности. Экономическая политика предусматривала разные меры поощрения тех отраслей промышленности, в которых было заинтересовано правительство, протекционизм, сохранение бумажно-денежного обращения, строгий контроль со стороны государства над биржевыми операциями и частным предпринимательством, использование государственной монополии (винная, табачная) как средства налогообложения, экономическую поддержку помещичьего хозяйства (с помощью Дворянского и Крестьянского банков). Развитие национальной промышленности должно было сочетаться с укреплением общинного землевладения в деревне. Основу внешней политики составляли укрепление русского влияния в Азии и экспансия на окраинах империи, панславизм и поддержка освободительного движения славян, сближение с Францией⁴.

Партия контрреформ планомерно и весьма успешно вела наступление на деятелей 1860-х гг., оставшихся на министерских постах, заменяя их противниками либеральных реформ. В 1882 г. министр просвещения А. И. Николаи был заменён И. Д. Деляновым, в 1885 г. министра юстиции Д. Н. На-

---

¹ Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 918.

² См.: Там же. — С. 916.

³ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX века. — Л., 1989. — С. 152.

⁴ Ананьич Б. В., Чернуха В. Г. Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // Родина. — 1992. — № 2. — С. 31.

бокова сменил Н. А. Манассеин. К 1886 г. из деятелей 1860-х гг. на посту оставался лишь министр финансов Н. Х. Бунге. Б. В. Ананьич считал его положение «парадоксальным», поскольку Н. Х. Бунге разделял взгляды сторонников реформ 1860-х гг., но получил должность в связи с изданием манифеста 29 апреля 1881 г. и последовавшим за ним выходом в отставку либерального министра А. А. Абазы (помощником которого он был). В. Г. Чернуха отмечала, что «самый факт наличия в министерской среде 1880-х годов либерального деятеля эпохи реформ, настоящего «шестидесятника», человека, участвовавшего в разработке крестьянской и податной реформ, профессора политической экономии и полицейского права, участника многих либеральных акций предшествующего времени, характеризовал противоречивость ситуации»¹. Б. В. Ананьич и В. Г. Чернуха объясняли сохранение Н. Х. Бунге в министерском корпусе тем, что он «показал себя человеком, склонным к компромиссам»². В. Г. Чернуха, кроме того, видела причину в позиции Александра III, который «не боялся сохранять антиподов — Н. Х. Бунге и Д. А. Толстого — ибо был совершенно уверен в своём праве и назначать и отстранять министров, насколько не боясь, как его преемник, что кто-либо из бывших бюрократов может «заслонить» фигуру самодержца»³.

В 1881 г. Н. Х. Бунге поддержал программу Фадеева и Воронцова-Дашкова, а после её провала в 1882 г. сумел удержать портфель министра, приспособиться к национальной идее и провести экономические преобразования, намеченные им ещё в конце предыдущего царствования, в сентябре 1880 г. В его программу, направленную на экономическую модернизацию страны, входила разработка фабрично-заводского законодательства, пересмотр акционерного законодательства и создание условий для повсеместного учреждения акционерных коммерческих банков, реформирование налоговой системы на основе принципа всесословности, «отмена круговой поруки, пересмотр паспортной системы», «переход от общинного землевладения к подворному», изменения в системе государственного управления⁴ (созывы комиссий экспертов — зарождение центрального представительного учреждения и создание Кабинета министров).

Осенью 1885 г. К. П. Победоносцев и М. Н. Катков начали кампанию против Н. Х. Бунге, воспользовавшись ухудшением финансовой ситуации в стране вследствие неурожаев 1883 и 1885 гг. и неудачными попытками министра финансов избавиться от бюджетного дефицита⁵. 31 декабря 1886 г. последо-

¹ Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 142.

² Ананьич Б. В., Чернуха В. Г. Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // Родина. — 1992. — № 2. — С. 32.

³ Чернуха В. Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 599—613.

⁴ См.: Ананьич Б. В., Чернуха В. Г. Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // Родина. — 1992. — № 2. — С. 32.

⁵ См.: Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 352.

вала отставка Н. Х. Бунге и назначение его на пост председателя Комитета министров. Но и влияние К. П. Победоносцева со второй половины 1880-х гг. падает. По воспоминаниям С. Ю. Витте, имевшего разговор с Александром III в 1893 г., монарх ценит Победоносцева за то, что тот помог временно остановить смуту 1881 г., но уже давно перестал принимать во внимание его советы¹. Бюрократов, разрабатывавших политическую программу в начале царствования, сменяют реформаторы третьего поколения — И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте. Чередование специалистов (каким был профессиональный политэконом Н. Х. Бунге) и экономистов-прагматиков (как И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте) было отличительной чертой кадровой политики конца XIX в.²

«Программа реформ, подготовленная Н. Х. Бунге, пролегла своеобразным мостиком между взглядами реформаторов второго и третьего поколений, а сам он, учитывая известную эволюцию его взглядов, может быть отнесён и к тем, и к другим»³.

Начало третьего периода реформаторского процесса XIX в. ознаменовалось появлением двух проектов государственных преобразований — Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте.

Н. Х. Бунге изложил свои взгляды в виде политического завещания в так называемых «Загробных заметках». Скорее всего, именно неясность «магистрального направления» собственной политики для самого императора подтолкнула Н. Х. Бунге к разработке программной записки. Историю её создания реконструировал Л. Е. Шепелев⁴, благодаря ему же появилась публикация окончательного текста⁵. Л. Е. Шепелев установил, что министр начал работу над запиской в 1885 г., предполагая познакомить с ней Александра III. Однако затем Н. Х. Бунге, судя по всему, отказался от этой идеи, но работу над запиской продолжил, придав ей вид политического завещания, предназначенного для следующего монарха.

Записка начинается с анализа издержек царствований Николая I и Александра II, последствиями которых стали политические и экономические проблемы конца XIX в. Если заблуждением Николая I был отказ от реформ, то ошибкой Александра II стала незавершённость и непоследовательность преобразований.

В записке поднимаются проблемы внешней политики, экономического развития, укрепления внутреннего строя управления и национальный вопрос. Усовершенствования механизма государственного управления Н. Х. Бунге планировал достичь преобразованием Государственного совета. Сановник при-

¹ См.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. — М., 1960. — Т. 3. — С. 301.

² См.: *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 143.

³ *Ананьич Б. В., Чернуха В. Г.* Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // Родина. — 1992. — № 2. — С. 32.

⁴ См.: *Шепелев Л. Е.* «Загробные заметки» Н. Х. Бунге // Археографический ежегодник за 1969 год. — М., 1971. — С. 242—246.

⁵ См.: Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX в. // Документы и мемуары государственных деятелей. — СПб., 2007. — С. 216—283.

давал этому центральному органу важное значение в обсуждении законопроектов, для чего предлагал расширить состав учреждения, включив в него экспертов из представителей земства для обсуждения отдельных вопросов «по определённым специальным делам»¹.

Вопрос о разумном соотношении частного и государственного начал в экономике стал центральным в рассуждениях Бунге о развитии духовных и материальных сил народа. Он считал необходимыми усовершенствование системы народного образования, поднятие всенародного благосостояния и улучшение финансовой системы. Важнейшей из задач он видел распространение частной поземельной собственности между крестьянами, т. е. замену общинного землевладения частным, при ограждении мелкого землевладения от продажи за долги.

Для борьбы с социалистическими идеями Н. Х. Бунге предлагал улучшить материальное состояние всех слоёв населения, продолжить распространение частной собственности, и развитие кредитной системы².

Он объяснял националистический курс Александра III тенденциями общемирового развития. Н. Х. Бунге в своих заметках определил несколько задач царствования Александра III, одна из которых — «удовлетворить народному чувству, по которому Россия должна принадлежать русским»³. По мнению председателя Комитета министров, эта доктрина подразумевала следующие принципы:

«Во 1-х, государственная власть должна владычествовать над иноплемениками не как власть завоевателя... иноплеменники должны сделаться сынами, а не оставаться вечными приёмышами страны...

Во 2-х, государственные русские учреждения и законы не должны насильственно ломать во что бы то ни стало исторически сложившийся строй иноплеменников в ущерб их благосостоянию и без пользы для всего государства, но должны способствовать сближению инородцев и иноплеменников с коренным населением, упрочивать единство государственное, укреплять уважение к правительству и его авторитет...

В 3-х, государственный язык должен быть господствующим, но это господство должно быть последствием существующей в нём общей потребности...

В 4-х, господствующая Церковь должна быть ограждена и уважаема, не стесняя притом свободы совести иноверцев и даже сектантов...»⁴

Очевидно, по мнению Н. Х. Бунге, «национализм» царствования Александра III подразумевал интеграцию его подданных в единое целое на основе русификации населения. При этом император являлся наднациональным общеимперским главой.

---

¹ Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX в. // Документы и мемуары государственных деятелей. — СПб., 2007. — С. 258—259.

² См.: *Ананьич Б. В., Чернуха В. Г.* Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // Родина. — 1992. — № 2. — С. 33.

³ Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX в. // Документы и мемуары государственных деятелей. — СПб., 2007. — С. 216.

⁴ Там же. — С. 225—226.

С. Ю. Витте, несмотря на идеологическое противостояние с Н. Х. Бунге, «не только заимствовал многие из его идей, но и провёл их в жизнь. Программа капиталистической индустриализации совершенствовалась Витте на протяжении 90-х годов и к концу века приобрела законченный характер»¹. Но её реализация уже связана со следующим царствованием.

Продолжение реформ 1860—1870-х гг.

В 1915 г. в очередном выпуске «Тургеневского сборника», издававшегося тургеневским кружком при петроградских Высших женских курсах под руководством филолога и литературоведа Н. К. Пиксанова (1878—1969), была помещена «новооткрытая статья» И. С. Тургенева². В предисловии слушательницы Высших женских курсов и участницы тургеневского кружка С. П. Струмилиной-Петрашкевич говорилось о том, что эта статья была опубликована на французском языке без указания авторства в «La Revue des cours littéraires». Авторство было установлено С. П. Струмилиной-Петрашкевич. Текст статьи появился в связи с воцарением Александра III и выражал чаяния и надежды либерально настроенной части общества. Чёткость формулировок и их императивный характер сближают статью И. С. Тургенева с публикациями А. И. Герцена в «Колоколе» при воцарении Александра II, в которых настоятельно говорилось о необходимости отменить крепостное право, телесные наказания и цензуру. В 1881 г. перед императором Александром III стояли следующие задачи: уменьшение выкупных платежей, реформа налоговой системы, смягчение паспортного режима и основание земельных банков.

«Спрашивают с понятным беспокойством, какова будет его политика, как внутренняя, так и внешняя.

Что касается внутренней, уже поговаривали о конституции; надежды увеличиваются, баюкают; уверяют, что он всегда носил в себе призвание сделаться монархом согласно европейским идеям. Что касается внешней политики, предполагают, что он всё более и более будет удаляться от Германии и снова станет проводить политику панславизма.

Те, кто ожидают от нового царя парламентской конституции, скоро потеряют свои иллюзии, мы, по крайней мере, убеждены в этом. Его почти интимные сношения с ультранациональной партией, кажется, указывают, напротив, на известное недоверие по отношению к конституционалистам. Общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, предоставляемой монархам, были и останутся долго ещё чуждыми России. Императорская власть предпочтёт проводить важные реформы, жалуя их сверху путём указов, чтобы мало-помалу добиться заметного улучшения участи своих подданных, в особенности крестьян.

¹ *Ананьич Б. В., Чернуха В. Г.* Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // *Родина*. — 1992. — № 2. — С. 32.

² См.: Тургенев об императоре Александре III // *Тургеневский сборник*. Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова. — Пг., 1915. — С. 12—20.

Эти реформы, впрочем, уже намечены, вполне подготовлены и давно уже стоят на очереди. Александр II был уже готов сам провести их, когда революционное движение, обострившись, остановило его проекты и отсрочило на неопределённое время его либеральные намерения.

Вот каковы эти меры:

1) Значительное уменьшение крестьянских выкупных платежей.

Известно, что этот выкуп в условиях, в которых он производится, грозит крестьянам неизбежным разорением.

2) Коренное изменение системы налогов.

3) Уничтожение подушной подати.

4) Облегчение переселений из одной губернии в другую.

Эта мера может дать земледелию в России значительный простор. Действительно, некоторые губернии, где население густо, остаются непроизводительными по причине бесплодности почвы. В других же местах, наоборот, земля плодородна, но недостаёт рабочих, и чрезвычайные трудности, с которыми сопряжено переселение, угрожают удержать надолго такой порядок вещей.

5) Большие облегчения в отношении паспортов.

Эта мера относится к той же области реформ, что и предыдущая. Крестьянин не может переместиться, пойти работать в соседний район без того, чтобы его не остановили формальности паспортной системы, сложные и дорогостоящие.

6) Основание земельных банков.

Это последнее учреждение должно избавить деревню от хищнического бича, от мелких ростовщиков, которые поедают крестьянина и разоряют деревню, как туча саранчи.

Совокупность этих реформ принесёт, несомненно, значительное облегчение земледельцу. Они неотложны, абсолютно неотложны, и возможно, что они будут приведены в исполнение ранее конца этого года.

Возможно также, что щепетильная честность нового императора побудит его вслед за тем произвести и значительные финансовые реформы. Без сомнения, они распространятся также на военный бюджет; они же остановят скандальное расхищение удельных земель, которое производится посредством фиктивных продаж и тысячью других мошеннических приёмов.

Сверх того, Александр III примет, конечно, меры к поднятию положения духовенства, дав в то же время большую свободу староверам, которые, как это известно, очень многочисленны.

Что же касается, собственно, конституции, было бы довольно удивительно, если бы он согласился на неё. Все его уступки в этом направлении ограничатся, без сомнения, предоставлением большей свободы местному управлению; а именно он согласится сделать страну в лице земств весьма ограниченной участницей в заведывании местными нуждами.

Во всех этих случаях нельзя думать, что он согласится на большее, чем простой созыв депутатов с совещательным голосом по определённому вопросу, единственному предмету их собрания. Собрание такого рода было создано по вопросу об освобождении крестьян. Нечто подобное может быть создано и

для нового распределения налогов, и по другим финансовым вопросам, с ним связанным. Но царь-самодержец не сочтёт себя связанным ни в чём советами выборных страны, он сохранит за собой во всей неприкосновенности свободу действий.

Что же касается других вопросов, а именно: свободы печати, завершения судебной реформы, народного образования, упразднения административной ссылки, уничтожения бесславного института полевых жандармов и т. д., то трудно предположить, чтобы он отклонился от системы либеральных повелений, исходящих с высоты трона. Он сможет даровать широкие милости, но никогда не признает за народом права на них. Нельзя даже предположить, чтобы по этим вопросам могли быть созданы какие-либо собрания для обсуждения и совета»¹.

Созыв депутатов с совещательным голосом по определённому вопросу

В феврале 1874 г. Комитет министров принял Положение, согласно которому в российский законодательный процесс вводился новый элемент — «законосовещательные коллегии»² — комиссии экспертов («сведущих людей»), которые могли учреждаться при Госсовете для рассмотрения отдельных особо важных вопросов. Существенным отличием этих совещаний от других комиссий, в которые также приглашались «сведущие люди», являлась их работа при высшем законосовещательном учреждении, тогда как сельскохозяйственные, паспортные, железнодорожные и другие комиссии учреждались при Комитете министров, т. е. носили административный характер.

Практически это Положение впервые было реализовано в 1875 г. созданием Комиссии по обсуждению проекта правил о найме рабочих и прислуги под председательством П. А. Валуева. Необычность Комиссии состояла в том, что после обсуждения законопроекта был передан в Госсовет, некоторые эксперты приглашались затем на его заседания. Часть либерально настроенного общества видела в этой Комиссии прообраз парламента, попытки введения которого в российскую систему государственного управления неоднократно предпринимались в царствование Александра II. Лица, не разделявшие подобную точку зрения, указывали на ограниченность таких комиссий: во-первых, они создавались эпизодически по решению центральной администрации, во-вторых, не являлись широким представительством и, в-третьих, рассматривали лишь отдельные вопросы государственной жизни (которые им позволяла обсуждать верховная власть).

Предложение о создании двух депутатских комиссий в получившей широкую известность конституции Лорис-Меликова являлось, по сути, развитием на практике Положения Комитета министров 1874 г.

¹ Тургенев об императоре Александре III // Тургеневский сборник. Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова. — Пг., 1915. — С. 15—17.

² Подробнее о предыстории этого Положения см.: Чернуха В. Г. Проблема политической реформы в правительственных кругах России в начале 70-х годов XIX в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. — Л., 1972. — С. 138—190.

Следующие комиссии экспертов созывались уже в начале царствования Александра III — для решения вопросов о понижении выкупных платежей, «питейного» вопроса и переселенческого. А. А. Корнилов, разбирая манифест 29 апреля 1881 г., отметил, что «наряду с фразой о неограниченном самодержавии было определённо выражено полное уважение великим реформам минувшего царствования и сказано было, что эти реформы не только будут укрепляемы и поддерживаемы, но и развиваемы дальше. Следовательно, в общем манифест этот опять-таки не означал ещё безусловно реакционного направления. И это ещё ярче было подчёркнуто циркуляром нового министра внутренних дел в самый день его назначения — 6 мая 1881 г. Здесь Игнатъев указывал, что правительство примет меры к установлению живого общения правительства со страной, живого участия местных деятелей в государственных делах в исполнение высочайших предначертаний. Это опять-таки знаменовало намерение найти известную, правда, очень скромную форму участия представителей общества в центральной государственной деятельности, т. е. приблизительно то же самое, что хотел в этом отношении сделать и Лорис-Меликов...

Мы действительно видим, что очень скоро, именно через месяц после издания этого циркуляра, граф Игнатъев как будто и начал осуществлять обещанное им живое участие представителей местного общества в правительственных делах, потому что в июне 1881 г. была уже созвана первая сессия так названных тогда сведущих людей с мест, причём хотя эти сведущие люди и не были избраны земствами, а приглашены самим правительством, но надо сказать, что они были избраны им из среды прогрессивных элементов земства, и многие выдающиеся земцы, вроде кн. Васильчикова, Коллюпанова и других, были приглашены в состав этой сессии»¹.

Первая сессия комиссии экспертов была созвана для решения вопроса о понижении выкупных платежей. Ещё в октябре 1880 г. новый министр финансов А. А. Абаза внёс в Главный комитет об устройстве сельского состояния предложение о понижении выкупных платежей так, чтобы привести их в соответствие с ценностью выкупаемой земли. Эта мера, по мысли А. А. Абазы, могла стать первым шагом к преобразованию системы прямых налогов. Однако стоимость земли оказалась намного ниже выплачиваемой крестьянами суммы выкупных платежей (всего 41,5%). Для того чтобы уравнивать в платежах всех крестьян — и тех, кто уже выплачивал выкуп, и временно-обязанных, министр финансов предложил в 23 губерниях (где предполагалось понизить выкупные платежи) установить не позднее 1 января 1883 г. обязательный выкуп.

30 марта 1881 г. проект А. А. Абазы был внесён на рассмотрение в Государственный совет, где одобрение получило лишь предложение об обязательном выкупе к 1 января 1883 г. Понижение платежей предусматривалось производить в губерниях по особым представлениям. Обсуждение вопроса не вызвало значительных разногласий, и мнение Госсовета от 27 апреля 1881 г.

---

¹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. — М., 2004. — С. 735.

было представлено на утверждение Александру III. 20 мая император утвердил переход на обязательный выкуп, но повелел ещё раз обсудить вопрос о понижении выкупных платежей на совещании трёх министров с участием экспертов¹.

Министр внутренних дел Н. П. Игнатьев представил императору список из 13 экспертов и 22 мая 1881 г. опубликовал его в «Правительственном вестнике», назвав их «сведущими людьми»². Этот путь несколько месяцев назад не удалось пройти М. Т. Лорис-Меликову: Александр II, одобрив его проект, не успел подписать 1 марта 1881 г. правительственное сообщение о созыве в Петербурге временных подготовительных комиссий. Возникает вопрос: почему Александр III, отказавшись одобрить проект М. Т. Лорис-Меликова, пошёл на созыв комиссии экспертов? Очевидно, молодой император подошёл к этому вопросу не с политической, а с практической позиции. Понижение суммы выкупных платежей могло вызвать недовольство помещиков, о чём в ходе обсуждения вопроса в Госсовете предупредил А. Е. Тимашев (министр внутренних дел в 1868—1878 гг.).

Скорее всего, император полагал, что «сведущие люди» должны быть осведомлены о ситуации на местах, так что их приглашение было обусловлено практическими соображениями. К тому же приглашение небольшого числа экспертов не грозило вылиться в широкое народное представительство. Секретарь Госсовета Е. А. Перетц именно так объяснял это решение: «Предложения Лориса о созыве представителей земства и городов, как кажется, канули в воду. Комиссия, которая должна была обсуждать их, даже не собиралась.

Но если не осуществляют этих предположений, придавая им, к сожалению, значение политическое, то делают, по крайней мере, всё возможное, чтобы проекты законов соображаемы были с практической стороны. К пересмотру правил о понижении выкупных платежей приглашены были 12 экспертов из наиболее известных и сведущих практических деятелей разных оттенков и из разных частей государства»³.

О неуверенности Александра III свидетельствует и запись разговора, сделанная секретарём Е. А. Перетцем после того, как 20 мая император принял решение о приглашении экспертов.

«— Этот вопрос меня интересует чрезвычайно, — сказал государь. — Я сам хотел спросить вас, не следует ли обнародовать что-либо по настоящему делу? О нём так много говорили и писали в газетах, даже о том, что оно прошло в Государственном совете, что едва ли возможно не сказать теперь ни слова.

— Ваше императорское величество, совещанием нашим было обращено на эту сторону дела особое внимание. После некоторых суждений, довольно

---

¹ См.: Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. XIX в. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 929.

² Там же. — С. 934—935.

³ Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). — М.; Л., 1927. — С. 97.

продолжительных, мы пришли к единогласному заключению, что ничего не говорить нельзя, по тем самым причинам, на которые Ваше Величество изволили указывать. Затем, с другой стороны, о последовавшем уже высочайшем утверждении обязательного выкупа и главных оснований понижения выкупных платежей объявлять было бы опасно, так как простой народ мог бы понять это в том смысле, что обе эти благодетельные для него меры, государем подписанные, не приводятся в исполнение вследствие происков помещиков и злоупотреблений со стороны чиновников. При нынешних трудных обстоятельствах и в виду превратных толков, распространяемых социалистами при всяком сколько-нибудь удобном к тому случае, подобное оглашение могло бы подать повод к серьёзным волнениям между крестьянами.

— Справедливо, — сказал государь.

— Вследствие всего этого мы признавали бы с своей стороны полезным огласить в «Правительственном вестнике», так сказать, только причину замедления в разрешении настоящего дела... Мы полагали бы сказать, что по внесённым в Государственный совет предположениям о понижении выкупных платежей в некоторых местностях Ваше Величество, в видах более подробного и всестороннего сообщения этого вопроса, изволили повелеть: сообразить его вновь в особом совещании из министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, при участии экспертов...»¹.

Комиссию по вопросу о понижении выкупных платежей составили (как и Валуевскую комиссию 1875 г.) предводители дворянства и председатели земских управ (их выбор зависел от министра внутренних дел). Предполагалось, что избрание на должность давало этим лицам возможность представлять интересы общества. Помимо экспертов, в комиссию вошли также министры внутренних дел, финансов и государственных имуществ.

Сессия «сведущих людей» продолжалась в течение июня 1881 г. Они пришли к выводу о необходимости распространить понижение выкупных платежей на всю Российскую империю (за исключением западных окраин, где обязательный выкуп был проведён в 1863 г.). Разногласия вызвал способ и принципы понижения выкупа. Часть экспертов полагали, что сумма платежей отражает не стоимость выкупаемого надела, а «податные силы крестьян», определяемые степенью их благосостояния. Меньшинство комиссии настаивало на зависимости выкупных платежей от стоимости земли. Особое совещание трёх министров поддержало точку зрения большинства. Заключение Особого совещания рассматривалось в октябре 1881 г. в соединённом присутствии Главного комитета об устройстве сельского состояния и Департаментов законов и государственной экономии Госсовета. Большинство членов Госсовета поддержало заключение министров, и 28 декабря 1881 г. Александр III утвердил мнение большинства². Таким образом, мнение Госсовета получило силу закона о переводе крестьян на обязательный выкуп и было обнародовано.

¹ Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). — М.; Л., 1927. — С. 78—79.

² См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 419—423.

«На обязательный выкуп к 1 января 1883 г. должно было перейти около полутора миллиона крестьян, 15% всего количества бывших помещичьих крестьян. Выкупные платежи были понижены на 1 рубль с душевого надела... Общая сумма понижения платежей составила 12 млн р. Часть этой суммы шла на общее понижение платежей по только что указанным нормам, остальная часть — на дополнительное в особо расстроенных хозяйствах. С финансовой точки зрения вся эта операция не могла представить трудностей для государства: государство получило за 1862—1880 гг. по выкупной операции чистого дохода 84 млн руб.»¹.

Первый созыв «сведущих людей» был произведён без особой огласки, и когда один из экспертов — Н. Колопанов — поместил о них статью в «Русской мысли», то вопрос о допустимости его поведения стал предметом переписки в Министерстве внутренних дел. Н. П. Игнатьев счёл работу комиссии экспертов весьма успешной и решил продолжить эту практику, пригласив большее число «сведущих людей» для обсуждения питейного и переселенческого вопросов².

Открытие второй сессии 24 сентября 1881 г. происходило в торжественной обстановке и стало достоянием прессы. Состав комиссии был расширен — призвано 32 эксперта. Министр внутренних дел произнёс торжественную речь, опубликованную в «Правительственном вестнике». Н. П. Игнатьев назвал экспертов не просто «сведущими людьми», а «земскими сведущими людьми», подчеркнув их представительский статус. Он заявил, что местные деятели призваны решать самые жизненные вопросы. МВД регулярно информировало прессу о ходе сессии. Однако решения второй сессии не получили силу законов.

Идею представительных совещаний продолжила Кахановская комиссия. Ещё в 1880 г. М. Т. Лорис-Меликов направил сенаторов ревизовать различные регионы страны, чтобы затем на основании собранных сведений приступить к их обсуждению с участием приглашённых экспертов и разработке реформ. Сенаторские ревизии состоялись, был собран обширный материал. 4 сентября 1881 г. Н. П. Игнатьев предложил образовать особую комиссию под председательством М. С. Каханова, ближайшего сотрудника М. Т. Лорис-Меликова. Кахановская комиссия, начав работу в ноябре 1881 г., должна была выработать проект преобразования местного управления. Работу над проектом комиссия завершила к 1884 г., подготовив «Положения об устройстве местного управления», которые были переданы в Особую комиссию. С. Н. Валк оценивал этот проект как «шаг вперёд к буржуазному преобразованию земских учреждений». Комиссия предлагала понизить размер существовавшего тогда ценза и заменить его основу — владение землёй более

---

¹ Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 929—930.

² См.: Там же. — С. 935.

широким принципом — владением любой недвижимостью, что давало избирательные права также буржуазии, владельцам промышленных предприятий и других хозяйственных заведений¹. Кроме того, Кахановская комиссия разработала проект образования всесословной волости, создание которой обсуждалось ещё в 1870-х гг.² Особая комиссия отвергла проекты кахановской комиссии, предложив вместо всесословной волости создание участковой власти дворян над крестьянским самоуправлением. Эти предложения нашли своё развитие в создании института земских начальников. 11 апреля 1885 г. кахановская комиссия была закрыта, её материалы переданы в Министерство внутренних дел³. Один из экспертов Особой комиссии, А. Д. Пазухин, правитель канцелярии предводителя Алатырского уезда Симбирской губернии, в 1885 г. опубликовал сочинение «Современное состояние России и сословный вопрос», в котором отстаивал идею сословности и дворянских привилегий. Это сочинение привлекло внимание нового министра внутренних дел, гр. Д. А. Толстого, поскольку изложенные в нём взгляды совпадали с его собственными. А. Д. Пазухин получил приглашение на должность правителя канцелярии министра внутренних дел и занялся подготовкой контрреформы местного управления — созданием института земских начальников.

Также в задачи кахановской комиссии входило составление повестки дня Земского собора, созыв которого планировался Н. П. Игнатьевым на 6 мая 1882 г., к двухсотлетию со дня открытия первого Земского собора.

С этой идеей министр внутренних дел выступил в апреле 1882 г. Всего планировалось созвать от 3 до 4 тыс. человек: депутатов от российских сословий — дворянства, духовенства, купечества, крестьянства и ремесленников; представителей национальных окраин. Акцент предполагалось сделать на проблемах местного самоуправления. Земскому собору предстояло избрать экспертную комиссию из 30—40 человек, которая продолжила бы работу при Госсовете, занимаясь по указанию императора обсуждением отдельных государственных вопросов. Решения комиссии затем поступали бы в Государственный совет. Проект Н. П. Игнатьева в общих чертах развивал идеи конституции Лорис-Меликова, но с оттенком российской самобытности.

Несмотря на то что Н. П. Игнатьев подготовил манифест о созыве собора, он не смог довести проект до обсуждения. Эту идею не поддержало окружение Александра III (в первую очередь К. П. Победоносцев, М. Н. Катков), дис-

---

¹ См.: *Валк С. Н.* Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 942—943.

² Подробнее о попытках создания всесословной волости в 1870-х гг. см.: *Барыкина И. Е.* Александр II. Пропущенный поворот. — М., 2017.

³ См.: *Валк С. Н.* Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 943.

кредитировав её перед императором¹. Император осознал, что планы министра внутренних дел простираются гораздо дальше практического решения узких проблем комиссиями представителей. В мае 1882 г. Н. П. Игнатьев был отправлен в отставку, пост министра внутренних дел занял гр. Д. А. Толстой, известный своими консервативными взглядами, и попытки созыва комиссий экспертов при Госсовете больше не предпринимались.

Современники по-разному оценивали опыт созыва «сведущих людей» в начале 1880-х гг. П. А. Валуев, впервые осуществивший эту попытку в 1875 г. и в то время считавший её реализацией своего проекта реформы Госсовета на представительных началах, 27 сентября 1881 г. с горечью записал в дневнике: «Игра в правительство — в полном разгаре. Теперь здесь новый комплект экспертов по вопросам питейному и переселенческому»².

Н. Х. Бунге в «Загробных заметках» писал, что комиссии экспертов потерпели неудачу, поскольку порядок их работы и внесения предложенных ими проектов в Государственный совет не получил законодательного оформления. И всё же он включил в своём политическом завещании комиссии экспертов в систему управления, назвав их в числе высших государственных учреждений³.

А. А. Корнилов, напротив, придавал этим комиссиям большое значение: «были предложены на обсуждение не какие-нибудь пустые вопросы, а вопросы, которые действительно ставились тогдашнюю жизнью на очередь и имели весьма серьёзное значение для широких народных масс. Так, первой сессии «сведущих людей» был предложен вопрос о понижении выкупных платежей; второй сессии был предложен вопрос об урегулировании переселений, которые являлись одним из главных паллиативных средств для поправления положения крестьян в малоземельных местностях, и, кроме того, питейный вопрос, который являлся также очень важным, так как, с одной стороны, представлялся вопросом о сокращении пьянства, а с другой стороны, это был существенный вопрос государственного бюджета, так как от питейного дела казна получала огромную часть своих доходов»⁴.

Переселенческий вопрос

К решению переселенческого вопроса власть приступила ещё до созыва второй сессии экспертов. Самодержавие было вынуждено выработать политику в этой сфере ещё в царствование Александра II, когда в 1867—1868 гг. неурожай и голод привели к стихийным переселениям, а в 1870 г. истёк 9-летний запрет на отказ от надела. Рассмотрением этого вопроса и обсуждением законодательных мер его решения занималась Переселенческая комиссия

---

¹ См.: *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. — Л., 1978. — С. 132; *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* — М., 2006. — С. 343—344.

² *Валуев П. А.* Дневник. 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 174.

³ См.: *Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX в.* // *Документы и мемуары государственных деятелей.* — СПб., 2007. — С. 257.

⁴ *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. — М., 2004. — С. 735.

Дондукова-Корсакова (24 июля 1868 г. — 23 января 1869 г.). Однако она не разработала закон о переселениях, ограничившись рекомендациями упорядочить уже существующие правила¹. Власть не решалась пойти на переселения крестьян на свободные казённые земли, чтобы не пробуждать в них надежды на «даровые наделы». К тому же переселениям препятствовало существующее паспортное законодательство, жёстко ограничивавшее свободу передвижения.

Лишь настроения крестьян, которые приняли «опасный характер» при смене царствований в 1881 г., проявившиеся в ожиданиях передела земли и передачи её крестьянам, подтолкнули правительство к завершению намеченных, но несостоявшихся реформ 1860—1870-х гг. С. Н. Валк, анализируя статистику крестьянских выступлений, отмечал, что «в первые дни марта особенно силён был слух, что царь убит помещиками, стремящимися к восстановлению крепостного права... В мае настроения крестьян приобрели другой, не менее опасный характер. В Черниговской, Пензенской, Воронежской, Полтавской, Нижегородской губерниях стали распространяться слухи, что земля от дворян будет отнята и будет передана крестьянам; в Васильсурском уезде (Нижегородской губ.) манифест 29 апреля был принят за манифест о переделе земли; в Астраханской губ. в ожидании передела земли крестьяне прекратили полевые работы... Однако правительство вынуждено было действовать в этот момент по отношению к крестьянству не только в форме скрытой или открытой репрессии. Оно вынуждено было также создавать видимость того, что им принимаются меры для облегчения тягостного положения крестьян.

Ранее всего был втайне решён, и решён крайне боязливо, вопрос о крестьянском переселенческом движении»².

За разрешение переселений и разработку специального закона выступил Н. Х. Бунге, в 1880 г. занявший пост товарища министра финансов. Неурожай 1880 г. привёл к законодательному оформлению этой меры и появлению закона 10 июля 1881 г. Он носил чрезвычайный характер и действовал в качестве временных и секретных правил.

Переселения разрешались лишь в особых случаях — документально засвидетельствована неплатёжеспособность землевладельцев — с разрешения министров внутренних дел и государственных имуществ. Министерство государственных имуществ составило перечень земель, на которых отводились участки: южные, поволжские и южно-уральские губернии. Участок предоставлялся лишь в пользование, не должен был превышать размер местного надела (8 тыс. десятин), крестьяне обязаны были нести повинности в размере обычной оброчной платы с казённого участка. Для помощи переселенцам на бере-

---

¹ Подробнее о переселенческом вопросе в политике Александра II см.: *Барыкина И. Е.* Александр II. Пропущенный поворот. — М., 2017.

² *Валк С. Н.* Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // *История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894)*. Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 926—927.

гу Волги была создана «опытная» переселенческая контора, где можно было получить информационную и медицинскую помощь¹.

Временные правила 10 июля 1881 г. были опубликованы лишь 13 июля 1889 г., когда вошли в Полное собрание законов. В 1889 г. территория возможных переселений была расширена за счёт Сибири, где землепользование было постоянным.

Переселенческий вопрос приобрёл особую остроту в начале 1890-х гг. в связи с неурожаем и голодом 1891—1892 гг., под влиянием которого началось стихийное переселенческое движение крестьян из центральных губерний за Урал.

С последствиями этого явления столкнулся уже следующий самодержец, Николай II, которому пришлось спешно предпринимать новые шаги в этом направлении. В 1890-х гг. были предприняты паллиативные меры, не приведшие к коренному изменению переселенческой политики. Поворот в этом направлении произошёл лишь под воздействием революции 1905 г. в ходе столыпинских реформ.

Налоговая реформа

Ещё М. М. Сперанский и К. Д. Киселёв — реформаторы первого поколения — говорили о необходимости отмены подушной подати и введения иной, более современной системы налогообложения. В 1859 г. в ходе работы Редакционных комиссий этот вопрос вновь поднял Н. Х. Бунге, предложив заменить подушную подать налогом на недвижимость или промыслы. В европейских государствах в это время уже существовало всеобщее налогообложение, перейти к которому самодержавию мешала позиция дворянства, отстаивавшего свою привилегию неподатного сословия. На необходимость решения этой проблемы власти постоянно указывали финансовые кризисы, о чём свидетельствует работа многочисленных податных комиссий в 1860 — 1870-х гг.² Последняя Податная комиссия в годы царствования Александра II, действовавшая с августа 1871 г. по апрель 1872 г., отказалась от кардинального преобразования системы налогообложения в Российской империи, предложив взамен паллиативные меры³. В сентябре 1880 г. Н. Х. Бунге во всеподданнейшей записке Александру II в качестве первоочередной меры по преодолению дефицита бюджета назвал реформу налоговой системы и перечислил шаги по её проведению: отмена соляного налога и понижение выкупных платежей.

Из спектра проблем, связанных с реформой налогообложения, власть выделила вопрос о подушной подати. В 1876 г. по предложению министра финансов М. Х. Рейтерна для его рассмотрения была создана особая комиссия

¹ См.: Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 153—155.

² Подробнее о попытках проведения налоговой реформы в 1860—1870-х гг. см.: Барыкина И. Е. Александр II. Пропущенный поворот. — М., 2017.

³ См.: Чернуха В. Г. Всеподданнейший доклад П.А. Валуева как источник по истории податной реформы 1872 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1969. — Т. 2. — С. 262—269.

под председательством вел. кн. Константина Николаевича, однако её работе помешала русско-турецкая война 1877—1878 гг. Бюджетный дефицит, усилившийся вследствие войны, заставил правительственные круги вернуться к этой проблеме после подписания мира. В 1879 г. последовало учреждение межведомственной комиссии под председательством нового министра финансов С. А. Грейга. Комиссия эта пришла к заключению о необходимости замены подушной подати тремя налогами: 1) подоходным в размере 3% с чистого дохода; 2) усадебным; 3) личным, взимаемым по 1 р. со всех лиц мужского пола от 18 до 55 лет.

Отмена подушной подати являлась частью экономической программы М. Т. Лорис-Меликова. Борьбу за проведение этой меры продолжил Н. Х. Бунге. 29 марта 1882 г. вопрос «О замене подушной подати другими налогами» был внесён министром финансов в Государственный совет. Н. Х. Бунге полагал, что отмена подушной подати будет происходить постепенно в течение 8 лет, начиная с 1883 г. По его расчётам введение различных видов налогов на доходы даст казне 70 млн р. и восполнит отмену подушной подати¹.

Несмотря на сопротивление К. П. Победоносцева, Н. Х. Бунге удалось провести этот проект через Государственный совет, большинство членов которого поддержало министра финансов. 18 мая 1882 г. Александр III утвердил мнение большинства. Отмена подушной подати заняла меньше 8 лет, уже в 1885 г. Н. Х. Бунге внёс в Госсовет проект окончательной отмены подушной подати на всей территории империи, исключая Сибирь, так что реформа завершилась в 1886 г.² Это был важный шаг на пути замены сословного налогообложения налогами по имущественному признаку. Отмена подушной подати компенсировалась введением налогов на доходы: дополнительных сборов к промысловому налогу («3% -ный — с доходов обязанных публичной ответственностью акционерных предприятий и раскладочный — с предприятий гильдейских»), 5% -ного — сбора с доходов от денежных капиталов. 12 июня 1886 г. был утверждён закон о переводе государственных крестьян с оброка на выкуп, что открывало для них перспективу превращения в полных земельных собственников³.

Создание поземельного кредита

В ходе обсуждения вопроса о понижении выкупных платежей весной 1881 г. выяснилось, что для улучшения положения крестьян недостаточно перевести их на обязательный выкуп и понизить его сумму, нужно принять и другие меры — организовать кредит для покупки земли малоземельными, облегчить

---

¹ См.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 429.

² См.: *Валк С. Н.* Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // *История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894)*. Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 933.

³ См.: *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России*. — М., 2006. — С. 351.

переселения, отменить круговую поруку и т. п.¹ В связи с этим «20 мая 1881 г. Александр III поставил вопрос о создании условий для получения крестьянами кредитов для покупки земли, а к середине декабря был подготовлен проект положения о Крестьянском поземельном банке»².

Вопрос о создании подобного банка был продиктован малоземельем крестьян и обсуждался многими земствами с середины 1870-х гг. Тверское и Таврическое земства организовали выдачу ссуд крестьянам на приобретение земли. Одним из мотивов этого шага стало разорение помещиков и их желание продать свои имения. В качестве покупателей, способных предложить самую высокую цену, они видели крестьян³ (это явление нашло отражение в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад», где покупателем имения выступает купец Лопахин, предки которого когда-то были крепостными).

Создание поземельного кредита являлось одним из пунктов экономической программы Н. Х. Бунге. Таким образом он намеревался способствовать распространению частной поземельной собственности между крестьянами. Министр финансов вместе с министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым и министром государственных имуществ М. Н. Островским приняли непосредственное участие в разработке проекта создания Крестьянского поземельного банка, внесённого в декабре 1881 г. на обсуждение в Госсовет. Идея Н. Х. Бунге о развитии частного крестьянского землевладения нашла выражение в проекте — размеры ссуд для единоличных приобретателей были благоприятнее, чем для общин.

Вместе с тем проект не предполагал выдачи ссуд зажиточным крестьянам и ограничивал количество приобретаемой земли. Планировалось выдавать ссуды лишь в размере, достаточном для приобретения земли в таком количестве, чтобы во владении крестьянина оказалось земли не более высшего надела или полного подворного участка. Целью Крестьянского банка провозглашалось предоставление кредита малоземельным и безземельным крестьянам на приобретение земельного участка, достаточного для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей перед правительством. Ссуда выдавалась в размере 80% от стоимости участка, банк был создан при Главном выкупном учреждении⁴.

Кредит выдавался на 24,5 или на 34,5 года. За просрочку платежа был установлен высокий штраф — 12% годовых⁵.

---

¹ См.: Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 930.

² Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 343.

³ См.: Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 930.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 426.

Под воздействием критических отзывов в проект были внесены изменения. Редактированию подверглась цель создания банка — главным образом для укрепления в крестьянах «уважения к праву частной собственности развитием сознания, что земля может быть ими приобретена покупкою по добровольной цене от землевладельцев, а не получением в дополнительный надел по распоряжению от правительства»¹. Были изъяты намёки на связь банка с выкупными операциями: ссуда уменьшалась до 75% (чтобы не совпадать с размером выкупной ссуды), банк ставился вне связи с выкупным учреждением. Исчезло ограничение категорий ссужаемых крестьян.

Проект обсуждался в течение февраля — марта 1882 г. в заседаниях Соединённых департаментов Госсовета (законов и государственной экономии) совместно с Главным комитетом об устройстве сельского состояния, а затем в апреле в общем собрании Госсовета. Против выступили К. П. Победоносцев и Д. А. Толстой. Однако противники Крестьянского поземельного банка оказались в меньшинстве. 18 мая 1882 г. Александр III утвердил мнение большинства².

Б. В. Ананьич считал учреждение Крестьянского поземельного банка первым проявлением непосредственного участия правительства в делах промышленности, наряду с учреждением государственного Дворянского земельного банка (в 1885 г.), выкупом в казну 7 тыс. вёрст железных дорог, принадлежавших частным обществам³. С. Н. Валк оценивал деятельность Крестьянского банка как «ничтожную». Размеры операций банка ограничивались 5 млн р. в год. За 10 лет деятельности банка площадь крестьянского землевладения увеличилась всего лишь на 1,2%. Кредитная политика Крестьянского банка шла на пользу зажиточному крестьянству, условия ссуд для неимущих крестьян были тяжёлыми. Покупная цена земли через банк была выше общей, постепенно возрастали доли крестьянских доплат⁴. Таким образом, эта мера способствовала улучшению благосостояния небольшой части крестьян, а не созданию широкого слоя земельных собственников.

Паспортная реформа

Безуспешные попытки изменить паспортное законодательство, ограничивавшее свободу передвижения всего населения Российской империи, неодно-

---

¹ Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 931.

² См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964. — С. 427—428.

³ См.: Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 353.

⁴ См.: Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 932.

кратно предпринимались в царствование Александра II чередой паспортных комиссий¹. Эту проблему унаследовал и Александр III.

В. Г. Чернуха в монографии о паспортном законодательстве отмечала, что действия правительства в этой области в конце XIX — начале XX в. отражают противоречивость и двойственность всей внутренней политики царствования Александра III. «С одной стороны, демонстрируется готовность отстаивать полноту власти во всех областях, принимая самые жёсткие меры. С другой стороны, осуществляется ряд половинчатых разрешительных мер, поставленных на повестке дня ещё в период либеральных преобразований и в ряде случаев являющихся продолжением прежних замыслов»².

В начале царствования Александра III оказалась наиболее востребованной полицейская функция паспорта — он являлся «важным подспорьем в поиске укрывшихся народовольцев». В 1881 г. вступило в действие высочайшее повеление о массовой проверке личности с помощью паспортных документов. «Известно, что на рабочих окраинах Петербурга полиция задерживала людей на улице буквально толпами и проверяла их паспорта»³.

В то же время на повестке дня стоял вопрос о пересмотре паспортного законодательства в сторону его облегчения. Он возник попутно, в связи с словной политикой — переменами в статусе сословий. Александр III, в отличие от отца, отбросил прежнюю подозрительность в отношении дворянства, выступавшего в 1860—1870-е гг. оппонентом правительственных реформ. «Другим пользующимся сочувственным вниманием Александра III сословием было крестьянство. В нём император видел массовую опору единовластия, сословие, не претендующее на влияние, готовое повиноваться и нести податные обязательства»⁴. Следуя этому принципу, в первые годы царствования император поддержал инициативы Н. Х. Бунге в этом направлении.

Министр финансов в своей программе исходил из связи финансового положения страны и её экономического развития, основу которого в 1880-х гг. составляло сельское хозяйство. «Поэтому подход к паспортному законодательству практически лежал в сфере крестьянской политики правительства»⁵. С самого начала подразумевалось, что подушная подать, круговая порука и паспортная реформа являют собою единое целое и реформирование одной проблемы тут же повлечёт и постановку вопроса о другой. Н. Х. Бунге постоянно говорил об отмене подушной подати в одной связке с реформой паспортной системы, поэтому уже в 1883 г. в решении Госсовета по вопросу о преобразовании подушной подати было дано поручение министру внутренних дел представить в Госсовет соображение о тех изменениях, которые могут быть сделаны в действующих правилах о паспортах⁶.

¹ Подробнее см.: *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 117—137.

² Там же. — С. 149.

³ Там же. — С. 143.

⁴ Там же. — С. 151—152.

⁵ Там же. — С. 149.

⁶ См.: Там же. — С. 157—158.

Однако министр внутренних дел Д. А. Толстой, не заинтересованный в облегчении паспортного законодательства, медлил с исполнением этого поручения. Спустя два года, в мае 1885 г., при рассмотрении вопроса о распространении отмены подушной подати на категории крестьянства, когда-то её платившие, Н. Х. Бунге добился повторения решения Госсвета, но уже с возложением его исполнения на министра финансов. На его основании он обратился в МВД, предложив пересмотреть устав о паспортах и беглых.

В итоге была открыта первая Паспортная комиссия в годы царствования Александра III. Она действовала при Министерстве финансов под председательством Г. М. Раевского, директора Общей канцелярии министра финансов. Инструкция, данная комиссии, предписывала разработать такие изменения, которые не отразятся на полицейской и фискальной функциях паспорта (если первая обеспечивала интересы сыска, то вторая в результате паспортного сбора приносила ежегодно казне 3,5 млн р.). Комиссия, проработавшая два года — до августа 1886 г., признала существующую паспортную систему «безусловно вредною для народного благосостояния», сославшись на мнение предшествовавших паспортных комиссий. В то же время комиссия Г. М. Раевского отметила полезные качества паспортной системы «в целях полицейских». Комиссия выделила две категории населения: полноправных, пользовавшихся свободой передвижения, и неполноправных, ограниченных в получении паспорта, — несовершеннолетних, замужних женщин, поднадзорных, военно-обязанных, лиц податных категорий. Предложения комиссии Г. М. Раевского заключались во введении паспортных книжек (удостоверений личности) для всех полноправных лиц; в расширении границы бездокументных поездок до 50 вёрст для крестьян и городских обывателей из категории неполноправных.

На смену комиссии М. Г. Раевского пришла межминистерская Паспортная комиссия под председательством товарища министра финансов П. Н. Николаева, доверенного человека Н. Х. Бунге. Несмотря на свою отставку в конце декабря 1886 г., Н. Х. Бунге добился сохранения за П. Н. Николаевым председательского места, и Паспортная комиссия продолжила свою работу. К 1889 г. она подготовила проект паспортной реформы. Вводилось понятие «вид на жительство» и был определён внешний вид и цена паспортной книжки (80 к.). Однако смена министра финансов в 1886 г., затем министра внутренних дел из-за кончины Д. А. Толстого в 1889 г. и приход в МВД И. Л. Горемыкина затормозили проведение проекта. И. А. Вышнеградский поставил условие повторного сбора отзывов на проект, и дело затянулось до 1893 г.

В 1892 г. на посту министра финансов И. А. Вышнеградского сменил С. Ю. Витте, убеждённый в необходимости свободы передвижения для крестьян. В 1893 г. проект закона о «видах на жительство» был внесён в Государственный совет от имени двух министров — финансов (С. Ю. Витте) и внутренних дел (П. Н. Дурново). Его утверждение произошло 3 июня 1894 г.

По мнению В. Г. Чернухи, закон от 3 июня 1894 г. не предполагал возможности свободного передвижения, но лишь закреплял изменения, которые произошли в течение XIX столетия. Важнейшим признанием архаичности существующей паспортной системы была отмена статьи 1 Устава о паспортах и

беглых (1833): «никто не имеет права отлучаться из места своего постоянного жительства без паспорта». Вместо этого статья 1 Закона от 3 июня 1894 г. гласила: «Вид на жительство служит удостоверением личности, а равно права на отлучку из места постоянного жительства в тех случаях, когда это право должно быть удостоверено». Но понятие «вид на жительство», вводимое законом, не прижилось, и в составе Свода законов Российской империи этот акт фигурировал как «Устав о паспортах»¹.

В законе оговаривалось право беспаспортного проживания на месте постоянного жительства. Но это право ограничивало введённое в 1881 г. и действовавшее до 1917 г. «Положение об усиленной и чрезвычайной охране», которое обязывало население иметь паспорт для предъявления полиции. Кроме этого, рабочие были обязаны иметь «виды на жительство» для предъявления полиции и фабричной инспекции.

Вместе с тем была расширена черта беспаспортного передвижения для крестьян и мещан. Лицам призывного возраста выдавались особые «виды на жительство», оформленные на цветной бумаге с указанием года призыва.

В паспортную книжку заносились сведения о владельце: фамилия, имя, отчество, звание, дата рождения, вероисповедание, место постоянного проживания, семейное положение, отношение к воинской службе, личная подпись. В паспорт вписывалась супруга, с согласия владельца — члены семьи (дети, престарелые родственники). На паспортной книжке ставилась печать выдавшего её учреждения. Специальная страница была отведена для сведений о прописке.

Бессрочную паспортную книжку получали лица, уволенные из государственной службы, неслужащие дворяне, почётные граждане, разночинцы, к которым относилась и интеллигенция, купцы. Они не платили паспортный сбор, оплачивая лишь издержки на изготовление документа (15 к.). Мещане и крестьяне получали паспортную книжку сроком на пять лет, продолжая уплачивать паспортный сбор до 1897 г.

Итак, по закону 1894 г. легитимационное значение паспорта было усилено, однако разрешительный принцип был сохранён. Пространный закон, таким образом, не реализовал принцип свободы передвижения для крестьян, мещан и ремесленников, но несколько облегчил положение той части, которая традиционно прибегала к уходу на сторонние заработки, не порывая с привычными занятиями в деревне или в городе². «Паспорт сохранил и податное, и фискальное значение, упразднённое лишь законом 7 апреля 1897 г. об отмене сборов, взимаемых в казну с видов на жительство. Готовившаяся в течение столь длительного времени реформа не решила основной стоявшей перед ней задачи — не обеспечила условий для абсолютно свободного передвижения крестьянского населения»³.

---

¹ См.: Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 162.

² См.: Там же. — С. 158—165.

³ Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 381.

Вопрос об общине

Оценивая «Устав о паспортах» 1894 г., Б. В. Ананьич отмечал, что «новые паспортные правила, вводимые для предоставления крестьянству возможности более свободного передвижения, должны были, казалось, подорвать принцип круговой поруки. Однако на деле устав 1894 г. закрепил и права общества по отношению к недоимщикам, и права домохозяина по отношению к членам семьи... Обсуждение нового паспортного закона лишь вынесло на поверхность противоречия во взглядах представителей правящих кругов России на общину вообще и на круговую поруку в частности»¹.

В 1880-х гг. в правительственных кругах продолжалась дискуссия о судьбе общины, начатая в 1860-х гг.² С. Н. Валк отмечал, что «вопрос о судьбах общины занимал видное место и в сенаторских ревизиях 1880—1881 гг., и в земских ходатайствах, и в совещаниях «сведущих людей» 1881 г., и в донесениях губернаторов о тех или иных неурядицах в крестьянском хозяйстве»³. Министерство внутренних дел выступало с позиций официальной правительственной политики, взявшей в 1880-х гг. курс на укрепление общины. В то же время раздавались предложения об отмене статьи 165 Положений 19 февраля 1861 г., разрешавшей крестьянам выходить из общины с согласия «мира» или при досрочном погашении выкупного долга⁴.

К окончательному разрешению этого вопроса правительственные верхи подтолкнул голод 1891—1892 гг. Главной причиной беспомощности крестьянского хозяйства местная администрация называла земельные переделы⁵. Противниками общины при обсуждении в Государственном совете закона об ограничении права земельных переделов выступили Н. Х. Бунге, занимавший в то время должность председателя Комитета министров, и министр императорского двора И. И. Воронцов-Дашков⁶. Однако им не удалось отстоять свою точку зрения. Итогом обсуждений стали законы, отражавшие среднюю линию в вопросе об общине⁷: от 8 июня 1893 г. — об ограничении права земельных

---

¹ Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 381.

² Подробнее о попытках решения вопроса о судьбе общины в 1860—1870-е гг. см.: Барыкина И. Е. Александр II. Пропущенный поворот. — М., 2017.

³ См.: Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 948.

⁴ См.: Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 381.

⁵ См.: Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 948.

⁶ См.: Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 382.

⁷ См.: Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 949.

переделов (не запрещал переделы, но ограничивал их наименьшим сроком в 12 лет и контролем земских начальников); от 14 декабря 1893 г. — о запрещении выхода из общины без согласия «мира» даже при досрочном погашении выкупного долга, а также о запрещении продажи, передачи в дар или залога земельных наделов¹. Закон от 14 декабря 1893 г. должен был, по замыслу его составителей, способствовать сохранению размеров площади крестьянского землевладения. Это был шаг назад по сравнению с Крестьянской реформой 1861 г., поскольку Положения 19 февраля давали крестьянину право досрочно выкупить свой надел, потребовать выделения общиной ему участка, который затем он мог бы продать или заложить².

Следующий шаг к преобразованию общинного землевладения был сделан уже С. Ю. Витте в начале царствования Николая II. В 1893 г. С. Ю. Витте ещё выступал за сохранение общины, но при этом поддерживал отмену круговой поруки и паспортную реформу. Перелом в его взглядах Б. В. Ананьич относил к 1896 г. Уже в 1897 г. министр финансов в объяснительной записке к государственному бюджету выделил зажиточных крестьян как слой, способный преодолеть неблагоприятные условия сельской жизни, и подчеркнул неизбежность развития сельского хозяйства по капиталистическому пути. В конце 1896 г. министерства финансов и внутренних дел приступили к подготовке законопроекта об отмене круговой поруки, завершив работу над ним к весне 1899 г. Частичная отмена круговой поруки последовала по Закону от 23 июня 1899 г. о порядке взыскания окладных сборов, по которому отменялась круговая порука для крестьян в небольших селениях с числом ревизских душ до 60, а также для подворных владельцев³. Окончательная же отмена круговой поруки произошла в 1903 г. под влиянием растущих крестьянских выступлений. Вопрос о судьбе общины был отложен до Столыпинской реформы 1906 г.

Рабочее законодательство

Б. В. Ананьич, рассматривая программу Н. Х. Бунге, отмечал, что Бунге считал необходимым создать условия для развития крестьянского землевладения на основе частной собственности в сельском хозяйстве, а в промышленности ввести современное фабричное законодательство для обеспечения более тесной связи между интересами рабочих и фабрикантов.

Бунге исходил из того, что сила и влияние господствующих классов могут быть основаны лишь на благосостоянии рабочего сословия. Он считал необходимым, чтобы фабриканты, общества, или земства, или государство взяли на себя устройство жилищ для рабочих и улучшение их быта. С его точки зрения, следовало подумать и о привлечении рабочих к участию в прибылях...

---

¹ См.: *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* — М., 2006. — С. 382.

² См.: *Валк С. Н.* Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // *История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894).* Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 949.

³ См.: *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* — М., 2006. — С. 381—383.

Объясняя свои взгляды на рабочий вопрос, Бунге ссылался на западные образцы: политику швейцарского правительства, организовавшего в Берне постройку специальных помещений для рабочих с учётом их требований, приводил в качестве примера красильные заведения Лекларка в Англии¹.

В начале 1880-х гг. Н. Х. Бунге приступил к реализации этой части своей программы. В 1882 г. было разработано фабрично-заводское законодательство: принят закон о запрете труда малолетних на фабриках, установлен 8-часовой рабочий день для подростков от 12 до 15 лет. За исполнением фабричного законодательства должна была следить созданная при Министерстве финансов фабричная инспекция. Под её надзором находились 9 округов, на которые были разделены российские губернии, — Петербургский, Московский, Владимирский, Казанский, Воронежский, Харьковский, Киевский, Виленский и Варшавский. Инспекция состояла из главного инспектора, 9 окружных и 10 помощников. По примеру Англии предлагалось передать фабричную инспекцию в ведение МВД, но Государственный совет отклонил это предложение.

Отношения между фабрикантами и рабочими регулировал закон, принятый 3 июня 1886 г. Он устанавливал правила найма и увольнения рабочих, условия оплаты труда, запрещал натуральную форму расчётов, вычеты из жалованья на медицинское обслуживание, устанавливал контроль над штрафами. В то же время закон предусматривал целый ряд карательных мер за участие в стачках и подстрекательство к ним, угрозы в адрес администрации и отказ от работы. Контроль за соблюдением этого закона был также возложен на фабричную инспекцию².

Контрреформы

Одновременно с продолжением реформ 1860—1870-х гг. происходил постепенный пересмотр либеральных преобразований, проведённых в царствование Александра II.

В 1882 г. в отставку был отправлен министр народного просвещения А. П. Николаи, один из немногих оставшихся в министерском корпусе сторонников либеральных реформ. Новый министр И. Д. Делянов занялся пересмотром университетского устава 1863 г. Согласно новому университетскому уставу 1884 г. упразднялась университетская автономия, значительно сокращались права учёных советов, назначение ректоров и замещение профессорских вакансий перешло к министру народного просвещения, деканы назначались попечителями учебных округов.

В 1885 г. последовала отставка либерального министра юстиции Д. Н. Набокова, его место занял Н. А. Манассеин. После этого К. П. Победоносцев выдвинул проект новой судебной реформы, ведя наступление против суда при закрытых, гласности судопроизводства, адвокатуры и сменяемости судей³.

¹ См.: *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* — М., 2006. — С. 350.

² См.: Там же. — С. 349—350.

³ См.: Там же. — С. 349.

В январе 1887 г. Н. Х. Бунге, последний сторонник либеральных реформ, был отправлен в отставку с поста министра финансов. Его сменил известный учёный, профессор механики И. А. Вышнеградский, близкий по взглядам к М. Н. Каткову и активно поддерживавший его нападки на Н. Х. Бунге. И. А. Вышнеградский попытался приспособить экономическую политику к общеполитической доктрине царствования Александра III. Это проявилось в усилении государственного вмешательства в экономику, ужесточении рабочего законодательства, поддержке консервативных начал в аграрной политике¹. Ю. Б. Соловьёв, проводя сравнительный анализ экономической политики Н. Х. Бунге — реформатора и И. А. Вышнеградского — сторонника охранительного курса, отмечал, что по законам, которыми руководствовался Н. Х. Бунге, выходило, что свобода действий царизма в экономической области строго ограничена, а от И. А. Вышнеградского охранители ожидали, что, создав нечто совершенно самобытное в экономической сфере, он прежде всего избавит самодержавие от необходимости и здесь считаться с какими-то законами, чем-то себя ограничивать, что он сделает самодержавие таким же всемогущим в экономической жизни, каким оно было в политической².

Вмешательство государства в экономику началось ещё при Н. Х. Бунге, однако с приходом И. А. Вышнеградского оно приобрело масштабный характер: повышение косвенных налогов, таможенных пошлин на ввозимые товары, выкуп в казну частных железных дорог, введение в 1891 г. протекционистского таможенного тарифа. С 1889 г. была установлена система государственного регулирования хлебных тарифов, что положило начало усилению роли государства в регулировании хлебной торговли.

Н. Х. Бунге с осуждением отзывался о политике чрезмерного государственного регулирования экономики, видя в этом опасное стремление распространить государственный контроль на все сферы общественной жизни: «Кажется, невозможно идти далее, если не допустить, что государству следует пахать, сеять и жать, а затем издавать все газеты и журналы, писать повести и романы и подвизаться на поприще искусств и науки»³.

И. А. Вышнеградский подверг пересмотру рабочее законодательство, введённое Н. Х. Бунге. В закон от 3 июня 1886 г. были внесены поправки, ухудшавшие положение рабочих. Разрешался ночной труд женщин и подростков, труд малолетних в воскресные и праздничные дни, наём их с разрешения министров финансов и внутренних дел, с оговоркой срока и вида производства. Из состава фабричной инспекции были исключены лица, вызывавшие недовольство предпринимателей. В результате этих изменений фабричная инспекция утрачивала роль органа контроля за соблюдением фабричного законода-

---

¹ См.: *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* — М., 2006. — С. 354.

² См.: *Соловьёв Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. — Л., 1973. — С. 86.

³ Там же. — С. 353.

тельства. Однако А. Д. Толстому не удалось добиться её передачи в ведение Министерства внутренних дел¹.

Тем не менее «даже после отставки Бунге противникам реформ 1860 — 1870-х годов не удалось в полной мере осуществить свою программу экономических преобразований»².

В конце 1885 г. была предпринята попытка пересмотреть основные положения земской, судебной и городской реформ. В сентябре — ноябре 1886 г. этим занималось Особое совещание. Итог его работы был представлен во всеподданнейшем докладе Д. А. Толстого, в котором излагалась программа пересмотра реформ. Она состояла из шести пунктов:

— создание административных органов управления крестьянскими делами;

— сведение к минимуму роли «общественного самоуправления» в земских и городских учреждениях;

— усиление власти министра внутренних дел по надзору за земскими, городскими и крестьянскими учреждениями;

— ограничение выборного начала «при замещении должностей по местному управлению» и замена его «системою правительственного назначения»;

— предоставление дворянству большего участия в делах местного управления;

— передача дел по маловажным поступкам «от судебных установлений» в ведение учреждений, находящихся в непосредственной связи с административной властью³.

Первым шагом по осуществлению этой программы стало введение института земских начальников 12 июля 1889 г. Мировые суды упразднились, земским начальникам была предоставлена административная и судебная власть в крестьянском управлении. Введение института земских начальников было шагом назад. Не случайно проект закона вызвал разногласия в Государственном совете и его обсуждение прошло не так гладко, как хотелось бы авторам и сторонникам — министру внутренних дел Д. А. Толстому, правителю канцелярии министра А. Д. Пазухину, будущему преемнику министра И. Н. Дурново, министру финансов И. А. Вышнеградскому, министру государственных имуществ М. Н. Островскому. Принятия закона пытались не допустить министр юстиции Н. А. Манассеин, государственный контролёр Д. М. Сольский, член Госсовета М. С. Каханов, председатель Департамента законов Госсовета А. П. Николаи, министр императорского двора И. И. Воронцов-Дашков, председатель Департамента государственной экономии Госсовета А. А. Абаза. Их поддержало большинство Госсовета — 39 членов при голосовании высказались против закона, и только 13 голосов было подано за него. У императора было право утвердить мнение меньшинства, что он и сделал 29 января 1889 г.

---

¹ См.: Соловьёв Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. — Л., 1973. — С. 354.

² Там же. — С. 355.

³ См.: Там же.

Законопроект приобрёл статус закона 12 июля 1889 г. после издания соответствующего указа¹.

Современный петербургский историк В. Н. Гинев обратил внимание на изменение оценок закона о земских начальниках в современной историографии: зачастую земский начальник признаётся составной частью прогрессивного развития России. В. Н. Гинев решительно опроверг это представление, опираясь на современные исследования. Государственная польза от введения этого института была невелика, земские начальники плохо встраивались в вертикаль власти и чувствовали свою зависимость больше от ближайшей власти, нежели от далёкой петербургской. В. Н. Гинев в своей статье процитировал важный вывод историка О. М. Аверичевой о деятельности земских начальников в Орловской губернии: «К началу XX в. центральная власть начала обнаруживать, что её вертикаль, построенная по безусловному принципу сословного дворянского ценза, в своём низшем звене начала проявлять пассивное игнорирование идущих сверху предписаний»². Этот вывод базируется на заключениях В. Г. Чернухи, Б. В. Ананьича, Ю. Б. Соловьёва об архаичном характере системы государственного управления Российской империи в конце XIX в. и его несоответствии задачам, стоявшим перед страной. Не случайно в программе модернизации, разработанную в начале XX в. П. А. Столыпиным, входило преобразование института земских начальников. Он был убеждён, что одним из основных препятствий назревшего реформирования местного управления с перспективой превращения России в правовое государство (с сохранением монархии) является консервация сословной системы и политики государственного попечительства над крестьянами, осуществляемого местными дворянами. В 1906 г. премьер-министр внёс в Совет министров предложение о введении должности участкового начальника, который должен был назначаться исключительно правительственной властью из числа лиц, получивших соответствующее образование и служебную подготовку³. Таким образом, участковый начальник становился не представителем высшего сословия, а чиновником. Этот проект был тесно связан с другим планом П. А. Столыпина — созданием всесословной волости. Однако эти проекты не были проведены, предложение о введении участковых начальников застряло в первых Государственных думах, вызвав жаркие дискуссии, и институт земских начальников был ликвидирован Временным правительством после февраля 1917 г.⁴

Вслед за законом о земских начальниках были приняты новое Земское положение (12 июня 1890 г.) и новое Городовое положение (11 июня 1892 г.). Но к этому времени многие из влиятельных сторонников возврата к дореформенным порядкам сошли с политической сцены (умер Д. А. Толстой, утратили

---

¹ См.: *Гинев В. Н.* Земские начальники: объективная необходимость или реакционная контрреформа? // Петербургский исторический журнал. — 2014. — № 4 (08). — С. 48—49.

² Там же. — С. 51—54.

³ Там же. — С. 54—56.

⁴ См.: Там же. — С. 56—62.

влияние К. П. Победоносцев и А. Д. Пазухин). Поэтому кардинальных перемен в местном самоуправлении (например, упразднение земства) не произошло. Исследователь земской контрреформы Л. Г. Захарова подчёркивала, что «основная задача, выдвигавшаяся при подготовке закона 12 июня 1890 г., — ликвидация оппозиционного земства и политических тенденций в нём — не была достигнута»¹. В. А. Нардова, вплотную занимавшаяся историей городского самоуправления второй половины XIX в., определила цель законов 1890 г. и 1892 г. как «включение земства и городских дум в общую систему государственных учреждений, однако не на основе развития принципов самоуправления, а максимально усилив подчинённость общественных учреждений бюрократическому аппарату и существенно ослабив начала их выборности»². Но избранный самодержавной властью способ усовершенствования местного общественного управления имел негативные последствия, сужая инициативу дум, вызывая «неоправданное вмешательство администрации в их дела, порождая тем самым бесконечные конфликтные ситуации»³. Б. В. Ананьич отмечал, что, несмотря на значительное сокращение состава Городских дум и ограничения их прав, правительству не удалось коренным образом изменить природу городского самоуправления, упразднить земства и повлиять на оппозиционные настроения земских учреждений⁴.

Сторонникам консервативного курса не удалось сокрушить судебные уставы. Подготовка проектов новой редакции судебных уставов затянулась на несколько лет, а их обсуждение было прервано первой российской революцией. «Реальные результаты пересмотра судебных уставов свелись к изменению в 1887 г. ценза для присяжных заседателей в пользу представителей дворянского сословия, а также изъятию в 1889 г. части дел из ведения суда присяжных»⁵.

Невозможность отмены либеральных реформ ясно продемонстрировало обсуждение 18 декабря 1889 г. в Государственном совете проекта о порядке пересмотра и кассации приговоров земских участковых начальников, внесённого И. Н. Дурново. Этот сюжет пересказал со слов министра иностранных дел Н. К. Гирса его помощник В. Н. Ламздорф в своём дневнике. И министр иностранных дел, и В. Н. Ламздорф отрицательно оценивали проект И. Н. Дурново. «Министр внутренних дел желает, чтобы, в случае жалобы на действия этих новых чиновников, вопрос о кассации подлежал бы рассмотрению при закрытых дверях в административном порядке особой инстанции, представленной губернатором, вице-губернатором и ещё несколькими чиновниками.

¹ Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. — М., 1968; Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. // Александр II и отмена крепостного права в России. — М., 2011. — С. 353—542.

² Нардова В. А. Органы городского самоуправления в системе самодержавного аппарата власти в конце XIX — начале XX в. // Нардова В. А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX — начале XX в.: власть и общество. — СПб., 2014. — С. 166.

³ Там же. — С. 169.

⁴ См.: Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 356.

⁵ Там же. — С. 356—357.

Ввести это уклонение от гласного судопроизводства на путь нового междудомственного учреждения, по-видимому, очень трудно; с точки зрения права, оно является совершенной аномалией, отдавая помещиков и сельское население во власть произвола, который будет тем более тягостен, что в большинстве случаев их дела и жалобы будут рассматриваться чиновниками, лишёнными какой-либо юридической подготовки»¹. Однако проект поддерживал К. П. Победоносцев, сообщивший Н. К. Гирсу, что государь желает, чтобы этот проект прошёл. Тем более что при предварительном обсуждении проекта в заседании Соединённых департаментов Госсовета он получил большинство голосов — 13 против 9.

Тем не менее проект сразу же встретил возражения. Министр юстиции Н. А. Манассеин «в очень спокойной, очень умной, логичной и ясной речи показал, насколько проект министра внутренних дел трудно выполним, не соответствует духу наших судебных установлений, являющихся одной из славных страниц царствования Александра II, и в сущности бесполезен, ввиду того что, благодаря введённым два года тому назад ограничениям гласности судопроизводства, правительство имеет право закрывать двери суда каждый раз, как сочтёт это нужным, при публичных заседаниях, а также допускать только желательное ему число свидетелей. Речь эта производит сильное впечатление и уясняет вопрос даже для тех, которые были с ним недостаточно знакомы»².

В заседании присутствовал наследник престола великий князь Николай Александрович (будущий Николай II). Речь министра юстиции произвела на него большое впечатление. В момент голосования «его высочество слегка покраснел, на мгновение задумался и голосовал, не посоветовавшись и не обменявшись ни словом со своими дядей (вел. кн. Владимиром Александровичем. — И. Б.) и дедом (вел. кн. Михаилом Николаевичем, председателем Госсовета, младшим братом Александра II. — И. Б.)... Когда результат голосования становится известным, оказывается, что 22 человека высказались согласно с меньшинством в департаментах и только 20 — за одобрявшее проект г. Дурново большинство. Итак, в общем собрании проект министра внутренних дел, о котором было известно или предполагалось, что он одобряется государем, не мог пройти вследствие большинства в один голос, и это был, может быть, голос наследника престола, потому что он голосовал с теми... которые отвергли проект. Эффект необыкновенный! Сильное впечатление. Великие князья Михаил и Владимир, бывший министр юстиции Набоков и даже такие люди, как Абаза и Сольский, сочли нужным голосовать за. Узнав о неожиданном решении цесаревича, некоторые как будто бы сконфужены и стараются оправдаться тем, что вопрос якобы не имеет большого значения... При этом рассказе меня охватывает волнение, такое волнение, что я чувствую, как у меня сжимается горло и подступают слёзы. Какое счастье, если этот молодой великий князь обладает характером, имеет уже свои личные мнения и мужество

¹ Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890). — М.; Л., 1926. — С. 247—248.

² Там же. — С. 249.

их поддерживать, и особенно если он доступен тому, что справедливо, честно, смело и бескорыстно»¹.

Произошедшее в Госсовете имело продолжение. Александр III был очень недоволен проявленной наследником престола самостоятельностью. Свидетелем семейной сцены в императорской фамилии стал на следующий день министр иностранных дел.

«Г. Гирс признаётся, что вчера, отправляясь в Гатчину, он был немало озабочен. Не раз в тех случаях, когда в Государственном совете голоса по интересовавшим государя вопросам разделялись, государь проявлял сильное раздражение против тех, кто был в оппозиции. На этот раз министр нашёл монарха очень грустным, задумчивым и почти унылым; его величество не сказал ни слова о заседании Государственного совета, но выслушивал доклад с таким грустным видом, что министр был прямо огорчён... По окончании доклада, когда министр хотел откланяться, государь с минуту поколебался, затем пригласил его, как всегда: «Не хотите ли с нами завтракать?» По пути в столовую г. Гирс узнаёт, что нет решительно никого, кроме царской семьи и дежурного флигель-адъютанта великого князя Сергея Михайловича. Последний обычно весел и шутит, но в этот день ему не по себе, его, видимо, что-то беспокоит; в доме чувствуется гроза. Государь входит и направляется в покои государыни, которая тотчас затем выходит с взволнованным и слегка раскрасневшимся лицом. У детей тоже очень огорчённый вид. Немного позднее приходит великий князь Георгий. Садятся за стол, но цесаревич ещё не появляется; наконец, входит великий князь, обычно приходящий вовремя, до появления их величеств; он занимает место около г. Гирса, сидящего по правую руку государыни. Министру показалось, что уходивший на минутку перед тем, как сесть за стол, великий князь Георгий ходил за цесаревичем. Все признаки бурной семейной сцены и порождённой ею неловкости побуждают г. Гирса стараться поддержать разговор, но тучи не рассеиваются, и всем не по себе. Вдруг государь начинает яростно бомбардировать цесаревича хлебными шариками (его величество имеет иногда обыкновение во время семейных обедов бросать ими в сидящих за столом и приговаривает: «а что», «вот тебе» и другие шутливые замечания). Лёд как будто растаял, проглянуло солнце, все присутствующие чувствуют облегчение. Снова водворяется хорошее настроение. Как только встали из-за стола, государь уходит в свой кабинет, государыня тоже прощается с г. Гирсом, который видит, как наследник направляется в кабинет своего августейшего отца. Он чувствует, что это делается с целью примирения, и спрашивает себя, каков будет результат. Дай бог, чтобы молодой человек не пошёл ни на какой компромисс со своей совестью и чтобы отец, посердившись за несогласное с ним мнение, сумел бы отнестись с уважением к тому, что сын его не боится иметь собственное суждение. В его власти затем разрешить вопрос согласно своей самодержавной воле»².

¹ Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890). — М.; Л., 1926. — С. 250.

² Там же. — С. 250—251.

К 1892 г. завершилась серия государственных преобразований, связанных с пересмотром реформ 1860—1870-х гг. «Закон о земских начальниках 12 июля 1889 г., Земское положение 12 июня 1890 г. и Городовое положение 11 июня 1892 г. объединены в отечественной историографии общим понятием — контрреформы»¹. Они являлись свидетельством «попятного движения», отступления от курса, обозначенного великими реформами. Однако власть вынуждена была принять во внимание потребности времени, диктовавшего продолжение движения вперёд. Самодержавие полагало, что сможет идти вперёд, основываясь на пережитках прошлого, но разнонаправленные векторы подтачивали основы государственной жизни.

Императорская фамилия

В XIX в. императорские семьи были многодетными, и монархи, начиная с Александра II, имели возможность в управлении страной опереться на своих родственников. Ближайшим помощником и доверенным лицом Александра II стал его младший брат вел. кн. Константин Николаевич, остальные братья занимали ответственные государственные посты: вел. кн. Николай Николаевич возглавил русскую армию на Балканах во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., вел. кн. Михаил Николаевич был наместником на Кавказе. Александр III также привлекал к управлению своих братьев, но с дядьями у него были сложные отношения, особенно с вел. кн. Константином Николаевичем. «Александр III достаточно быстро провёл ротацию деятелей предыдущего царствования. Император даже не захотел лично встречаться с вел. кн., а через посредников передал в категоричной форме своё желание получить прошение об отставке от своего дяди. Пост председателя Государственного совета занял младший брат Константина Николаевича — вел. кн. Михаил Николаевич, а во главе морского ведомства оказался вел. кн. Алексей Александрович. Монарха не смущало то обстоятельство, что первый из этих новых ставленников был человеком абсолютно несведущим и неподготовленным к роли председателя этого законосовещательного органа, не интересовавшийся законодательством, а скорее предпочитавший военное поприще и сферу придворной жизни»².

Подробно рассмотрел взаимоотношения вел. кн. Константина Николаевича и Александра III современный историк В. Е. Андреев. Он отметил, что «они являлись почти полной противоположностью друг другу: и внешне, и по характеру, и по своим политическим убеждениям. Их противостояние началось

---

¹ *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 357.

² *Андреев В. Е.* Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Материалы научной конференции: Сб. статей. — СПб., 2006. — С. 20—21.

ещё при жизни императора Александра II, а после его смерти достигло своей кульминации»¹. Во-первых, темпераментного Константина Николаевича раздражало в племяннике то, что он является тугодумом, и, будучи человеком прямолинейным, дядя не считал, что должен скрывать своё отношение к нему. В доказательство историк привёл наблюдения С. Д. Шереметева о том, что дядя не щадил самолюбия племянника, не стеснялся отзываться презрительно о цесаревиче. Впрочем, он и ранее того, с детства его, относился к племяннику пренебрежительно. Дядя называл племянника мальчишкой, Сашкой, и забыть об этом после воцарения Александра III ни тот, ни другой не могли. Во-вторых, и Александр III, и великий князь Константин Николаевич обладали сильными характерами, решимостью отстаивать свою точку зрения до конца, а их политические взгляды были противоположными. Вел. кн. Константин Николаевич был активным деятелем периода реформ, Александр III, напротив, придерживался консервативных взглядов.

После воцарения Александра III последовало увольнение вел. кн. Константина Николаевича со всех занимаемых им государственных должностей, самыми значимыми из которых были пост председателя Государственного совета и главы Морского министерства. Вел. кн. Константин Николаевич пользовался особым доверием Александра II, отстранение от государственной деятельности стало для него сильным ударом. В. Е. Андреев рассмотрел причины этой отставки сквозь призму реформ 1860—1870-х гг., а точнее, оценку Александром III и его окружением последствий реформ и роли в них вел. кн. Константина Николаевича. Взгляды императора Александра III и вел. кн. Константина Николаевича на развитие российской государственности были различны. По мнению В. Е. Андреева, в отстранении вел. кн. обер-прокурор сыграл немалую роль. Молодой император и его ближайший советник К. П. Победоносцев акцентировали своё внимание на издержках реформ, которые привели к политической нестабильности. «После долгих колебаний и размышлений к концу марта у императора созрело твёрдое решение, что никакие новации в настоящий момент не нужны. В первую очередь надо наладить работу государственного аппарата, продолжить борьбу с врагами, и только после этого, когда наступит более спокойное время, только тогда можно будет вернуться к политическим реформам»². А его дядя был олицетворением «перегибов» либеральных реформ и категорично настаивал на продолжении преобразований, его политические взгляды не совпадали с «новым курсом».

И наконец, ещё одной причиной неприязненного отношения племянника к дяде была частная жизнь вел. кн. Константина Николаевича. Он был женат на принцессе Саксен-Альтенбургской, которую в семейном кругу называли тётя Сани. В начале их семейной жизни чувства его к супруге были

---

¹ Андреев В. Е. Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Материалы научной конференции: Сб. статей. — СПб., 2006. — С. 3.

² Там же. — С. 8.

очень сильные, а затем постепенно стали угасать. Более того, вел. кн. увлёкся балериной Анной Васильевной Кузнецовой (внебрачная дочь знаменитого актёра Каратыгина). От этой любовной связи у них родилось пятеро детей: Сергей, Марина, Анна, Измаил, Лев. Император Александр III, очень щепетильно относившийся к родственным связям, не мог понять своего родственника и, естественно, одобрить его поведение. Он возмущался тем, что великий князь, не стесняясь, многим своим знакомым, представляя свою пассию, открыто говорил: «В Петербурге у меня казённая жена, а здесь — законная!» Следует обратить внимание, что великий князь, очень высоко ценивший положение представителя императорского дома в обществе, в этом вопросе не считает эту любовную связь чем-то из ряда вон выходящим, а говорит об этом как о предмете совершенно естественном и, можно сказать, нормальном¹. Кроме того, великий князь оправдывал роман Александра II с Е. М. Долгоруковой, объясняя сыновьям императора, что монарху необходимо отдохновение от государственных трудов на государственную пользу.

«Император Александр III в отношении дяди придерживается выработанной линии: он принимает решения, которые касаются судьбы своего родственника, не ставя того в известность до последнего момента. О своём снятии с поста председателя Государственного совета и назначении на эту должность великого князя Михаила Николаевича узнаёт не лично от императора, а через посредников»².

Вместе с тем после коронации, сопровождавшейся по традиции раздачами милостей, 17 мая 1883 г. Александр III пожаловал незаконнорождённым детям великого князя отчество Константиновичи и фамилию Князевы вместе с личным дворянством. В. Е. Андреев полагает, что этот поступок императора мог быть продиктован несколькими причинами: «Возможно, просто царской милостью, связанной с коронацией, и этот шаг императора следует рассматривать в неразрывной связи с другими благодеяниями. А может быть, добившись своей «победы» над дядей, августейший племянник проявил акт «доброй воли», показав, что он не держит на него зла. Не исключён вариант, что Александр III, просто вспомнив всю их борьбу, захотел сделать приятное этому человеку, который теперь не был опасен для него. В 1892 году незаконнорождённые дети великого князя Константина Николаевича получают потомственное дворянство»³.

В 1889 г., незадолго до кончины великого князя, состоялось его примирение с племянником. Константин Николаевич был уже тяжело болен, и Александр III приехал навестить его. История примирила дядю и племянника. «Это случилось 9 ноября 1894 года, когда в курдонере Мраморного дворца,

---

¹ См.: Андреев В. Е. Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Материалы научной конференции: Сб. статей. — СПб., 2006. — С. 18.

² Там же. — С. 11.

³ Там же. — С. 19.

хранящего память о великом князе Константине Николаевиче, бывшем его владельцем с 1832 по 1892 год, был установлен памятник императору Александру III работы Павла (Паоло) Трубецкого. Видимо, символично, что памятник этому российскому императору был установлен именно перед дворцом того человека, с которым на протяжении всей жизни государя у него были очень сложные отношения»¹.

Сложные отношения были у Александра III и с другим дядей — Николаем Николаевичем. На них повлияла также частная жизнь дяди, имевшего вторую семью, и его неудачное командование в годы русско-турецкой войны (1877—1878). Исключение из дядюшек императора составлял великий князь Михаил Николаевич (1832—1909), младший из сыновей императора Николая I. Между ним и племянником сложились доверительные отношения, возможно, этому способствовала небольшая, по сравнению с другими дядьями, разница в возрасте — тринадцать лет. Может быть, их сближало положение, которое оба занимали в негласной семейной иерархии: вел. кн. Михаил Николаевич как младший Николаевич получил в наместничество Кавказ и тем самым был удалён от центра политической жизни, в котором оказались его старшие братья. Цесаревич Александр Александрович, хоть и был привлечён к участию в управлении в 1865 г., ощущал себя не на своём месте, чувствовал, что сравнение со старшим братом, которое вольно или невольно проводили его отец и «дядя Костя», было не в его пользу. Безусловно, Александру III импонировало, что Михаил Николаевич, в отличие от своих братьев, был хорошим семьянином.

В это время сложились доверительные отношения между дядей и племянником. Очевидно, молодому человеку была необходима поддержка внутри семьи в тяжёлый момент, когда так резко изменилась его жизнь. Тогда и завязалась переписка между ним и вел. кн. Михаилом Николаевичем, находившимся на Кавказе. Дядя и племянник делились семейными и политическими новостями, обсуждали реформы, в первую очередь военные.

После воцарения Александр III назначил Михаила Николаевича на первую по значению государственную должность — 14 июля 1881 г. великий князь стал председателем Государственного совета, сменив на этом посту своего старшего брата Константина Николаевича. В 1894 г. дядя и племянник породнились: дочь Александра III, Ксения, вышла замуж за сына Михаила Николаевича, Александра Михайловича. Императорская чета долго сопротивлялась этому браку, однако влияние Михаила Николаевича на племянника было так велико, что император поддался уговорам своего дяди.

Брак, который был заключён между цесаревичем Александром (будущим императором Александром III) и датской принцессой Дагмарой (в православии Марией Фёдоровной) по воле родителей, оказался счастливым. Между

---

¹ Андреев В. Е. Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Материалы научной конференции: Сб. статей. — СПб., 2006. — С. 21.

супругами возникла искренняя привязанность, окрепшая с рождением детей (их у императорской четы было шестеро: трое сыновей — Николай, Георгий и Михаил; две дочери — Ксения и Ольга; один ребёнок умер в младенчестве). Императорская чета являла редкий пример супружеской верности. А. В. Богданович, супруга Е. В. Богдановича, члена Совета министра внутренних дел, записала в дневнике 13 марта 1888 г.: «Считали, кто из мужей верен своей жене. Про государя до сих пор ничего не говорят»¹.

Многие из тех, кто знал Александра III, отмечали его любовь к детям. Он был нежным и заботливым отцом, находившим отраду в детских играх, тосковавшим в разлуке с детьми. Александр III не любил расставаться с близкими, а если и был вынужден это сделать, то прибегал к переписке. Автографы писем Александра III к императрице Марии Фёдоровне и вел. кн. Николаю Александровичу хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, некоторые из них опубликованы². В письмах к своим домочадцам император мог проявить чувства обычного человека, быть самим собой. Письма домашним служили ему отдушиной в рутине государственной работы, бремя которой с каждым годом он ощущал всё сильнее. Император испытывал беспокойство за здоровье родных и тревожился о судьбе детей. Чувство беспокойства и нарастающая усталость стали лейтмотивом последней переписки императора и его супруги. Строки писем к старшему сыну, наследнику престола Николаю Александровичу, наполнены любовью и вниманием к мельчайшим деталям детской жизни. 13 декабря 1877 г. вел. кн. Александр Александрович пишет старшему сыну из болгарского села Берестовец:

«Благодарю тебя, милый мой Ники, за твоё письмо. Очень рад, что ты хорошо учишься и что тобой довольны. Мне страшно скучно без вас и так тянет домой, но нечего делать. Когда служишь, так думать о своих не приходится и надо исполнять свой долг! Благодарю милого Георгия за его последние письма и напишу ему, когда успею.

Теперь у нас тоже настоящая зима, снегу очень много и мороз сильный.

У меня решительно ничего нет для вас на ёлку; Мама вам подарит от меня, а здесь ничего достать нельзя. Дай Бог до скорого свидания и чтобы можно было мне вас скорее обнять всех троих. Поцелуй крепко, крепко от меня душку Мама, Георгия и Ксению. Христос с вами, мои душки!

Крепко целую тебя, милый мой Ники; не забывай твоего Папа и молись за него.

Твой Папа»³.

---

¹ Богданович А. В. Три последних самодержца. — М., 1990. — С. 84.

² См.: Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. — М., 1999. — Вып. IX. — С. 213—250; «Нет спокойствия ни физического, ни морального»: Письма Александра III императрице Марии Фёдоровне. 1891—1892 гг. // Исторический архив. — 1994. — № 3. — С. 149—167.

³ Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. — М., 1999. — Вып. IX. — С. 214.

Из всех детей к Александру III ближе были дочь Ксения и младший сын Михаил. С. Ю. Витте описал курьёзный случай. «Все дети императора Александра III не скажу чтобы боялись отца — нет, но стеснялись перед ним, чувствуя его авторитет.

Михаил Александрович был чуть ли не единственным, кто держал себя с отцом совершенно свободно.

Как-то раз, когда я приезжал в Гатчину, камердинер Михаила Александровича рассказывал мне, что вот какого рода история случилась.

Император Александр III утром очень любил ходить гулять со своим Мишей, и во время прогулок он с ним играл. Вот как-то они проходили около цветов, которые садовник поливал водопроводным рукавом. Неизвестно почему, вероятно, Михаил Александрович лез в воду, не слушался императора, но кончилось тем, что император Александр III взял этот рукав — это было летом — и окатил Михаила Александровича водой из рукава. Затем они вернулись домой, Мишу сейчас же переодели.

— Затем, — рассказывал мне камердинер, — после завтрака император обыкновенно занимался у себя, так и в этот раз. Он занимался в своих комнатах, которые как раз находились внизу, под комнатами, в которых жил Михаил Александрович.

В перерывы между занятиями император Александр III несколько высунулся за окошко, опёрся на локти и так стоял и смотрел в окно.

Михаил Александрович это заметил, сейчас же взял целый рукомойник воды и всю эту воду вылил на голову государя.

Ну, с императором Александром III сделать безнаказанно такую штуку мог только его Миша, потому что если бы это сделал кто-нибудь другой, то ему здорово бы досталось»¹.

Вспоминая об отношении Александра III к членам императорской фамилии, С. Ю. Витте писал, что император умел держать великих князей «в респекте». «Император Александр III был действительно главой царской семьи; он держал всех великих князей и великих княгинь в соответствующем положении; все его не только почитали, уважали, но и чрезвычайно боялись. Александр III был настоящим патриархом, главой императорской семьи; при нём были бы немыслимы в императорской семье различные эпизоды, происшедшие после его кончины.

Государь... понимал, что многочисленная императорская семья, состоящая из десятков лиц различных характеров и различной нравственности, должна служить своей частной, общественной и государственной жизнью примером для его подданных, так как несомненно, что каждая неловкая вещь, происшедшая в императорской или великокняжеской семье, делается известной публике и обществу и служит предметом всевозможных толков, преувеличений и легенд.

Император понимал, что от обыкновенных смертных нельзя требовать такого поведения, которому не следуют лица царствующего дома...

---

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. 1. — С. 213—215.

При императоре Александре III были бы немислимы постоянные поездки великих князей за границу и тот образ их жизни за границей, который обращал на себя всеобщее внимание. Великий князь, который допустил бы это, получил бы такую встряску, что ему бы не поздоровилось, — ныне же это самое обыденное явление»¹.

Из всех правительственных структур Российской империи Министерство императорского двора было лучше других осведомлено о частной жизни императорской фамилии. Это архаичное учреждение имперская система управления унаследовала от средневековой Руси, где существовали специальные ведомства, отвечавшие за устройство быта великокняжеской и царской семьи. В течение всего XIX века. Министерство двора ощущало на себе влияние Нового времени, пребывая в состоянии реформирования. В царствование Александра III также разрабатывались проекты реформ этого ведомства с целью его модернизации и сокращения расходов. Деятельность министерства в этот период описал в своих мемуарах Василий Силович Кривенко, заведующий Канцелярией министра двора гр. И. И. Воронцова-Дашкова и его ближайший помощник. По долгу службы В. С. Кривенко был осведомлен о многих подробностях жизни императорской фамилии и взаимоотношениях Александра III с его младшими братьями.

«В былое время великокняжеские дворы пользовались разными материальными добавками от Большого двора, пользовались добрососедскими одолжениями богатого помещика-барина к мелкопоместным. Понадобился лишний экипаж, не хватает прислуги, мебели, цветов, посуды — посылали гонца в Зимний дворец и получали желаемое. Воронцов всё это обрезал; великие князья гневались на него, но жаловаться Александру III не решались, боялись.

Сейчас вспоминается маленький эпизод. Во дворце великого князя Михаила Николаевича большой приём, не хватает стульев. Управляющий великокняжеским двором Муханов послал к заведовавшему Зимним дворцом полковнику Гернету; тот спрашивает по телефону министра. Ответ: «Не давать». Через час по телефону передают ту же просьбу от лица самого великого князя. Ответ: «Государь повелел без его личного ведома никому дворцовой мебели не выдавать. Угодно его высочеству, чтобы я доложил?» Слышится быстрый ответ: «Нет! Нет! Ничего, пожалуйста, не говорите».

Александр III не любил Царское Село, редко посещал тамошний дворец. Великий князь Владимир Александрович, ближе других членов императорской фамилии стоявший к царю, стал [занимать?] царскосельский Александровский дворец для игры в большой теннис. Когда об этом узнал Александр III, то заведовавший царскосельскими дворцами полковник Ионов получил большой нагоняй. Игра в теннис круто оборвалась»².

По сложившейся традиции Александр III после воцарения привёл к управлению своих младших братьев: вел. кн. Владимир Александрович был поставлен во главе Академии художеств, вел. кн. Алексей Александрович стал

¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. — М., 1960. — Т. 1. — С. 422—432.

² *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Воспоминания. — СПб., 2006. — С. 165—166.

генерал-адмиралом, т. е. главой российского флота, вел. кн. Сергей Александрович был назначен московским генерал-губернатором. Кроме того, до совершеннолетия наследника престола старший из братьев императора назначался регентом, для того чтобы внезапная кончина императора не обезглавила российский престол. После воцарения Александра II до совершеннолетия вел. кн. Николая Александровича регентом был вел. кн. Константин Николаевич. В 1881 г. регентом был объявлен вел. кн. Владимир Александрович¹.

В царствование Александра III императорская фамилия подверглась модернизации. Одним из главных преобразований в государственном управлении Российской империи в этот период стало издание нового закона об учреждении императорской фамилии.

Порядок наследования престола в Российской империи получил законодательное воплощение в 1722 г., когда Пётр I издал устав о наследии престола. Согласно этому документу правящий монарх по своему выбору назначал себе преемника. Этот указ стал одной из предпосылок дворцовых переворотов второй четверти XVIII в. Однако Павел I, издав Учреждение об императорской фамилии и Акт о престолонаследии 5 апреля 1797 г., чётко определил порядок передачи власти по мужской линии, подразумевая, что наследником престола становится старший сын монарха, и очертил круг лиц, подпадавших под понятие «императорская фамилия», имевших право на особые привилегии и находившихся на государственном обеспечении.

Александр III, обеспокоенный ростом императорской фамилии, решил пойти на изменение этого закона. «Российские великие князья составляли особую группу высшего российского общества. Они, отражая противоречивость нового времени, всё более освобождали себя от обязанностей, налагаемых на них принятым ещё во времена Павла I в 1797 г. Указом об императорской фамилии, в частности соблюдения права о заключении браков, и всё чаще вели себя, не считаясь с условностями. Зато они требовали особого отношения к себе, надеялись на семейную близость к императору, стремились жить по-царски, иметь дворцы, почёт, важные должности»².

По новому закону, утверждённому 2 июля 1886 г.³, круг лиц императорской фамилии был сужен до 100 человек. Отныне великими князьями считались только внуки императора, правнуки становились «князьями императорской крови» с сокращением выплат и привилегий.

Начальник Канцелярии министра императорского двора А. А. Мосолов видел в этой реформе начало «разъединения императорской фамилии» и «удар по целостности царской семьи»⁴. Современный историк С. И. Григорьев от-

---

¹ См.: Чернуха В. Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012 (*Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX века. — Т. III*). — С. 599—613.

² Там же.

³ См.: ПСЗ. — Собр. 3. — Т. VI. — № 3851.

⁴ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра двора. — СПб., 1992. — С. 119—123.

мечает, что Учреждение об императорской фамилии явилось шагом по сужению понятия «верховная власть». Эта дефиниция, включавшая при Николае I всех членов императорского дома, начинает сужаться при Александре II. В его царствование понятие это относится только к самому монарху и его брату великому князю Константину Николаевичу; при Александре III отождествляется лишь с императорской четой. «Александр III впервые противопоставил свою семью великим князьям, рассматривая их как конкурентов в борьбе за популярность в российском обществе»¹.

Вывод С. И. Григорьева о причинах, побудивших Александра III принять закон об императорской фамилии, является спорным. В. Е. Андреев отметил, что, несмотря на противоречия и соперничество, присущие императорскому дому, всех представителей династии объединяла и сплачивала идея самодержавной власти, благодаря которой они поддерживали существовавший режим и лично государя императора. Именно поэтому их недовольство законом не переросло в конфликт с императором².

По мнению В. Г. Чернухи, Александром III «двигали не отвлечённые государственные соображения, а боязнь пустить по миру собственную семью. К этому прибавлялось и нежелание состоять в официальном родстве с некоторыми членами императорской фамилии. Словом, династический характер политики здесь был особенно виден»³.

Процесс разработки этого закона, занявший почти три года, подробно освещён в дневнике государственного секретаря А. А. Половцова, принимавшего в нём непосредственное участие⁴. «Проект нового закона готовился в большом секрете в кругу особо доверенных лиц — брата Владимира, Половцова, Воронцова-Дашкова, Адлерберга, многократно обсуждался с императором... Принятию закона предшествовал указ, оповестивший о готовящемся законе, в котором всё было уже детально разработано. Указ вызвал (как и закон) глухое недовольство в великокняжеских кругах, не переходящее, впрочем, в открытые стычки с императором. Зато в петербургских титулованных кругах меру Александра III явно одобряли: на свет вышла трёхсотлетняя неприязнь древних Рюриковичей к хундордным Романовым. Михаил Николаевич жаловался: «Это всё петербургский высший свет, который радуется этой мере, говоря, что они — Рюриковичи, а мы — немцы-голлштинцы, в коих и романовской крови

¹ Григорьев С. И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831—1917). — СПб., 2007. — С. 258.

² См.: Андреев В. Е. Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Материалы научной конференции: Сб. статей. — СПб., 2006. — С. 20—21.

³ Чернуха В. Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012 (*Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX века. — Т. III*). — С. 34.

⁴ См.: Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Мемуары и дневники. В 2 т. — М., 2005. — Т. I. — С. 275, 280, 286—288, 296—302, 305—307, 308—311, 402—403, 427—445, 471—473; Т. II. — С. 160—161, 225, 278—279, 480—481.

не осталось; а что сказали бы Долгорукие или Оболенские, если бы у их потомства отняли принадлежащий им титул и притом без суда, без совершения преступления»¹.

Частная жизнь императора

Александр III, в отличие от своего деда Николая I, ставшего для него политическим идеалом, в большей степени тяготел к частной жизни. Государственная деятельность была для него тяжёлой работой, это отмечали все, кто был близко знаком с императором. В 1869 г. на эту черту характера наследника престола обратил внимание Н. А. Качалов, входивший в число лиц, сопровождавших цесаревича и Марию Фёдоровну в путешествии по Волге и Дону. Вместе с наследником престола находились: К. Н. Посыет, В. В. Зиновьев, К. П. Победоносцев, И. К. Бабст, Ф. А. Оом, Г. И. Гирш, А. П. Боголюбов и др. Жизнь на пароходе приобрела частный характер, и эти детали нашли отражение в рисунках художника А. П. Боголюбова и записках Н. А. Качалова. Стеснял цесаревича лишь строгий регламент поездки, не позволявший ему делать остановки по своему усмотрению, и необходимость принимать изъяснение верноподданнических чувств местного населения. В те короткие мгновения, когда можно было уединиться от чужих глаз, вел. кн. Александр Александрович был по-настоящему счастлив. Н. А. Качалов вспоминал: «Представительное положение их (наследника престола и его супруги. — *И. Б.*), несмотря на радушный приём народа, чрезвычайно было для них тягостно. Действительно, постоянно быть на виду, постоянно быть сдержанным, что необходимо, так как тысяча глаз ловят каждое слово, каждое движение, должно быть чрезвычайно тяжело. На этом основании высшее наслаждение наших принципалов было остановить пароход на пустом, необитаемом берегу Волги, выйти на берег, побегать, набрать хворосту, зажечь большой костёр и при этом перепачкаться, т. е. испытать всё противоположное обычной их жизни»².

Это же явление подметил и С. Д. Шереметев, описавший отдых семьи наследника в небольшом городке Гапсале на побережье Балтийского моря (современный эстонский город Хаапсалу): «Тем счастливее он чувствовал себя на воле среди своей семьи, на чистом приморском воздухе, в том самом Гапсале, о котором сохранил столько добрых воспоминаний ещё с 1871 года. Здесь вёл он жизнь здоровую и не бездеятельную. Он много ходил, наслаждался прогулками с семьёю, словно помещик в своей усадьбе. Прогулки по окрестностям и пикники в лесу были особенно приятны и даже оживлённы. Но оживление это было не светское, а особого свойства, особенно ему любезного. Оживление придавали дети, уже достигшие того возраста, когда они всего забавнее и веселее... На всех этих прогулках цесаревич бывал всегда в самом лучшем

¹ Чернуха В. Г. Александр III // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб., 2001. — С. 34.

² Качалов Н. А. Записки тайного советника. — М., 2012. — С. 412—430.

расположении духа. Ему дышалось легко вдали от грязи и волнений, вдали от дряг и всяческой суеты»¹.

Противоречивость положения Александра III ярко обрисовала В. Г. Чернуха: «Бесспорно, и характер страны, и особенность времени требовали от нового царя не просто качеств государственного мужа, но выдающегося деятеля, умеющего соразмерять желаемое и возможное, нужное и достижимое, видеть цели близкие и долгосрочные, выбирать людей для их исполнения, сообразуясь с задачами, а не с личными симпатиями. Всего этого в Александре III было крайне мало. Зато как человек он был, безусловно, ярким характером, цельной личностью, носителем твёрдых принципов и убеждений. В частной обстановке у него было много искренних друзей, ибо почти все или многие его человеческие качества вызывали симпатии. Его внешность — огромный ясноглазый человек с прямым и твёрдым взглядом — как нельзя точнее соответствовала его прямому и открытому характеру, который поэтому легко угадывался. Личность его явно доминировала в нём над государственным человеком и ярко проявлялась в политике царя, сквозь которую так и просвечивает его характер...

Российский император был человеком простым, искренним, верным слову. Лучше всего он чувствовал себя в среде военных и в кругу семьи, своих и чужих детей. А должен был проводить большую часть времени за чтением нудных и малопонятных ему казённых бумаг: докладов, журналов, меморий, представлений, справок»².

Если парадная, официальная сторона жизни императорской фамилии была связана с Зимним дворцом, то частная жизнь проходила в Аничковом дворце, ставшем резиденцией Александра III в период наследничества, и в Гатчине, куда император с семьёй отправился сразу после воцарения в целях безопасности. С этого времени Гатчина стала любимой загородной резиденцией Александра III. Его привлекала уединённость Гатчинского дворца и возможность представить себя частным человеком вдали от Петербурга. «Гатчинская жизнь, как он её себе устроил, вполне согласовывалась с его вкусами и характером. Она могла казаться однообразной и скучной для других, но он этого не замечал потому, что день его был полон. Находили, что он слишком уединяется, что мало было разнообразия в посетителях вне приёмных дней. И в этом была своя доля правды»³.

Директор Гатчинского дворца В. К. Макаров, заставший его почти в нетронутом виде (сохранившемся до Великой Отечественной войны), составил описание комнат: «В низких сводчатых «антресолях» Арсенального каре был ряд интимных комнат Александра III и его семьи...

---

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001. — С. 473—475.

² Чернуха В. Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012 (*Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX века. — Т. III*). — С. 32.

³ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001. — С. 484—505.

Комнаты эти были переполнены бытовыми мелочами, чего не было ни в комнатах Николая I, ни в комнатах Александра II. Это объясняется тем, что революция 1917 года застала комнаты антресолей Гатчинского дворца обитаемыми. Там жила вдовствующая императрица Мария Фёдоровна.

В них для нас погиб ещё малоизученный исторический памятник и единственный по полноте бытовой комплекс.

Приёмные комнаты Александра III были расположены вдоль Китайской галереи — окнами на Голландский сад. Здесь было много хорошей мебели XVIII в., классических форм, красного дерева, с бронзой. Ряд вещей, несомненно, вышел из мастерской знаменитого Давида (Ф) Рёнтгена. Повсюду была видна бронза лучших французских мастерских. Часы, канделябры, вазы. Всё это прибыло сюда из петербургских дворцовых складов и запасных дворцов — Таврического и других ещё в середине XIX в.»¹

Воспоминания С. Ю. Витте о посещении Гатчинского дворца дополняют очерк В. К. Макарова, передавая впечатления человека, оказавшегося в интерьерах приёмной Александра III. С. Ю. Витте совершил поездку в Гатчину в марте 1889 г. по случаю назначения начальником только что образованного при Министерстве финансов Департамента железнодорожных дел. «Государь жил в Гатчине; был назначен определённый час, когда отходил в Гатчину поезд. Туда я ехал с другими представляющимися, которых было человек 10; в числе представляющихся был один полковник. По приезде в Гатчину по принятому в то время порядку всех приезжающих повезли в Гатчинский дворец; там нам отвели несколько комнат, в которых мы и привели себя в порядок. Затем нас всех повели через весь дворец, с правого крыла на левое, где жил государь, в приёмную комнату. Причём, так как император Александр III ужасно любил жить скромно, то он не жил в верхнем этаже (который был лучшим), а занимал средний этаж, — в сущности, не целый этаж, а пол-этажа. Дворец так устроен: нижний этаж — сравнительно очень хороший, средний — совсем низкий, с маленькими комнатами, и верхний этаж — собственно говоря, роскошный; в нём находятся: приёмная зала, бальная и концертная.

Так вот, император Александр III занимал этот средний этаж с низкими небольшими комнатами, которые напоминают собою антресоли. Там была большая зала, в которой государь принимал. Нас всех заперли в зале; вышел император один, по обыкновению очень скромно одетый, конечно, в военной форме, но форма эта была уже более или менее поношенная. Он своей тяжёлой поступью, потому что он был человек очень полный и большого роста, но тем не менее величественной поступью последовательно подходил к каждому

---

¹ Текст является черновым вариантом описания Большого Гатчинского дворца, подготовленного В. К. Макаровым для исторического очерка о Гатчине. Подлинник находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Гатчина. Исторический очерк. Описание дворца. 1944 г. 64 л. Черновик // ОР РНБ Ф. 1135 (Макаров В. К.). Д. 101. Приложение. Л. 32.

по порядку. Сначала он прошёл мимо всех военных, и когда дошёл до того полковника, о котором я упоминал, то, сказав с этим полковником несколько слов, проговорил: «Подождите, не уходите, я с вами хочу ещё поговорить». Затем император подошёл к каждому из нас и каждому сказал несколько слов. Мне он сказал, что очень рад меня видеть, рад, что я согласился исполнить его желание и принял место директора Департамента железнодорожных дел. Затем он подошёл к полковнику и снова начал с ним говорить, но сравнительно очень тихо.

Потом дежурный флигель-адъютант подошёл к нам и сказал, что мы все можем уйти. Мы пошли обратно, для чего мы должны были совершить довольно большое путешествие, идя с левого крыла на правое, где по обыкновению были приготовлены столы для завтрака.

Во время завтрака полковник должен был сидеть около меня (что я видел по билету), но его что-то всё не было. Наконец в середине завтрака приходит этот полковник и садится около меня. Мне неловко тогда было его спросить: почему вас государь задержал? Так я его и не спросил. После, когда мы поехали обратно — причём обыкновенно делается так, что те экипажи, которые привозят во дворец, поджидают и увозят на вокзал (в каждый экипаж садятся двое), — сев с полковником, я решился его спросить:

— Простите, если это нескромно, но можно вас спросить: почему вас император задержал, что он вам говорил?

Полковник улыбается и говорит:

— Видите ли, государь меня знал, когда я был очень полный, а теперь я худой, вот он меня всё время и расспрашивал, каким образом я сделал, что так похудел... Я ему рассказал, какую я вёл жизнь, что я ел. Расспросив меня тщательно, он сказал, что очень мне благодарен, что это он тоже попробует, потому что ему неудобно быть таким толстым.

А я, с непривычки, подумал, что он расспрашивает о каком-нибудь государственном секрете»¹.

Частные интересы Александра III не могли не отразиться на государственной жизни.

Интерес Александра III к отечественной истории, возникший в отрочестве, получил развитие в его покровительстве Императорскому русскому историческому обществу. Общество было учреждено в 1866 г. под почётным председательством наследника престола и находилось в ведении Министерства народного просвещения. Собрания проходили в Аничковом дворце; наследник, а затем император, Александр III принимал непосредственное участие в деятельности Общества. Первым председателем Общества был поэт П. А. Вяземский, которого в 1879 г. сменил на этом посту А. А. Половцов. «Историческое общество с самого начала решило специализироваться на изучении послепетровского времени, преимущественно же XVIII в. Русское историческое общество называлось «общеобразовательным» и «научным», т. е. носило широкий

---

¹ *Butte С. Ю.* Воспоминания. — М., 1960. — Т. 1. — С. 213—215.

характер. Члены общества, число которых не было ограничено, собирались на заседания: обыкновенные, чрезвычайные и годовые»¹.

Задачей Общества была публикация неизвестных документов, имеющих отношение к отечественной истории, которые помещались в «Сборниках Русского исторического общества» (сборники РИО). С 1866 по 1917 г. вышло 50 томов сборников РИО. Другим известным изданием Общества был Русский биографический словарь. А. А. Половцов участвовал в подготовке выпусков этого многотомника. Сюжеты, связанные с деятельностью Русского исторического общества и участием в нём императора Александра III, нашли отражение в дневнике государственного секретаря, обсуждавшего дела Общества наряду с текущими государственными проблемами.

«18 февраля 1886 г. Понедельник. Я спешу домой, чтобы... окончить приготовления к годичному собранию Исторического общества... Всего с императором, цесаревичем и вел. кн. Владимиром Александровичем присутствуют 26 лиц. Государь, выйдя в 9 ч., здоровается со всеми и замечает, что никогда ещё не бывало столь многочисленного собрания. Я замечаю, что в наличности находятся москвичи: Бартенев, Бюлер, Карпов, гр. Шереметев...

Государь, посадив возле себя вел. кн. Владимира Александровича, приказывает цесаревичу сесть между мною и Штендманом. Я открываю заседание чтением своего отчёта. Потом А. Ф. Бычков читает отрывки из неизданных и отчасти неизвестных писем Петра Великого, причём весьма бестактно охарактеризовывает одно письмо, представляющее весьма верную (т. е. нелестную) оценку характера поляков. Грот читает весьма скучную статью о переговорах во время шведской войны 1788 г. Дубровин прочитывает премилое сообщение об исторических трудах императрицы Екатерины и попытке её при участии гр. А. Шувалова создать под своим председательством историческое общество. Мартенс душит нас рассказом, достойным сельского школьного учителя, о сношениях России с Пруссией во время Отечественной войны... После каждого чтения государь очень любезно говорит несколько слов читателю, цесаревич восхищается совершенно новым для него препровождением времени и сообщает мне, что уже 4 года ведёт дневник, куда внесёт и всё слушанное сегодня. Заседание оканчивается в 10³/₄ ч. Государь очень милостиво выражает ещё каждому из наличных членов своё удовольствие.

13 марта 1886 г. Четверг... Разговор приблизительно следующий...

Государь: «Вы мне писали о материалах для истории императора Николая. Я желаю, чтобы Вы напечатали их для того, чтобы изменить существующее до сих пор мнение, что император Николай был только солдат и больше ничего. Ознакомясь ближе с его деятельностью, увидят его качества души и ума».

Я: «Очень благодарю, Ваше величество, за оказываемое мне Вами доверие, но для исполнения этого поручения я просил бы Вас дать мне и те средства, кои дарованы были покойным государем бар. Корфу, а именно доступ в архив

---

¹ Чернуха В. Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 19.

и право досылки туда лиц, которые могли бы списывать отмеченные мною бумаги...»

1 февраля 1887 г. Воскресенье... мы перешли к делам Исторического общества. Государь выразил желание созвать общее собрание у себя в Аничковом дворце в понедельник на второй неделе поста. Потом я упомянул о своём намерении поместить государственный архив в здании, выстроенном для архива Государственного совета. Поговорили и о бумагах императора Николая. Государь высказал убеждение, что их нельзя печатать позже 1830 г., обещал ещё порыться в сундуке, где хранятся бумаги императрицы Марии Фёдоровны, и прибавил, что поручит это жене, которая менее занята.

23 февраля 1887 г. Понедельник. В 9 ч. вечера годовичное собрание Исторического общества. Всего 25 человек, в том числе государь, наследник и вел. кн. Владимир Александрович. Собираются всё в той же библиотеке Аничковского дворца. Я читаю свой отчёт, потом прочитываются образчики биографических статей для приготавливаемого нами к изданию биографического словаря... Всё это продолжается два с половиной часа, государь очень заинтересован и дважды благодарит за интересный вечер; сидя возле него, я говорю ему: «Но ведь Вам придётся лечь двумя часами позже, сидя за чтением бумаг». Он говорит, что действительно почти каждый день ему приходится работать до третьего часа и что балы очень в этом отношении тягостны»¹.

В период наследничества Александр III принял живое участие в основании в 1872 г. Исторического музея, о создании которого ходатайствовали организаторы Политехнической выставки. Её экспонаты составили первоначальную коллекцию музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича (так он тогда назывался). Архитектор В. О. Шервуд представил проект здания в русском стиле, строительство которого шло в 1875—1881 гг. Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III был открыт 27 мая 1883 г. В настоящее время это Государственный исторический музей. По замыслу Александра III его собрание отражает развитие культуры и истории российского государства. Об основании музея вспоминал С. Д. Шереметев: «Невольно мысль переходит к другому учреждению, обязанному своим существованием инициативе Цесаревича Александра Александровича. Я говорю об Историческом музее в Москве. В своё время немало слышалось отзывов, возражений, сомневались в пользе такого музея. Для чего музей, говорили иные, собирать какие-то черепки? На что? Мысль о таком учреждении всецело принадлежит Цесаревичу под впечатлением виденного им в Копенгагене. Там непосредственным продолжением Музея скандинавских древностей служит замок Rosenborg — этот образцовый исторический музей Дании. Душою этих учреждений был известный датский учёный Ворсо (Worsae), которого Цесаревич близко знал и с которым любил беседовать. Я помню, с какою любовью показывал мне Ворсо Rosenborg и объяснял его значение. Перед вами в каждой зале проходят различные века и наглядно пред-

---

¹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. — М., 2005. — Т. 1. — С. 293—294, 297—298, 318—319, 321—322, 437—439; Т. 2. — С. 20, 30—33, 223.

ставляется величественная картина исторического прошлого страны. Конечно, Ворсо с особым вниманием и увлечением показывал всё это Цесаревичу, к которому он чувствовал большое влечение. Не раз бывал Ворсо и в России и всегда был дорогим гостем Цесаревича. Понятно, что плодом посещения Розенборга явилось желание упрочить нечто подобное у нас, не касаясь существующих собраний. Понятно, что [центром] этим избрана была Москва и что вопрос этот Цесаревич принял горячо к сердцу. Но время, когда возник этот вопрос, было крайне неблагоприятно. Мы всего менее тогда стремились оберегать и сохранять. Для покойного Государя древности, как и искусство, были мёртвою буквой. На мысль Цесаревича посмотрели как на затею. С одной стороны, равнодушие и непонимание истинного значения дела, с другой — желание воспользоваться случаем для личных целей и отсутствие всякого руководства передали это дело в руки случайные. Отсутствие средств явилось главным препятствием. В голову не приходила необходимость поддержать и поставить прочно то дело, с которым связано имя Цесаревича. Скорее всего, именно в силу того, что имя это было прикосновенно к нему, относились к делу пренебрежительно. Неудаче и неуспеху его вначале иные даже радовались. С самого начала дело переходило из одних случайных рук в другие, пока не примкнул к нему граф А. С. Уваров»¹.

Заключение

В октябре 1894 г. здоровье императора резко ухудшилось. Первые признаки нездоровья — нефрита — проявились за несколько лет до этого. Однако окружающие, да и сам император, не хотели признавать, что организм может не выдержать и болезнь приведёт к летальному исходу.

«Могучая фигура Александра III ярко свидетельствовала о физической его силе. По рассказам гр. Воронцова-Дашкова, в близком кружке к императору несколько человек отличались незаурядно развитыми мускулами, упражнялись в поднятии тяжестей и в других гимнастических манипуляциях. Только один Владимир Алексеевич Шереметев мог соперничать с Александром III в этом спорте. Жизнь вёл царь в гигиеническом отношении правильную, излишества никогда не предавался, женился рано и семьянин был примерный, алкоголем никогда не увлекался — вина пил немного, ежедневно делал пешком большие прогулки и, кроме того, нередко пилил дрова, разгребал в парке снег. Однако ни могучая структура, ни правильный режим не гарантивали здоровья. На сорок девятом году от рождения Александр III стал заметно таять. Летом 1894 года в Петергофе отпраздновали свадьбу великой княжны Ксении Александровны с [великим князем] Александром Михайловичем; в местном театре, художественно декорированном снаружи трельяжем, состоялся парадный спектакль. Когда император вошёл в ложу, то соседи мои и я были поражены его болезненным видом, желтизной лица, усталыми глазами. Заговорили о нефрите.

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001. — С. 484—505.

Лечил царя профессор Захарьин, причём он только наезжал из Москвы, при дворе же постоянно оставался ассистент его Попов. В бытность Александра III наследником, а затем и по воцарении постоянным домашним врачом состоял лейб-хирург Гирш, весьма почтенный человек, но мало популярный доктор. Уверяли, будто император дал ему такую аттестацию: «Он знает, когда нужно позвать врача». Осенью 1894 года двор предполагал задержаться в Беловеже, но Захарьин настоял на переезде в Крым, в Ливадию, откуда зимой намечен был дальнейший южный этап — Корфу.

Болезнь почек, однако, развивалась усиленным темпом...¹ Не дожив до пятидесятилетия, Александр III скончался 20 октября 1894 г. в Ливадии. Последние дни при нём неотлучно находились супруга, старший сын Николай и его невеста (будущие император Николай II и императрица Александра Фёдоровна).

«Перевезение тела Александра III по Москве и в Петербурге в Петропавловский собор обставлено было торжественно. Канцелярия министра двора, снесясь с Главным управлением по делам печати и с Министерством иностранных дел, собрала богатую коллекцию оригинальных статей русских и иностранных, помещённых в газетах, журналах и брошюрах с характеристикой Александра III и его царствования. Собран был богатый материал в виде иллюстраций и разнообразных отзывов о покойном как в дружелюбном тоне, так и во враждебном. Вся эта груда печатных страниц систематизирована была по папкам и помещена в отдельный, специально для этого заказанный чёрный шкаф, который был поставлен в Собственной Его Величества библиотеке в Зимнем дворце, где, вероятно, и теперь находится и может представить известный интерес для лиц, работающих над исследованием дореволюционной эпохи»².

Лица, близко знавшие императора, пытались понять, какие обстоятельства могли привести к тому, что огромный сильный человек так быстро ослабел. Толчком для болезни послужили ушибы, полученные во время крушения царского поезда на станции Борки. С. Д. Шереметев предполагал, что здоровье императора было подорвано свадьбой его любимой дочери Ксении, расставание с которой он сильно переживал. Возможно, на Александра III, как в своё время и на Николая I, подействовало осознание тщетности усилий по созданию сильного процветающего государства. Лакмусовой бумажкой для Николая I стала Крымская война, для Александра III — голод 1891—1892 гг. «Жестоким уроком для него, по-видимому, стал голод 1891 года. Ведь он начал царствование с того, что поставил своей задачей улучшить положение крестьянства, и через десять лет оказался перед лицом чудовищного всероссийского бедствия»³.

---

¹ *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Воспоминания. — СПб., 2006. — С. 236—240.

² Там же. — С. 236—240.

³ *Чернуха В. Г.* Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 35.

Политическая и экономическая системы не справлялись с кризисом, управленческий механизм страдал теми же болезнями, что и в предыдущие царствования, — медленность, несогласованность, коррупция. Очередным доказательством этих явлений стал случай с броненосцем «Русалка», входившим в состав Добровольного флота, любимого детища императора.

Осенью 1893 г. броненосец береговой охраны «Русалка» затонул во время бури в Финском заливе по пути из Ревеля (Таллина) в Гельсингфорс (Хельсинки). Погибла вся команда. По предположениям, причиной гибели стало плохое состояние судна; было проведено расследование. Этот сюжет со слов вел. кн. Константина Константиновича передал в своих воспоминаниях Н. А. Епанчин:

«Государь, так сильно любивший морское дело, много сделавший для усиления нашего флота, воскресивший, так сказать, Черноморский флот, принял гибель «Русалки» близко к сердцу, следил за ходом следствия и настаивал, чтобы место гибели было тщательно протралено, чтобы корпус броненосца был найден и осмотрен водолазами. Специалисты считали, что всё это было возможно, а после тщательного осмотра судна можно было бы судить, действительно ли морское начальство пустило его в плавание без должного ремонта.

И вот государь с большим волнением стал рассказывать вел. кн. о докладе, бывшем утром в тот же день. Доклад был составлен в том смысле, что всё было благополучно и что гибель «Русалки» есть несчастье, в котором никто не виноват, и что «Русалку», несмотря на все усилия, найти не удалось.

Государь подвёл вел. кн. к большой карте Финского залива, висевшей на одной из стен кабинета, и с раздражением говорил, что решительно не согласен с заключением доклада и что он убеждён, что расследование было произведено не так, как следует.

Указывая на курс, по которому шёл броненосец, государь говорил с волнением, что траление было произведено намеренно неправильно. «Ты подумай, — говорил государь, указывая на карту, — они должны были тралить здесь, а тралят тут, где «Русалки» не могло быть».

Долго с волнением, с раздражением объяснял государь, как ему представлялось дело, и затем сказал: «Так вот в чём я убеждён — и что же? После долгого доклада мне не оставалось ничего другого, как утвердить его; ты понимаешь ужас моего положения!»

Вел. кн. был глубоко потрясён рассказом государя, тем беспомощным положением, в котором оказался неограниченный самодержец России, вынужденный против своего убеждения утвердить доклад, который он считал неверным.

В этом случае, с одной стороны, поражало горячее желание государя узнать истину, а с другой — недостаток воли настоять на своём.

Объяснить это можно было только тем болезненным состоянием, в котором он находился и которое через восемь месяцев привело его к преждевременной кончине, ранее 50 лет»¹.

---

¹ Епанчин Н. А. На службе трёх императоров // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб., 2001. — С. 199—200.

Поиски решения стоявших перед страной проблем могли бы быть продолжены в сфере гражданского общества, но признать право на существование его основного института — местного самоуправления — и верховенства права абсолютный монарх не мог. Для этого он должен был решиться на изменения в системе государственного устройства, что противоречило природе самодержавия.

Кризисная ситуация сложилась и в духовной сфере. «Другим бедствием, им не осозанным, оказался конфликт установленной им системы с российской интеллигенцией. Реформы 60-х годов потому и стали «великими», что как только Александр II и его правительство обнаружили намерение проводить прогрессивные преобразования, вся интеллектуальная Россия сочла своим долгом принять в этом участие. Александр III своей политикой загнал в оппозицию весь интеллект страны. Студенты становились в оппозицию не потому, что требовали созыва парламента, а потому, что им отказывали в праве на столовые, библиотеки, научные общества. Лояльная, не принимающая революционных методов профессура оказалась гонимой и униженной своим бесправием. Неверие в наличие у самодержавия здравого смысла овладело всей интеллигенцией. И последствия этого в полной мере сказались в царствование Николая II»¹.

Итоги царствования начали подводить современники сразу же после кончины императора. В. Н. Ламздорф отмечал: «В самом деле, внутри страны смерть государя оплакивается главным образом только по причине проистекающей отсюда неопределённости положения, в связи с незаметностью наследника-цесаревича, которого почти до самого последнего времени держали в детской комнате; наследник не проявил себя ничем, он известен только кое-какими слабыми сторонами и увлечениями молодости, отнюдь не способными внушить к нему какое-либо доверие.

Хорошей стороной прошлого царствования была, безусловно, внешняя политика, восстановившая мир в умах и путём весьма ловких и подходящих средств сумевшая препятствовать всему, что было бы способно этот мир нарушить. Весь цивилизованный мир в конечном счёте проникся доверием к огромной империи, которая, сохраняя верность программе, возведённой при восшествии на престол Александра III, трудилась над развитием собственного процветания и силы, делая из них орудие умиротворения, а не разрушения и авантюры... Несколько дней тому назад британский посол сказал: «Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезает как раз в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие»².

Действительно, внешняя политика была «сильной стороной» тринадцатилетнего царствования Александра III. Эту сторону отражает его прозвище —

---

¹ Чернуха В. Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 35.

² Ламздорф В. Н. Дневник 1894—1896. — М., 1991. — С. 72—77.

Миротворец. Неприязнь к войне сформировалась у монарха в период его службы в Рущукском отряде. Он рассказывал С. Ю. Витте: «Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны, конечно, если его [правителя] не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятия и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал»¹.

Отражением уверенности Александра III в твёрдости международного авторитета Российской империи стало провозглашение тоста «за единственного друга» черногорского князя Николая. С. Ю. Витте считал, что «государь провозгласил его не бесцельно, провозгласил именно, чтобы показать, что ему никаких ни с кем политических дружб не нужно, что он считает Россию настолько сильной и властной, что ни в каких поддержках ни от кого не нуждается; что он сам стоит на ногах и сам влияет на общемировую политику, ни от кого не зависит, а, напротив, те, которые желают соответствующего успеха в мировом концерте, должны желать и искать дружбы России и её монарха, императора Александра III. Поэтому тост этот надо понимать в том смысле, что у меня есть единственный друг, конечно, друг политический, и этот друг — князь черногорский, а известно, что Черногория является такой страной, которая по размерам и по количеству населения менее какого-нибудь малочисленного уезда одной из русских губерний»².

При этом внутренняя политика Александра III складывалась «тяжело и медленно»³. «Если задаться вопросом, какие личные убеждения более всего сказались на политике Александра III, то на первое место тут придёт поставить яростную веру в необходимость сохранения самодержавия. Власть воспринималась им как собственность, а люди, разговаривающие о народо-власти, — как воры, покушающиеся на его нательную рубаху. Демократизм в поведении и чудовищное высокомерие носителя верховной власти в нём сочетались и проявлялись иногда в поразительной форме. Чего стоит одно заявление: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?», сделанное им ещё в 1881 году. И с этой позиции он не сдвинулся ни на йоту. С большим сожалением относился он к монархам, идущим по конституционному пути. Узнав из донесения, что японский премьер произнёс похвальное слово новой конституции, император написал: «Несчастные, наивные дураки». Он закрывал пред Россией возможности конституционного развития и оценивал реформы, проведённые его отцом, с точки зрения их совместимости с абсолютной властью. На судебной контрреформе он настаивал именно потому, что в его глазах это было детище конституционалистов, начавших с ограничения

---

¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. — М., 1960. — Т. 1. — С. 410—411.

² Там же. — С. 420—421.

³ *Чернуха В. Г.* Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 35.

судебной власти царя. Другой, бьющей в глаза идеей Александра была идея национальная, сказывавшаяся и в его внешней политике, и в политике по отношению к национальным окраинам, у которых он начал отбирать остатки автономии, и в отборе приближённых сановников. Сильно отразился на его политике и сословный принцип, им исповедуемый. Этот принцип пришёл на смену бессословному подходу предыдущего царствования и особенно сильно сказался на дворянской политике Александра III, поставившего своей целью поддержать и возродить поместное дворянство в России, отвергая все доводы о бесперспективности такой цели»¹.

В. Г. Чернуха дала ёмкую характеристику курса Александра III: оказавшись перед выбором сделать шаг вперёд — к либеральным преобразованиям или назад — к ужесточению режима, император выбрал средний путь: стояния на месте, не отступая, и производя лишь «улучшения существующего, снятие наиболее явных и вредных его издержек, «неудобств»².

Путь, выбранный Александром III, заключался в отделении экономики от политики при сохранении единовластия в обеих сферах. Александр III полагал, что можно развивать экономические силы страны, опираясь на архаическую систему управления, главной чертой которой была сверхцентрализация, сосредоточение всех нитей управления в руках монарха. Сторонники этого курса — охранители — представляли, что можно найти «средство, которое позволит развивать экономические силы России, — а в том, что это жизненная необходимость, уже не могло быть никаких сомнений, — не развивая капитализма, оставляя Россию при установленных в ней самодержавием порядках. Хотели, чтобы у государства появились такие же средства и возможности борьбы, какими располагала Западная Европа, но чтобы при этом всё осталось по-старому, чтобы в России было совсем не так, как в Европе»³. Политическую доктрину Александра III можно выразить лозунгом «назад в будущее», отражающим противоречия этого периода. Ю. Б. Соловьёв обратил внимание на один из фактов, свидетельствовавших об этом противоречии: в 1889 г. принимается одна из первых контрреформ — закон о земских начальниках, и спустя всего два года, в 1891 г., утверждается протекционистский таможенный тариф, т. е. делается шаг по пути модернизации⁴.

«Нельзя недооценивать перемен в экономике и народном хозяйстве под влиянием политики индустриализации 90-х годов. Однако русскому обществу для естественного его развития не хватало политических свобод»⁵. Вследствие избранного Александром III курса «Россия сошла с пути, обозначенного «Великими реформами». Однако их корректировка и попытка приспособить к

---

¹ Чернуха В. Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 34—35.

² Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 150.

³ Соловьёв Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. — Л., 1973. — С. 86.

⁴ См.: Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 81.

⁵ Ананьич Б. В., Чернуха В. Г. Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // Родина. — 1992. — № 2. — С. 35.

политической доктрине «народного самодержавия» также не удалось в полной мере. Власть не хотела проводить реформы, вместе с тем не могла их не проводить и не способна была их возглавить. Отсутствие чётко обозначенного курса вело к хаосу и кризису. Он не замедлил отразиться в трагических событиях неурожайных лет начала 1890-х годов»¹.

Вся система самодержавия сверху донизу раскалывалась сосуществованием этих двух взаимоисключающих главных направлений в проводимой политике. Отныне герб самодержавия — туловище о двух головах, глядящих в противоположные стороны, — приобретает вполне вещественное и роковое для самодержавия значение. Такая политическая аномалия, одновременное преследование двух взаимоисключающих целей, сохранявшаяся в основе внутренней политики, прямым путём вела к катастрофе, ибо тем самым формировалась главная основа будущих революций — противоречие между архаичной системой управления и «ультрасовременными» тенденциями в экономике, на всех парах устремившейся вперёд².

Негативные стороны деятельности архаичной государственной машины проявляются всё сильнее к концу XIX в. «в малой производительности её высших и центральных государственных учреждений, которые всё отчётливее обнаруживают свою традиционную неторопливость, зависимость не от политических задач, а от «высочайшей воли»³. Последствия сохранения архаичности власти сказались в царствование последнего российского императора, и Николаю II «пришлось спешно идти на такие радикальные преобразования, о которых ни Александр III, ни Николай I даже не подозревали»⁴. Самодержавие в том традиционном виде, на сохранении которого настаивали все российские монархи, было обречено.

В настоящее время интерес историков, политиков и общества к царствованию Александра III не ослабевает. Незыблемость власти и её централизация зачастую представляются политическим идеалом. Однако не стоит забывать о кризисных явлениях, скрывавшихся за фасадом «народного самодержавия» и неуклонно подтачивавших устаревшие основы блестящей с виду, но уже износившейся конструкции.

---

¹ *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* — М., 2006. — С. 357.

² См.: *Соловьёв Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. — Л., 1973. — С. 82.

³ *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007. — С. 140—141.

⁴ Там же. — С. 141.

Список сокращений

ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

1. «Буду свято исполнять Свой долг» // Источник. — 1993. — № 1. — С. 39—50.
2. «Нет спокойствия ни физического, ни морального»: Письма Александра III императрице Марии Фёдоровне. 1891—1892 гг. // Исторический архив. — 1994. — № 3. — С. 149—167.
3. Александр III: pro et contra, антология / Сост. И. Е. Барыкина, В. Г. Чернуха. — СПб., 2013.
4. Александр III Александрович // Военная энциклопедия. — М., 1911.
5. Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб., 2001.
6. *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860—1914: Очерки истории частного предпринимательства. — Л., 1991; М., 2006.
7. *Ананьич Б. В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 338—416.
8. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Дом Романовых в истории России: Материалы к докл. конф., 19—22 июня 1995 г. — СПб., 1995. — С. 204—213.
9. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. — СПб., 1999.
10. *Ананьич Б. В., Чернуха В. Г.* Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890—1900 годы) // Родина. — 1992. — № 2. — С. 30—35.
11. *Астаховская С. А., Шукурова А. Э.* Гатчинский дворец. Страницы истории музея. Фотоальбом. — СПб., 2007.
12. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. — М., 1990.
13. *Бунге Н. Х.* Загробные заметки // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX в. Документы и мемуары государственных деятелей. — СПб., 2007. — С. 216—283.
14. *Буш В. В.* Всеподданнейшие доклады по Главному управлению по делам печати. 1865—1909 гг. Обзор содержания // Периодическая печать и цензура в Российской империи в 1865—1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. — СПб., 2011. — С. 348—355.
15. *Валк С. Н.* Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. — М., 1951. — С. 910—990.
16. Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. — М., 2002.
17. *Витте С. Ю.* Воспоминания. — М., 2010.
18. *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3 т. — М., 1960.
19. *Гинев В. Н.* Земские начальники: объективная необходимость или реакционная контрреформа? // Петербургский исторический журнал. — 2014. — № 4 (08). — С. 47—64.

20. *Готье Ю. В.* Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. — 1938. — Т. 2. — С. 240—299.
21. *Григорьев С. И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831—1917). — СПб., 2007.
22. Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880—1885). — М.; Л., 1927.
23. Дневники императора Николая II. — М., 1992.
24. *Долбилов М. Д.* Рождение императорских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. — 2006. — № 9 (127). — С. 5—48.
25. *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1964.
26. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). — М., 1970.
27. *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. — М., 1968.
28. *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. // Александр II и отмена крепостного права в России. — М., 2011. — С. 353—542.
29. Из архива С. Ю. Витте. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2 т. (3 кн.). — СПб., 2003.
30. Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Фёдоровны // Вопросы истории. — 2000. — № 4—5. — С. 117—135.
31. Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Материалы научной конференции: Сб. статей. — СПб., 2006.
32. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866—1895: Статьи. Очерки. Воспоминания. — М., 2001.
33. К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: В 2 т. — Минск, 2003. — Т. 2.
34. *Качалов Н. А.* Записки тайного советника. — М., 2012.
35. *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. — М., 2004.
36. *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Воспоминания. — СПб., 2006.
37. Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890). — М.; Л., 1926.
38. *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891—1892. — М.; Л., 1934.
39. *Ламздорф В. Н.* Дневник 1894—1896. — М., 1991.
40. *Лобачёва Г. В.* Прошения «на Высочайшее имя приносимые» как исторический источник изучения монархических настроений россиян // Дом Романовых в истории России. — СПб., 1995. — С. 245—251.
41. *Лобачёва Г. В.* Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX века). — Саратов, 1999.
42. *Лукоянов И. В.* Н. П. Игнатъев и его воспоминания // Н. П. Игнатъев. Земский собор. — СПб.; Кишинёв, 2000.
43. Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001.
44. *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868. — М., 2011.
45. *Милютин Д. А.* Дневник. 1879—1881. — М., 2010.

46. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. — СПб., 1992.
47. Нардова В. А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX — начале XX в.: Власть и общество. — СПб., 2014.
48. П. А. Зайончковский (1904—1983): Статьи, публикации и воспоминания о нём. — М., 1998.
49. Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. — М., 1999. — Вып. IX. — С. 213—250.
50. Победоносцев К. П. Сочинения. — СПб., 1996.
51. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: Мемуары и дневники. В 2 т. — М., 2005.
52. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2 т. — Т. 1. 1883—1886; Т. 2. 1887—1892 гг. — М., 1966.
53. Ремнев А. В. Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. — 1997. — С. 17—35.
54. Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). — М., 2010.
55. Александр III. Царь-миротворец. Специальный выпуск. — Родина. — 2015. — № 2.
56. Соловьёв Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. — Л., 1973.
57. Татищев С. С. Александр II. Его жизнь и царствование. — М., 2010.
58. Томсинов В. А. Конституционный вопрос в России в 60-х — начале 80-х годов XIX века. — М., 2013.
59. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. — Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. — М., 2004.
60. Чернуха В. Г. Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и её оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. — СПб., 2012. — С. 599—613.
61. Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719—1917 гг. — СПб., 2007.

6eb6d2d0-4863-11e5-9b98-0050569c7d18

Учебное издание

Барыкина Инна Евгеньевна

Александр III. Назад в будущее

Учебное пособие
для общеобразовательных организаций

Центр гуманитарного образования
Руководитель Центра *А. А. Данилов*
Редакция истории, обществознания и права
Редактор и ответственный за выпуск *А. Ф. Иванова*
Художественный редактор *Е. В. Дьячкова*
Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *С. А. Сорока*
Корректоры *Е. В. Аратова, Е. В. Барановская, О. Н. Леонова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 18.11.16. Формат 70 × 90 ¹/₁₆. Бумага типографская. Гарнитура SchoolBookCSanPin. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 8,43. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300026, г. Тула, пр-т. Ленина, 109.